327(09)
Н642

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Г. НИКОЛЬСОН

ДИПЛОМАТИЯ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1941

138654.

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Обязательный экземпляр
2
327(09)
Н 642

Г. НИКОЛЬСОН

ДИПЛОМАТИЯ

Перевод с английского
под редакцией и с предисловием
А. А. ТРОЯНОВСКОГО

138654

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1941

52
3

Русский перевод «Дипломатии» Никольсона сверен по английскому изданию: *Harold Nicolson*, Diplomacy, London 1938.

Примечания помещены в конце каждой главы. Указатель имен дан в конце книги.

Перевод с английского сделан *Л. А. Гашкелем*.

В составлении примечаний и именного указателя принял участие *В. В. Альтман*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гарольд Никольсон написал большое количество книг, содержание которых в значительной мере посвящено вопросам дипломатии. Среди них одна книга посвящена бывшему министру иностранных дел Англии Керзону. В другой книге Никольсон рассказывает о деятельности своего отца Артура Никольсона (1849—1928 гг.), бывшего посла в Петербурге (1906—1910 гг.), затем постоянного помощника министра иностранных дел Великобритании накануне первой мировой империалистической войны и в начале ее, сыгравшего большую роль в вопросе о вступлении Англии в войну 1914—1918 гг. За свои заслуги Артур Никольсон получил звание лорда и стал лордом Карнок[1].

I

Гарольд Никольсон хорошо знает буржуазную дипломатическую кухню. Настоящая книга—«Дипломатия»—входит в состав английской «Библиотеки университета на дому».

Одним из достоинств книги Никольсона является то, что он рассматривает дипломатию как одно из важнейших средств внешней политики государства. Никольсон принимает определение дипломатии, данное «Оксфордским словарем английского языка». По этому определению, «дипломатия—это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Никольсон находит также разумным определение английского дипломата Сатоу, для которого дипломатия представляет собой «применение ума и такта

---

[1] Гарольд Никольсон родился в 1886 г. в Тегеране в то время, когда его отец занимал там пост поверенного в делах. Он закончил дипломатическую карьеру в 1929 г. в должности советника английского посольства в Берлине. Он—член парламента от объединенных университетов Англии и числится национал-лейбористом, т. е. фактически является консерватором. В кабинете Черчиля Гарольд Никольсон стал помощником министра по делам информации.

к ведению официальных отношений между правительствами независимых государств». Это определение весьма расплывчато, ибо всякое дело требует ума и такта.

Некоторые данные для определения того, что такое дипломатия, можно найти у известного военного авторитета Клаузевица, который дал определение войны: «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств»[1]; или: «Война есть продолжение политики, только иными средствами»[2]. Ленин по поводу этого определения писал: «Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны»[3].

Проводя параллель между войной и дипломатией, Клаузевиц ставит вопрос: «Разве когда-либо прекращаются вместе с дипломатическими нотами политические отношения различных народов и правительств? Разве война не является только другим видом письма и речи, выражающим их мысли?»[4]

«Письма и речи» в международных отношениях это—ноты и переговоры. Переговоры часто приводят к договорам. Ленин международные переговоры и договоры относил к области дипломатии[5].

Дипломатия является важнейшим оружием в руках государства. История учит, а современное международное положение подтверждает, что ни одно государство, если оно не желает оказаться в невыгодном положении среди других государств, если оно не желает, чтобы за его счет усиливались другие государства, не может обойтись без умело поставленной, хорошо организованной дипломатической службы.

Государству нужны опытные, образованные дипломаты, умеющие с честью и со знанием дела отстаивать интересы своего государства, умеющие помогать своему правительству своевременно ориентироваться в изменениях, происходящих в соответствующих странах, умеющие правильно проводить внешнюю политику своего государства.

Все эти качества дипломата приобретаются не только практикой, но не в меньшей мере и серьезным изучением истории внешней политики, истории дипломатии различных стран.

Таким образом, можно сказать, что дипломатия является средством внешней политики, деятельность дипломатии состоит в ведении международных переговоров, в заключении международных договоров и в изучении международных отношений.

Для успешного ведения дипломатии необходимо серьезное знание международных отношений и положения дел в каждой стране. Для дипломата, находящегося на дипломатическом посту

---

[1] *Клаузевиц*, О войне, М. 1934, стр. 560.
[2] Там же, стр. 27.
[3] *Ленин*, Соч., т. XVIII, стр. 197.
[4] *Клаузевиц*, О войне, стр. 560.
[5] См. *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 622—639.

за границей, совершенно необходимо обстоятельное знакомство с историей и тем более с экономическим, политическим и культурным состоянием страны, в которой он осуществляет свою дипломатическую миссию.

Никольсон в своей книге «Дипломатия» дает интересный материал, помогающий понять важность дипломатической деятельности для интересов государства. Не все в его книге одинаково ценно и не все выводы, которые он делает, могут быть приняты советским читателем. Автор «Дипломатии»—буржуазный английский дипломат, и естественно, что он рассматривает вопросы дипломатии с колокольни английской дипломатической службы. Однако книга Никольсона, богатая конкретным материалом, написанная человеком, знающим дипломатию всесторонне, заслуживает того, чтобы с ней ознакомились наши читатели.

II

Роль дипломатии как орудия внешней политики государства всегда была исключительно велика. Деятельность дипломатии в значительной степени влияла на судьбы государств и при умелом пользовании этим могущественным орудием давала громадные результаты. Многие международные катастрофы сопровождались плохой, по разным причинам, дипломатией.

Богатый материал для суждения о значении дипломатии дает история древнего Египта. Работа русского ученого Тураева по истории древнего Востока содержит яркие страницы, характеризующие дипломатию этой страны в античные времена.

Египет с его продолжительной историей, а также с колоссальным опытом всех видов государственной деятельности представляет исключительный интерес для изучения международных отношений и дипломатии древних веков.

Сравнительно недавно в одной гробнице XIX династии (около 1400 г. до н. э.) найдено изображение министерства иностранных дел, его канцелярии и архива[1]. Оно показывает, что древний Египет имел сложные отношения с соседними государствами и развернутую дипломатию, которая требовала постоянного аппарата, специально ею занимавшегося. Неудивительно, что первый международный договор, известный истории, был найден в Египте. Этот договор о союзе был заключен около 1270 г. до н. э. между египетским фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хаттасилем (или Хаттушилем) и составлен почти по всем правилам дипломатического искусства[2].

Важнейшие международные вопросы тогда уже разрешались при участии дипломатии. Когда (в середине VI века до н. э.)

---

[1] См. *Тураев*, История Древнего Востока, т. I, Л. 1936, стр. 274.
[2] См. там же, стр. 305—307.

персидский царь Кир приступил к осуществлению своих завоевательных планов, он вел тщательную дипломатическую подготовку соответствующих операций. Он обладал не только военными талантами, но и дипломатическими и умел привлекать на свою сторону влиятельные элементы в разных странах.

Широко применялась дипломатия во внешней политике городов-государств древней Греции. Афины в борьбе со Спартой умели применять дипломатические методы для сближения с другими греческими городами-государствами. Например, после победы в 490 г. до нашей эры на Марафонском поле над персами Аристид вел очень успешную дипломатию и сумел оторвать от Спарты многих ее союзников. Но затем Афины отбросили в сторону дипломатию и стали проводить ничем не прикрытую теорию силы.

В переговорах между афинянами и мелианами, жителями острова Мела, в марте 416 г. до н. э. афинские послы предлагали мелианам подчиниться Афинам, не доводя дело до решительного боя. Афинские послы прямо говорили: «Оставим в стороне пространные, изобилующие красивыми фразами, но неубедительные речи... Сильный делает то, что̀ может, а слабый уступает»[1].

И, далее, афинские дипломаты, без всякой дипломатии, заявляли: «Не мы установили этот закон, не мы первые применили его; мы получили его готовым и сохраним на будущее время, так как он будет существовать вечно. Согласно с ним мы и поступаем в той уверенности, что и вы и другие, достигнув силы, одинаковой с нашей, будете действовать точно так же... Мы благословляем вашу наивность, но не завидуем вашей глупости»[2].

Мелиане не послушались афинян и в результате понесли большое поражение. Афиняне умертвили всех взрослых мелиан, а детей и женщин обратили в рабство[3].

Такая «дипломатия» дорого стоила афинянам и оттолкнула от них соседние государства. В конце концов могущество Афин было так подорвано, что они, несмотря на свое богатство и большую военно-морскую силу, потеряли свое господствующее положение в Греции, особенно после того, как в результате плохой дипломатии (и внутреннего разложения) они потерпели жестокое поражение (в 415 г. до н. э.) в битве против Сиракуз в Сицилии, когда Сиракузы получили помощь от греческих противников Афин.

Филипп Македонский проявил себя как крупный дипломат, умевший надлежащим образом использовать дипломатию как орудие объединения Греции под его властью.

Знаменитая борьба карфагенского полководца Ганнибала против Рима во время второй Пунической войны сопровождалась упорной и ловкой дипломатией с обеих сторон.

---

[1] *Фукидид*, История, т. II, М. 1915, кн. V, ст. 89, стр. 60.
[2] Там же, ст. 105, стр. 63.
[3] См. там же, ст. 116, стр. 67.

Победа Ганнибала при Каннах в 216 г. до н. э. была подготовлена его дипломатической деятельностью. Он привлек к себе разные племена Пиренейского полуострова, Галлии и др. Рассчитывая на помощь народов, угнетавшихся римлянами, Ганнибал шел в Италию через Испанию и Галлию. Вместе с тем римляне, чтобы парализовать дипломатические успехи Ганнибала, добились поддержки соседних Карфагену нумидийских царей в Африке. сговориться с которыми не могла дипломатия Карфагена. Надежды Ганнибала на содействие племен Средней Италии не оправдались.

В итоге римляне разбили сначала брата Ганнибала в 207 г. до н. э. при Метавре, а затем самого Ганнибала в 202 г. при Заме, в Африке. Этим поражениям способствовала также успешная для римлян война (214—205 гг.) против союзника Ганнибала македонского царя Филиппа V, который благодаря этой войне не мог оказать содействие Ганнибалу.

Так погибло карфагенское государство, и город Карфаген был разрушен римлянами.

Первое грозное предостережение, которое получили римляне от германских племен, было поражение в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу римских легионов, которыми командовал Вар, нанесенное вождем германцев Арминием, развившим чрезвычайно ловкую дипломатию против Вара.

Энгельс рассказывает довольно подробно историю поражения Вара:

«...Арминий обладал большим государственным умом и был выдающимся полководцем. Решив положить конец господству римлян на правом берегу Рейна, он без колебаний воспользовался всеми необходимыми для этого средствами. Надлежало привлечь, по крайней мере, бóльшую часть военной знати херусков, которая была под сильным влиянием римлян, и втянуть в заговор хаттов и хавков и особенно бруктеров и сигамбров, находившихся под непосредственным римским игом. На это требовалось время, хотя почва и была подготовлена вымогательствами Вара...»[1]

Поражение Вара положило предел подчинению Риму германских племен, которые с тех пор накапливали силы для решительных столкновений с Римской империей. Арминий считается национальным героем Германии. Он выведен в одной из драм немецкого драматурга Клейста, весьма популярного в Германии в период наполеоновских войн. О нем говорил в своих поэмах Клопшток.

История дает богатейший материал, показывающий громадную роль дипломатии в истории всех времен и народов.

Возьмем для примера Англию.

Англия надолго обеспечила свое могущество благодаря разгрому испанской Армады, после которого сила и влияние Англии

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 358.

шли непрерывно вверх, а когда-то могущественная Испания все более и более падала.

Эта победа Англии, одна из величайших по своему значению во всемирной истории, была подготовлена не только всем предыдущим развитием Англии и Испании, но и международной обстановкой, которую использовала дипломатия Англии.

Англия в это время опиралась на силы, выступавшие против господствующего католицизма. Римский папа всеми доступными ему средствами поддерживал испанского короля Филиппа против главы всех «еретиков»—королевы Елизаветы.

Английская дипломатия очень ловко использовала общее недовольство в Европе католицизмом.

Англия посредством удачной дипломатии получила содействие своего конкурента на море, Голландии.

Филипп Испанский явно переоценивал свои силы, и его Армада была уничтожена в июле 1588 г. Победил не только английский флот, одержала победу нарождающаяся буржуазия над силами феодальной реакции, взяла верх более ловкая дипломатия над неповоротливой и отсталой.

В борьбе с Наполеоном в конце концов Англия одержала победу больше всего своей дипломатией и своими финансово-экономическими ресурсами. Свою военную силу Англия пускала в ход лишь в отдельные периоды, все остальное время она действовала дипломатическими комбинациями, натравливая на Наполеона одно за другим континентальные государства.

Роль дипломатии в истории Англии XIX века весьма велика и очень поучительна.

Почти весь XIX век и начало XX века прошли под знаком сопротивления Англии завоевательной политике России. Англия не подпускала царскую Россию к Дарданеллам. Она при помощи Японии, с которой заключила союз в 1902 г., остановила экспансию России на Дальнем Востоке. Она сумела задержать русское продвижение в Средней Азии. По соглашению 1907 г. между Россией и Англией, Россия лишилась права непосредственных дипломатических сношений с Афганистаном и должна была, отозвав своих дипломатических представителей, сноситься с афганским правительством только через английских дипломатов в этом государстве. Этим соглашением Англия завершила свою политику, имевшую целью приостановить расширение владений России всюду, в том числе и в Средней Азии, вблизи Британской Индии.

Некоторые германские дипломаты, в частности имевший в свое время большое влияние в германском министерстве иностранных дел Фридрих Гольштейн, были твердо убеждены, что Англия не может ни в коем случае преодолеть своих противоречий с Францией и Россией. На основе франко-английского и русско-английского соглашений дипломатии Англии удалось создать единый

фронт Англии, Франции и России против Германии во время первой мировой войны. Это сильное орудие государственной политики сослужило Англии большую службу.

III

Одной из положительных сторон книги Никольсона является то, что она дает краткий исторический обзор форм и методов дипломатии, начиная с древних времен. Он говорит о доисторическом человеке. Он затрагивает времена Гомера.

Некоторый интерес представляет дипломатия индейских племен Америки. Богатый материал американского ученого Л. Моргана был использован Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Индейское племя ирокезов имело племенной совет, в круг ведения этого совета «входило регулирование отношений к другим племенам; он принимал и отправлял посольства, объявлял войну и заключал мир»[1].

Особа посла считалась для индейских племен неприкосновенной, но все же во избежание «недоразумений» бывали случаи, когда индейцы отправляли посольство и в обмен получали тоже посольство, не для постоянных дипломатических сношений, а в качестве заложников.

Дипломатия индейских племен во враждебном окружении интересна тем, что во внутренней их жизни эти племена вызывали «восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров»[2], а в своих внешних отношениях они вынуждены были вести хитрую дипломатию и частые войны.

В античном мире не могли развиться постоянные дипломатические отношения между отдельными государствами, потому что эти государства не были устойчивы.

Римская империя стремилась к созданию единого мирового государства. Рим должен был считаться с наличием вокруг него отдельных племен и даже государств и постольку вынужден был заниматься в отношении их дипломатией, но, добиваясь подчинения их себе, не мог создать системы международной дипломатии с соответствующим аппаратом.

Это обстоятельство не прошло мимо внимания Никольсона. Он отмечает, что, достигнув могущества, Рим в своих взаимоотношениях с другими странами пользовался «скорее колониальными и административными приемами, чем дипломатическими».

Хотя римляне и старались проповедовать доктрину о «нерушимости контрактов» и о «святости договоров», но она ничем

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 72.
[2] *Там же*, стр. 77.

не связывала в отношениях к окружающим народам самих римлян.

Известный знаток истории Рима Моммзен пишет: «Римские наместники попирали международное право и надолго запятнали честь Рима своим неслыханным вероломством и предательством, самым наглым нарушением договоров и капитуляций, избиением безоружного населения и подстрекательством к убийству неприятельских полководцев»[1].

В средние века в жестокой борьбе стали складываться в основном современные национальные государства. Только римская церковь еще являлась носительницей идеи единой мировой державы. Эта идея держалась долго, вплоть до XIX века, в Китае. Отчаянная, ни перед чем не останавливающаяся борьба стремившихся к самостоятельности феодальных властителей наделяла эту дипломатию чертами обмана, вероломства и безжалостного уничтожения противников.

Особого развития этого рода дипломатия достигла во взаимоотношениях между итальянскими городами-государствами, которые почти непрерывно вели между собой борьбу и постоянно пользовались дипломатией как средством в этой борьбе. На дипломатию этого времени оказывала влияние восточновизантийская дипломатия. По этому поводу Никольсон пишет:

«Дипломатия средних веков имела, главным образом, итальянский, точнее византийский, привкус. Этому наследию она обязана той плохой славой, которой она пользуется в современной Европе».

Дипломатия этой эпохи имела своего теоретика—Никколо Макиавелли (1469—1527 гг.).

Макиавелли говорит, что «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание. Если бы люди были все хороши, такое правило было бы дурно, но так как они злы и не станут держать слово, данное тебе, то и тебе нечего блюсти слово, данное им»[2].

Макиавелли, конечно, исходил из того, что окружение, в котором приходится действовать правителю, пропитано обманом и вероломством; другими словами, всякого рода коварство являлось «нормой» международного поведения. Макиавелли писал портрет государя с Цезаря Борджиа, которого считал идеальным правителем. Теория Макиавелли—это обобщение существовавшей практики. Макиавелли не фантазировал, а брал за основу своих рассуждений материал из подлинной жизни. Из своих наблюдений он вывел правило: «надо быть лисицей, чтобы распознавать западню, и львом, чтобы устрашать волков»[3].

---

[1] *Моммзен*, История Рима, т. II, М. 1937, стр. 66.
[2] *Макиавелли*, Сочинения, т. I, М.—Л. 1934, стр. 287.
[3] *Там же.*

Дипломатические нравы в то время были довольно жестокие. История дипломатии упоминает убийство бургундского герцога Иоанна Бесстрашного во время его дипломатического свидания с наследником французского престола, впоследствии Карлом VII, на мосту Монтеро в 1419 г.

Учитывая этот опыт, свидание французского короля Людовика XI и английского короля Эдуарда IV в 1475 г. было организовано с большими мерами предосторожности.

Обе стороны боялись попасть в ловушку, и свидание состоялось на мосту через реку Сомму, причем по середине моста была построена решетка так, чтобы через нее не могла пролезть рука. Количество придворных, сопровождавших двух коронованных дипломатов, было строго ограничено. Беседа велась через решетку. Современники говорили, что короли виделись друг с другом, как львы в клетке.

Такого рода дипломатические нравы еще долго давали себя знать в дипломатической практике.

Никольсон удостоверяет, что «дипломаты XVI и XVII веков часто давали повод к подозрениям, от которых несправедливо страдают их наследники. Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали».

Никольсон знает, что имя одного английского дипломата оказалось примешанным к проповеди допустимости лжи в дипломатических делах. Он хочет превратить в шутку выражение английского посла в Венеции Генри Уоттона (1568—1639 гг.), который написал в альбом своего знакомого Христофора Флекамора в Аугсбурге, что «посол—это честный человек, которого посылают за границу лгать для блага своей родины».

Шутил или не шутил Уоттон, это сравнительно второстепенный вопрос. Интересно то, что все считали, что Уоттон выразил мнение о послах, соответствующее действительности. По крайней мере его собственный король Яков I отнесся к его заявлению всерьез и отказался пользоваться его услугами, считая, что он совершил нескромность и проговорился относительно истинного характера дипломатической деятельности в те времена.

Характеристика, данная Уоттоном дипломатии, вполне соответствовала методам дипломатии того времени.

Людовик XI, напутствуя своих послов, давал им указания: «Если будут врать вам, врите еще больше»[1].

В последнее время мы тоже находим примеры легкого обращения с истиной со стороны дипломатов. Никольсон указывает

---

[1] *D. Hill*, A History of Diplomacy in the international development of Europe, v. II, London 1905, p. 153.

на Бюлова. По поводу известной фразы Бетман-Гольвега относительно «клочка бумаги» в связи с нарушением Германией в 1914 г. договора о нейтралитете Бельгии Бюлов обвинял Бетман-Гольвега в том, что он не отрекся от этой фразы. Тогда трудно было бы решить, кто соврал[1].

В истории дипломатии XIX и XX веков известно много фактов участия дипломатов в действиях подрывного и диверсионного характера, вмешательство дипломатов во внутренние дела государств, в которых они были аккредитованы.

Особенно буржуазная дипломатия неразборчива в средствах в отношении Советской страны.

В 1918 г. английский дипломат Локкарт и французский дипломат Нуланс устраивали заговоры и восстания против Советской власти. Против советского правительства пускались в ход всякие фальшивки. Иностранные дипломаты привлекали троцкистско-бухаринских выродков для диверсионной и шпионской работы.

IV

Никольсон—один из немногих буржуазных писателей, которые пытаются делать кое-какие обобщения относительно деятельности дипломатии, в первую очередь относительно английской дипломатии. Он выдвигает две особо важные задачи, стоящие перед английской дипломатией.

Перед ней прежде всего стоит задача защиты целостности Британской империи. Это требует морского господства и борьбы против покушений на это господство, откуда бы эти покушения ни исходили. Нарушение морских связей Англии с ее заокеанскими владениями грозит существованию Британской империи. В настоящей, второй мировой войне, как и в первой мировой войне, этот вопрос имеет первенствующее значение.

Другой важный вопрос для Англии—это вопрос об обстановке на континенте Европы и об угрозе со стороны Европы самой Англии. Англия всегда стремилась и стремится к созданию такого «равновесия сил» в Европе, при котором ни одно государство не должно иметь там господства.

Никольсон говорит по этому поводу следующее:

«Британская политика постоянно направлена к организации коалиций против какой бы то ни было страны, которая в данное время является сильнейшим государством в Европе; это означает, что общая тенденция политики направлена против того, чтобы одно государство или группа государств могли использовать свою силу с целью лишить другие европейские страны их свободы и независимости».

Если в Европе цель английской политики—равновесие сил—достигается без прямого участия Англии, то она готова занимать

[1] См. *Бюлов*, Воспоминания, М.—Л. 1935, стр. 447.

позицию «блестящей изоляции», «невмешательства». Если без нее дело обойтись не может, она открыто вмешивается в европейские дела, но с тем, чтобы, насколько возможно, недалеко заходить в своих обязательствах, а «равновесие сил» сохранить.

Никольсон умалчивает, что английская политика «равновесия» является средством сохранения гегемонии Англии в Европе.

Интересно, что книга Никольсона посвящена Горацию Румбольду как «идеальному дипломату». Что же собой представляет Румбольд? Он был английским послом в Берлине с 1928 по 1933 г. О нем больше ничего неизвестно, так он умел держаться в тени. В те времена, когда Англия была сильнейшим государством в мире, английская дипломатия могла спокойно выжидать выяснения положения, приглядываться, как сложится обстановка, прежде чем сделать какой-либо обязывающий шаг. Отсюда руководящее указание—«ждать и наблюдать».

Никольсон всячески защищает профессиональных дипломатов, считая, что только люди, посвятившие себя целиком дипломатической карьере, оказываются на высоте положения в дипломатических переговорах и вообще в дипломатической деятельности, но он все же признает, что наиболее успешными британскими послами оказывались люди, которые до этого никогда не были на дипломатической службе. Он называет имена Брайса, Д'Абернона, Крю и Дерби. В настоящее время имеется несколько британских послов, которые никогда не работали в английском министерстве иностранных дел. В трудное время английскому правительству пришлось послать в Вашингтон Лотиана, затем Галифакса, в Москву—Криппса, а в Испанию—Хора (Галифакс и Хор, правда, были министрами иностранных дел, но не могут считаться профессиональными дипломатами).

Никольсон считает слабостью британской дипломатической службы и британского министерства иностранных дел скопление на высших постах людей, которые хотя и «не делали серьезных ошибок и отличались правильными суждениями и энергией, но не подходят для ответственных постов». Иначе говоря, в английской дипломатии собирается немало посредственностей, которые не могут справиться удовлетворительным образом с громадными задачами, стоящими перед международной дипломатией вообще, и перед английской в частности, в сложной и напряженной международной обстановке.

При настоящих условиях каждый из английских дипломатов при достаточном долголетии может рассчитывать, что он в конце концов доберется до верхушки служебной лестницы. Неудивительно, что многие почтенные английские дипломаты, по свидетельству самого Никольсона, воздерживаются от выражения своего мнения по поводу текущих дипломатических проблем и стараются не давать оценок международному положению, дабы не брать на себя никакой ответственности. Такие дипломаты,

действительно, превращаются в «почетных почтальонов», более или менее аккуратно передающих по назначению полученные ими инструкции.

Все же Никольсон убежден, что при видимой вялости и медлительности английских дипломатов они почти всегда оказываются удачниками и добиваются успехов. Дипломатия сталкивания между собой других государств и создания коалиций против сильнейшей державы в Европе давала нужный Англии результат. При таком положении вещей английский дипломат не должен был выпячиваться. Он мог выступать на первом месте в дипломатической борьбе лишь тогда, когда этого безусловно требовали обстоятельства и имелись соответствующие указания от министерства иностранных дел в Лондоне.

Для характеристики английской дипломатии можно взять Венский конгресс 1814—1815 гг. Основной враг Англии в то время, Наполеон, был разбит при помощи России. Английская делегация на Венском конгрессе, возглавлявшаяся Кэстльри, сначала выжидала и наблюдала. Затем стало ясно, что Александр I, явившийся самолично на конгресс, претендует на роль вершителя судеб Европы. Англичане в этом увидели для себя опасность и решили создать коалицию против России, объединившись с Австрией и с только что потерпевшей поражение Францией.

В этих целях представитель Франции Талейран был привлечен к совещанию великих держав, на котором выносились фактически все политические решения конгресса. Затем было подписано секретное соглашение между Англией, Австрией и Францией, направленное против России и против шедшей вместе с Россией Пруссии.

Английская дипломатия настолько тихо и незаметно делала свои дела, что до сих пор историки часто забывают отметить, что на Венском конгрессе английские дипломаты получили «благословение» на большие приобретения, которые они сделали во время войны с Францией. Англичане получили Капскую землю в Южной Африке, часть Гвианы в Южной Америке, богатейший остров Цейлон в Азии, Мальту и Ионические острова в Средиземном море и, наконец, остров Гельголанд в Северном море. Мало кто заметил, как эти решения были приняты на конгрессе. Мало кто вспоминает об этих решениях конгресса в настоящее время. Венский конгресс принес славу Талейрану, а «вялые» английские дипломаты получили для Англии то, что ей было нужно.

У Никольсона имеются и другие обобщения.

Никольсон совершенно правильно указывает, что международная торговля еще в докапиталистические времена способствовала установлению экономических связей между народами, оказывая свое влияние на международные отношения и на дипломатию.

Но Никольсон забывает, что международная торговля имела всегда и другую сторону—ожесточенную борьбу за рынки сбыта,

за сырье, а в эпоху империализма—за экспорт капитала и за передел поделенного мира.

Во всяком случае способы ведения переговоров в торговле оказывали влияние на способы ведения переговоров в дипломатии. Бисмарк как-то сказал, что, продавая лошадь, не назначают сразу самую низкую цену, которую готовы взять; покупая лошадь, не называют самую высокую цену, которую готовы дать. Нечто подобное происходит, по мнению Бисмарка, и в дипломатических переговорах.

В соответствии с этим Никольсон утверждает, что «здоровая дипломатия здравого смысла—изобретение среднего сословия», т. е. так называемых деловых людей. «Здравый смысл» всегда нужно иметь, но одного его недостаточно, чтобы стать хорошим дипломатом.

Во все периоды истории дипломатия старалась маскировать свои цели, использовала религию, опиралась на внутреннюю борьбу в каждом государстве, играла на всевозможных противоречиях, популярных лозунгах и т. д.

В XIX и XX веках появились руководящие доктрины для дипломатов отдельных стран. Сюда относится доктрина Монро, доктрины открытых дверей и равных возможностей в Китае, лозунг самоопределения наций и т. д.

Из всего богатейшего опыта истории дипломатии можно сделать вывод, что важнейшей ее обязанностью является хорошее знание и понимание международных отношений и внешней политики каждого отдельного государства.

В книге Никольсона приведено немало фактов, подтверждающих огромное значение дипломатии в жизни государств. В ней много интересных примеров и ценных замечаний, помогающих нашим советским кадрам изучать «механику» буржуазной дипломатии и вооружиться знанием форм и методов дипломатической деятельности капиталистических государств. Она затрагивает ряд важных проблем международной политики. Написана она легко и просто.

* * *

Советская дипломатия имеет свои руководящие принципы. К числу их относится положение, выдвинутое товарищем Сталиным на XVIII партийном съезде:

«Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны».

Товарищем Молотовым в речи на VI сессии Верховного Совета сформулировано следующее положение:

«Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики. СССР всегда проводил и будет проводить свою

собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится».

В настоящее время значение дипломатии чрезвычайно возросло. Во время войн дипломатическая деятельность не менее важна, чем в мирное время.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на огромную роль дипломатии как орудия внешней политики Советского государства.

Ленин настоятельно указывал, что «надо научиться дипломатии»[1].

Товарищ Сталин постоянно учит, что необходима большая бдительность нашего народа, чтобы никакие «фокусы» иностранных правительств не могли застать СССР врасплох.

Дипломатия для социалистического государства, находящегося в капиталистическом окружении, имеет совершенно исключительное по важности значение.

Изучение истории дипломатии, знание дипломатической практики и международных отношений являются насущной задачей наших кадров.

Большую пользу в этом деле может оказать выходящая в Госполитиздате «Библиотека внешней политики».

А. Трояновский

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 254.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ДИПЛОМАТИИ

Рост интереса в демократических странах к международным делам.—Недостаточное понимание проблем благодаря смешению понятий «внешняя политика» и «переговоры».—Эта путаница—результат употребления слова «дипломатия» для обозначения разных понятий.—Значение, которое будет дано слову «дипломатия» в этой книге.—Происхождение дипломатической практики.—Доисторические корни и табу.—Вестник и его покровитель Гермес.—Переход от вестника-дипломата к адвокату-дипломату.—Конгресс в Спарте в 432 г. до н. э.—иллюстрация дипломатии греческих городов-государств.—Римляне и их концепция «естественного права».—Византийская дипломатия.—Более научный взгляд на дипломатию, вызванный словом «диплома» и связанными с ним словами.—Появление в Италии искусства дипломатии и соответствующей профессии.—Переход от временных посольств к постоянным вызывает замену «оратора-дипломата» «опытным наблюдателем».—Неразбериха, существовавшая в дипломатической практике до XIX века.—Постановления Венского и Аахенского конгрессов как основа профессиональной дипломатии.—Происшедшее в результате укрепление и признание установившейся дипломатической практики.

138654

I

Полезно с самого начала сказать, о чем будет итти речь в этой книге.

До войны 1914—1918 гг. рядовой избиратель в Великобритании и ее доминионах, а также в США только спорадически интересовался международными отношениями. Были, конечно, периоды, когда внешняя политика становилась предметом партийных и даже программных разногласий. Но в большинстве случаев широкие слои населения не интересовались ни принципами внешней политики, ни методами или способами, которыми она осуществлялась. Предполагалось, что основы внешней политики покоятся на неизменных национальных и государственных нуждах и как таковые находятся вне сферы партийных разногласий. Считалось, что внешняя политика является предметом особой мистической науки, тайны которой находятся за пределами опыта или понимания простого смертного, поэтому существовала тенденция предоставить ведение внешней политики кабинету и его экспертам, доверяя им охрану национальных «прав и интересов» при помощи методов и комбинаций, которые они найдут удобными и подходящими.

Библиотека А. С. Пушкина

Столь безразлично настроенная публика пребывала в уверенности, что сменяющие друг друга кабинеты приложат все усилия, чтобы сохранить мир—величайшее национальное благо. И если возникала ситуация, при которой внешние силы угрожали свободе, правам, владениям или жизненным интересам страны, большинство поддерживало правительство в его решении отразить эту угрозу военной и морской силой.

Война 1914—1918 гг. значительно поколебала эту пассивность и безразличие. Стало ясно, что страна может (подчас без ведома и согласия народа) оказаться связанной обязательствами в отношении других держав. В момент серьезного кризиса народ может оказаться внезапно перед альтернативой: или отказаться от обязательств, принятых от его имени, или оказаться вовлеченным в войну. Теперь все поняли, что в современной войне страдают не только профессиональные военные и моряки, которые по собственной воле избрали для себя военное ремесло, но каждый подвергается тяжелым испытаниям и чрезвычайным опасностям.

Эти два факта побудили после войны рядового избирателя демократических стран относиться к международным вопросам менее добродушно, с более обоснованной критикой и большей настороженностью. Это было важным шагом вперед. Но, заинтересовавшись этими вопросами, широкая публика была поставлена втупик их сложностью и запутанностью.

Беспокойство заменило настороженность, критика часто принимала форму преувеличенных подозрений, а внимание стало чересчур напряженным.

Одной из основных причин этого смущения умов была ошибка широкой публики, смешивавшей политику и переговоры и называвшей их одним пользующимся плохой славой именем «дипломатия». Она не заметила разницы между «законодательной» стороной вопроса и «исполнительной». В то время как внешняя политика в демократических странах должна решаться кабинетом с согласия народных представителей,—исполнение этой политики, независимо от того, назовем ли мы это выполнение дипломатией или переговорами, должно быть предоставлено опытным и осторожным профессионалам.

На самом деле, при здоровом демократическом контроле над внешней политикой важно делать это различие. Во внутренних делах, где народ обладает опытом, накопленным многими поколениями, различие, о котором было сказано выше, не вызывает затруднений. Бюджет или закон, касающийся народного просвещения, составляется соответствующим министром при участии чиновников его ведомства, обсуждается кабинетом и представляется в парламент на обсуждение и утверждение, а затем передается для исполнения исполнительной власти. Публика интересуется первоначальной стадией обсуждения, во время которой политика определяется и решается, исполнение интересует ее меньше.

В иностранных делах, однако, избиратели еще не привыкли придерживаться этого удобного различия, и постоянное употребление слова «дипломатия» для обозначения как внешней политики, так и ее выполнения мешает им приобрести эту привычку, поэтому важно в самом начале этого исследования установить значение слова «дипломатия» и указать, в каком смысле или смыслах это слово будет употребляться в дальнейшем.

II

В разговорном языке слово «дипломатия» употребляется для обозначения ряда совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним внешней политики, когда, например, говорят: «Британская дипломатия на Ближнем Востоке недостаточно тверда». В других случаях оно обозначает переговоры, например: «Вопрос мог бы быть разрешен дипломатией». Это слово также служит для названия процедуры и аппарата, при помощи которых ведутся переговоры. Оно также употребляется для обозначения заграничной части ведомства иностранных дел. В этом смысле говорят: «Мой племянник работает в дипломатии». Наконец, это несчастное слово обозначает особую способность, проявляющуюся в ловкости в хорошем смысле при ведении международных переговоров, а в плохом смысле—в коварстве в подобных делах.

Этими пятью значениями слова «дипломатия» в странах, говорящих по-английски, пользуются без всякого разбора, в результате чего вряд ли можно найти какую-либо область политики, в которой существовало бы подобное смешение понятий. Если бы, например, слово «армия» употреблялось для обозначения силы, стратегии, тактики, профессии солдата, воинственных инстинктов людей, то надо полагать, что дискуссии по военным вопросам приводили бы ко многим недоразумениям.

Цель этой монографии—описать в простых, но точных выражениях, чем является дипломатия и чем она не является. В первых двух главах будет дан краткий очерк происхождения и эволюции дипломатической теории и практики. Цель исторического обзора—показать, что дипломатия не является изобретением или забавой какой-нибудь определенной политической системы, но служит важным элементом разумных отношений между людьми и народами. В дальнейшем будут исследованы новейшие изменения в методах дипломатии, причем особое внимание будет уделено вопросам «открытой» и «тайной» дипломатии и препятствиям, мешающим сочетать хорошо действующую дипломатию с демократическим контролем. В других главах будет показано, как работает современная дипломатия, какая существует связь между дипломатией и торговлей, каковы организация и управление заграничным аппаратом министерства иностранных дел и каково

значение дипломатии, применяемой на конференциях. Будет дана также характеристика Лиги наций как инструмента переговоров. В конце будет помещен краткий словарь общепринятых дипломатических фраз, которые смогут помочь читателю понять техническую терминологию, созданную дипломатией.

Однако, прежде чем заняться исследованием всех вопросов, необходимо, как уже это было сказано раньше, указать, в каком смысле или смыслах в этом труде будет употребляться слово «дипломатия». Я предполагаю придерживаться толкования, данного этому слову «Oxford English Dictionary» [оксфордским словарем английского языка], а именно: «Дипломатия—это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата».

Взяв это точное, хотя и широкое, толкование для руководства, я надеюсь избежать как сыпучих песков внешней политики, так и болот международного права. Я буду обсуждать особенности в политике или системы различных народов лишь постольку, поскольку они оказывают влияние на методы и способы осуществления этой политики. Я буду касаться международного права лишь в той мере, насколько оно двигает вперед теорию дипломатии или влияет на привилегии, неприкосновенность и действия дипломатических представителей. И я надеюсь, что таким образом я сумею сосредоточить внимание больше на «исполнительной» стороне вопроса, чем на «законодательной».

III

Раньше всего необходимо рассмотреть, как и почему возникла в человеческом обществе дипломатическая практика.

Я сознаю, что выражение «дипломатическая практика» может породить ту двусмысленность, против которой я возражал. Некоторые поймут под этими словами те способы ведения международных дел, которые дипломаты на основании опыта столетий считают дающими наилучшие результаты; другие этими словами обозначат принципы переговоров, общие для всех международных сношений и не зависящие от изменений в государственном строе или во внешней политике.

Желательно не смешивать эти два оттенка толкования указанных слов. В настоящей главе я рассмотрю, как человечество постепенно пришло к изобретению и развитию ныне действующего аппарата профессиональной дипломатической службы. В следующей главе я исследую, как общие положения и правила искусства переговоров выделились в нечто особое (хотя и дополняющее и даже подчиненное) от государственного управления и политики. Я начну поэтому с происхождения и эволюции дипломатической службы.

Дипломатия в смысле урегулированного ведения сношений между двумя группами людей существовала в доисторические времена. Теоретики XVI века уверяли, что первыми дипломатами были ангелы, так как они исполняли обязанности послов между небом и землей. Эту точку зрения не могут разделять современные историки.

Даже в доисторические времена, вероятно, бывали случаи, когда одна группа дикарей желала вести переговоры с другой о временном прекращении битвы, чтобы подобрать раненых и похоронить убитых. Даже для наших предков неандертальцев и кроманьонов[1] было ясно, что подобного рода переговоры были бы затруднены, если бы посол одной стороны был съеден другой стороной до того, как он передал послание, поэтому даже в отдаленнейшие эпохи было необходимо предоставить посланцу определенные права и привилегии, которых были лишены воины. Личность подобного рода посланцев, или вестников, если они были надлежащим образом уполномочены, должна была вначале считаться в некотором отношении священной; из этих обычаев возникла та неприкосновенность и те привилегии, которыми пользуются современные дипломаты.

Нужно помнить, что у примитивного общества все иностранцы считались опасными и нечистыми. Послы Юстиниана II, прибывшие для переговоров с тюрками-сельджуками[2], первым делом подвергались очищению с целью уничтожить исходившее от них вредное влияние. Чародеи племени дикими танцами, сжиганием ладана, битьем в бубны и магическими действиями пытались уменьшить опасность заразы. Послы к татарским ханам также должны были пройти через огонь, прежде чем предстать перед ханами, и даже дары, которые они привозили, очищались подобным же образом[3]. Еще в XV веке Венецианская республика[4] грозила изгнанием или смертью венецианцам, которые общались с членами иностранных миссий. В настоящее время в Лондоне и других более современных столицах процесс очищения, которому подвергаются иностранные послы, производится более постепенно и не так открыто.

В древности табу[5], существовавшее в отношении иностранцев и особенно в отношении послов, было широко распространено и имело большую силу. Чтобы смягчить суровость этого табу, возник обычай предоставлять герольду[6] племени или города дипломатические привилегии. Эти вестники были облечены полурелигиозным авторитетом и находились под специальным покровительством бога Гермеса[7]. Выбор этого божества оказал влияние на всю последующую репутацию дипломатической службы.

Следует запомнить, что бог Гермес был для древних символом чар, плутовства и хитрости. В день рождения он украл пятьдесят голов скота у своего брата Аполлона[8] и спрятал их в пещере, после чего вернулся в свою колыбель и безмятежно заснул. Про-

явленная Гермесом ловкость так понравилась Зевсу [9], что последний пользовался им для выполнения деликатных дипломатических поручений и даже для убийства Аргуса[10]. Греки видели в Гермесе доброго, но бессовестного покровителя путешественников, купцов и воров. Это Гермес наделил Пандору [11], первую женщину, даром лести и обмана. Он придавал силу голосу вестников и укреплял их память. На него смотрели, как на посредника между миром живых и мертвых. Несмотря на свою популярность, он не пользовался уважением. Дипломаты часто жалели, что их покровителем не было избрано другое божество, может быть не столь блестящее, но заслуживающее большего доверия.

IV

С переходом от мифологии к истории мы начинаем чувствовать более твердую почву под ногами.

Вестники эпохи Гомера[12] были не только уполномоченными для переговоров, в их обязанность входило управление царским двором, поддержание порядка на собраниях и выполнение ряда религиозных обрядов. С развитием греческой цивилизации и с усложнением взаимоотношений между городами-государствами те качества, которыми обладал городской глашатай, оказались явно недостаточными для ведения переговоров. Профессия вестника (глашатая) часто передавалась по наследству. Он должен был обладать только хорошей памятью и зычным голосом. С усложнением взаимоотношений между городами-государствами необходимо было улучшить качество зародившейся дипломатической службы.

Греческие города-государства, начиная с VI века до н. э., стали назначать послами наилучших ораторов, наиболее ловких адвокатов общины. Задачей этих послов было защищать интересы своего города перед народными собраниями чужих городов или союзов. В их обязанности не входило изучение страны пребывания или составление докладов по возвращении, они должны были только произносить блестящие речи.

Читавшие Фукидида знают, как блестящи и длинны были эти речи. По данным, приводимым Фукидидом, в V веке до н. э. эти специальные посольства настолько участились, что возникло нечто похожее на современную систему дипломатических отношений.

Фукидид в первых главах своей истории дает подробное описание греческой дипломатической конференции. Он описывает конференцию, созванную Спартой для решения вопроса, действительно ли Афины нарушили договоры и не следует ли им объявить войну[13]. Эта конференция происходила в Спарте в 432 г. до н. э. Записи Фукидида об этой конференции содержат много ценных сведений о греческой дипломатической практике.

Во-первых, приводится порядок ведения конференции. Делегаты Мегар и Коринфа произнесли длинные речи перед собранием, в которых изложили свои претензии к Афинам. Затем их попросили удалиться, и собрание перешло к обсуждению мер, которые должны быть приняты. Вопрос об объявлении войны был поставлен на голосование и решен сперва криками одобрения, а затем большинством голосов.

Во-вторых, из записей мы видим, что в Спарте в это время случайно оказалась делегация Афин. Она не была в числе приглашенных на конференцию, которая состояла только из членов Пелопоннесского союза. Афиняне находились в Спарте для разрешения каких-то других вопросов, по всей вероятности вели переговоры по поводу торгового договора. Им, однако, не только разрешили присутствовать на конференции будущих противников, но даже участвовать в дебатах. Даже после того как было решено объявить войну Афинам, афинской торговой делегации разрешили оставаться в Спарте до тех пор, пока она закончит дела, ради которых она приехала. Это показывает, насколько высоко стояла дипломатическая практика городов-государств.

Записи Фукидида о Спартанской конференции показывают, что уже в V веке до н. э. греки выработали какую-то систему постоянных дипломатических отношений, что члены дипломатических миссий пользовались правом неприкосновенности и большим уважением; было признано, что международные отношения нельзя регулировать и вести только при помощи хитрости и силы и что существует какое-то право, стоящее выше национальных интересов и выгод момента.

V

Эти традиции и правила перешли от греков к римлянам. Последние не обладали особыми дипломатическими способностями. В течение многих столетий своего господства они применяли больше методы воина или строителя дорог, чем дипломата. Во многих случаях они были безжалостны и жестоки в достижении поставленных целей. В некоторых случаях они уничтожали упорных противников, но щадили покорившихся. Римляне оказали влияние на дипломатию не в области техники переговоров, но в области международного права.

В задачу данной книги не входит дискуссия о разнице между jus civile (право, применявшееся во взаимоотношениях римлян между собой), jus gentium (право, применявшееся во взаимоотношениях между римлянами и чужеземцами) и jus naturale (право, общее для всего человечества). Римская доктрина о нерушимости контрактов должна была создать твердую веру в святость договоров. Популярность легенды о Регуле (история о человеке, который согласился скорее пожертвовать жизнью, чем нарушить обещание, данное карфагенянам) показывает, что эта концепция пустила

глубокие корни в сознание римлян. Туманная идея jus naturale, кроме того, содействовала развитию известных принципов в международных отношениях. Она брала за основу существование какой-то идеи справедливости, общей всем расам и при всех обстоятельствах. Она вменяла в обязанность соблюдать договоры. Она учила, что толкование договоров должно базироваться не на букве обязательства, а сообразовываться с требованиями справедливости и разума.

Несмотря на ценность и важность этих идей, они скорее оказали влияние на теорию дипломатии, чем на практику. Римская система, как мы увидим дальше, создала квалифицированных архивариусов, специалистов в области дипломатических прецедентов и процедуры. Достигнув могущества, Рим в своих взаимоотношениях с другими странами пользовался скорее колониальными и административными приемами, чем дипломатическими, и поэтому им мало было сделано для создания корпорации людей, умеющих вести переговоры.

Только в последний период своего существования Римская империя[14] почувствовала необходимость искусства ведения переговоров, или собственно дипломатии. Византийские императоры[15] достигли исключительной изобретательности в этом деле. Они изобрели три основных метода: первый—ослаблять варваров, разжигая раздоры между ними, второй—приобретать дружбу пограничных племен и народов субсидиями и лестью и третий—обращать варваров в христианство. Совместным применением этих трех методов Юстиниану удалось распространить свое влияние на Аравию и Абиссинию и держать в страхе племена, жившие около Черного моря и Кавказа. Подобные же методы были применены в более позднюю эпоху, когда Византии стали угрожать болгары, мадьяры и русские.

Постоянные усилия последних императоров подкрепить исчезающую физическую силу оружия дипломатическими комбинациями, и специальные методы, которые они при этом применяли, внесли новый элемент в дипломатическую практику. Метод разжигания вражды между деспотами соседних стран делал необходимым для правительства в Константинополе получение точной информации о честолюбивых замыслах, слабостях и ресурсах тех, с которыми оно собиралось иметь дело, поэтому послам византийских императоров поручалось не только представлять интересы империи при дворах деспотов, но также слать подробные донесения о внутреннем положении чужих стран и о взаимоотношениях этих стран между собой. Для этой цели нужно было обладать не только качествами вестника или оратора. Нужны были люди наблюдательные, с большим опытом и здравым суждением. Таким образом постепенно развился тип профессионального дипломата. Подобно тому как вестник уступил место оратору, так оратора сменил опытный наблюдатель.

VI

Эта эволюция происходила медленно. Лишь в XV веке, когда итальянские государства начали назначать постоянных послов, дипломатия как профессия получила всеобщее признание, но, однако, только в 1815 г.[16] положение и правила этой профессии были установлены международным соглашением.

Между тем одновременно с эволюцией от вестника к оратору и от оратора к профессиональному дипломату постепенно возник новый фактор. Этот фактор странным образом был связан с происхождением слова «дипломатия».

Это слово происходит от греческого глагола «складывать». Во времена Римской империи все паспорта, пропуска и подорожные чеканились на двойных металлических пластинках, которые складывались и сшивались особым образом. Эти металлические пропуска назывались дипломами. В более поздний период это слово стало обозначать и другие, неметаллические официальные документы, главным образом те, которые предоставляли привилегии или включали соглашения с чужеземными общинами и племенами. С увеличением числа этих договоров императорские архивы оказались заваленными бесчисленным количеством мелких документов, сложенных и скрепленных особым образом. Появились обученные чиновники, чтобы каталогизировать, расшифровывать и сохранять эти документы. Таким образом возникла профессия архивариусов и вместе с ней палеография—наука, занимающаяся проверкой и расшифровкой старинных документов. Эти два занятия, как связанные с дипломами, до конца XVI века назывались «дипломатическими делами» и связаны были с архивами и «дипломами»[17].

Мы не всегда отдаем себе отчет в значении, которое в средние века придавали архивам. Можно без преувеличения утверждать, что впервые в папских и прочих канцеляриях под началом и руководством «мастеров свитков», или хранителей судебных архивов, были установлены обычаи дипломатии как науки, основанной на прецеденте и опыте. Канцелярия Каролингов[18] была тщательно организована и имела большой штат чиновников. Начальник канцелярии назывался канцлером. Этот титул, который в более позднюю эпоху приобрел столь важное значение в Германии и Австрии, происходит от слова cancellarius [канцелярius],—так назывались в Риме привратники судов. В эпоху Каролингов ни один королевский эдикт не признавался законным, если он не был скреплен подписью канцлера, или хранителя королевских архивов. Эту же систему ввел Вильгельм Завоеватель в Англии.

Нужно иметь в виду, что применение слов «дипломатия», «дипломатический» не для обозначения изучения архивов, а деятельности в области международных отношений началось сравнительно недавно. В Англии эти слова впервые были применены

для такого обозначения Эдмондом Борком в 1796 г., и только после Венского конгресса в 1815 г. дипломатическая служба получила признание как нечто отличное от других форм государственной или политической деятельности и выработала свои собственные законы, условия и обычаи.

Слово «дипломатия», таким образом, в течение многих столетий связывалось в сознании людей с хранением архивов, анализом старых договоров и изучением истории международных переговоров. Эта научная сторона играет и посейчас исключительно важную роль в практике хорошо работающего министерства иностранных дел. Английское министерство иностранных дел имеет в договорном отделе группу специалистов в области дипломатической техники, в библиотеке—штат знатоков прецедентов, а в лице своих консультантов по правовым вопросам—крупных специалистов по тонкостям составления договоров и по международному праву. Без такого штата специалистов в области истории и права можно не принять во внимание прецеденты и допустить неточности, поэтому так важно подчеркнуть научную и техническую сторону происхождения дипломатической практики.

Дипломат-вестник исчез, когда стало ясно, что, кроме зычного голоса, нужны еще и другие качества, а дипломат-оратор исчез, когда стало очевидным, что недостаточно послать способного адвоката, но что для правильной оценки политики нужен наблюдательный человек, благодаря своей подготовке хорошо разбирающийся в положении страны. Несмотря на опыт Византии, только постепенно дипломат, или, как его долго называли, оратор, стал постоянной фигурой в международных отношениях.

Эпоха мрачного средневековья, особенно в феодальной Европе, мало подходила для установления системы регулярных международных связей. Современная дипломатия, как мы ее понимаем (обозначая словом «дипломатия» не только искусство переговоров, но и специалистов, занимающихся этим искусством), возникла в XIII и XIV веках в Италии. К сожалению, Италия является колыбелью современной дипломатии. Это было неизбежно. Итальянские города-государства находились вне общей системы феодализма, их связывали бесчисленные общие интересы и разделяла жестокая вражда. Они постоянно боролись за власть и были заняты созданием комбинаций и союзов, которые усилили бы эту власть. Благодаря этому в Италии в XIII—XIV веках возник тип государственного деятеля-дипломата.

Флоренция может гордиться такими послами, как Данте, Петрарка, Боккаччо, а в более позднюю эпоху—Макиавелли и Гвиччардини. Трудно точно установить, когда и где временные посольства и миссии были заменены постоянными. Ученые видят первый образец постоянных миссий в системе легатов папы. Нет достаточно убедительных доказательств, подтверждающих этот факт. Первая отмеченная в истории постоянная миссия была

учреждена в Генуе в 1455 г. миланским герцогом Франческо Сфорца. Пять лет спустя герцог Савойский назначил Юзебио Маргарна, протодиакона из Верчелли [19], своим постоянным представителем в Риме. В 1496 г. Венеция назначила двух купцов, живущих в Лондоне, помощниками посла на том основании, что «путь в Лондон очень длинен и опасен». Через несколько лет постоянные посольства были учреждены итальянскими городами в Лондоне, Париже и при дворе Карла V. Другие державы последовали их примеру. В 1519 г. сэр Томас Болейн и доктор Уэст были посланы в Париж в качестве постоянных послов Англии. Французский король Франциск I создал некое подобие постоянного дипломатического аппарата.

Прошло около трех столетий, пока была окончательно установлена и признана дипломатическая иерархия. В средние века дипломатических представителей называли легатами, ораторами, нунциями, комиссарами, прокураторами, агентами, послами. Постепенно стали различать два вида представителей. Были послы, которые тогда, как и теперь, были личными представителями главы государства. Эта особенность вела к бесконечным недоразумениям. Предполагалось, что посол своей особой представляет положение и достоинство своего повелителя. Это вызывало исключительную заботу о вопросах старшинства, неприличные споры и драки в королевских приемных. Даже теперь представители некоторых малых стран очень чувствительно относятся ко всяким вопросам, связанным со старшинством на официальных приемах, и чувствуют себя глубоко обиженными, если предоставленные им места (как это часто происходит в Лондоне) не соответствуют их рангу. От несчастного посла XVI века ждали, что он не только силой будет защищать свое старшинство, но что роскошью будет демонстрировать величие и могущество своего повелителя, а так как повелители часто забывали платить им жалованье, они оказывались опутанными долгами. Кроме того, сознание, что они олицетворяют достоинство короля, не позволяло им вступать в сношения с лицами некоролевской крови. Благодаря этому их источники информации и их возможности живого общения были ограничены. В результате оказалось более удобным не иметь в иностранных столицах настоящих послов, но пользоваться услугами полуофициальных агентов. Такие агенты часто оказывались врунами и взяточниками. Значение и влияние, которые они приобретали в дипломатических кругах каждой страны, не делали чести дипломатической профессии в целом.

Государственные деятели, участвовавшие в Венском конгрессе 1815 г., поняли, что следует воспользоваться случаем, чтобы покончить с неустойчивой и недостойной системой. Правила от 19 марта 1815 г. и дальнейшие дополнения к ним, принятые на Аахенском конгрессе [20], наконец, установили общепринятые основы дипломатической службы и представительства современных государств.

Были установлены следующие четыре категории представителей: 1) послы, папские легаты и папские нунции, 2) чрезвычайные посланники и полномочные министры, 3) министры-резиденты, 4) поверенные в делах. Но, что еще более важно, старшинство в каждой категории было установлено не в зависимости от весьма спорного положения и значения повелителя посла, а в зависимости от даты его назначения. При этой системе старший посол, т. е. тот посол, который пробыл дольше всех на данном посту, становится старшиной дипломатического корпуса. Старшинство остальных послов устанавливается точно в хронологическом порядке. Этим избегаются острые споры о старшинстве.

С 1815 г. дипломатическая служба стала поэтому отдельной отраслью государственной службы каждой страны. Возникла отдельная профессия с собственной иерархией и правилами, которые привели к образованию своих условностей и своего рода франкмасонства[21]. В последующих главах будет описано, как эта машина работает, настоящая глава должна была описать медленный процесс развития этой машины. В следующей главе будет сделана попытка показать развитие дипломатической теории, дополняющей дипломатическую практику.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Неандерталец*—тип древнего человека, названный по месту находки в долине Неандер, в Германии. *Кроманьон*—более близкий к современному человеку тип, обнаруженный в пещере Кро-Маньон во Франции.

[2] Никольсон допускает фактическую ошибку, называя тюркские племена VII—VIII вв. в Малой Азии сельджуками: сам родоначальник этой султанской династии, Сельджук, жил, по преданию, только в X в.

[3] Имеется в виду церемониал, первоначальный смысл которого, повидимому, был утрачен даже в эти далекие времена. Обряды, которыми сопровождался допуск чужеземцев к татарским ханам, имели в своей основе практическое значение санитарно-предупредительного характера. Боязнь занесения инфекционных болезней и в особенности столь распространенной тогда чумы породила обычай выдерживать пришельцев в своеобразном карантине и подвергать их дары и одежды элементарной дезинфекции огнем (перепрыгивание через огонь, прохождение между рядами костров и т. п.).

[4] Основанная в V—VI вв. Венеция выросла к IX—X вв. в богатейшую купеческую республику. Обширные связи венецианских купцов в бассейнах Средиземного и Черного морей, сложные отношения с другими итальянскими государствами, папой, Византией и др. способствовали тому, что Венецианская республика развила большую дипломатическую деятельность и много способствовала созданию и развитию дипломатической техники и различных форм дипломатического маневрирования.

[5] *Табу*—священный запрет у первобытных народов, налагаемый на какой-либо предмет, действие и т. д.

[6] *Герольд*, вестник, официальный глашатай и посланец—название в средневековой Европе лиц, на которых возлагалось оглашение повелений государя, торжественное объявление войны и мира и т. п., а также передача ответственных словесных поручений государей и высших сановников.

[7] *Гермес*—древнегреческий бог торговли, ремесл и воровства; у римлян именовался Меркурием..

[8] *Аполлон*—древнегреческий бог, вначале—покровитель пастухов и их стад, позже—бог света и искусств.

[9] *Зевс*—верховный бог, отец многих богов и героев греческой мифологии.

[10] *Аргус*—в греческой мифологии—стоглавое чудовище, посланное женой Зевса Герой сторожить возлюбленную Зевса Ио.

[11] *Пандора*, т. е. Всеодаренная,—по греческой мифологии, выкованная кузнецом Гефестом первая женщина. Известен знаменитый ящик Пандоры, которым наделил ее Зевс. В нем содержались все бедствия людей; отсюда они распространились по всему свету, когда Пандора, несмотря на предупреждение Зевса, открыла ящик.

[12] *Гомеровской эпохой* называют наиболее отдаленную эпоху истории древней Греции, приблизительно XII—VIII вв. до н. э. О ней до нас не дошло вполне достоверных сведений, и историки судят об этом периоде по поэмам «Илиада» и «Одиссея», сложенным полулегендарным певцом Гомером. Предполагают, что эти произведения явились плодом трудов многих певцов-поэтов и получили художественное оформление в VIII—VII вв. до н. э.

[13] Речь идет о *Пелопоннесской войне* (431—404 до н. э.), происходившей между городами-государствами Спартой и Афинами и их союзниками за преобладание в Греции. Афинской державе противостоял образованный около 550 г. до н. э. *Пелопоннесский союз*, в который входили расположенные на полуострове Пелопоннес Спарта, Коринф и др. и находившиеся на севере Коринфского перешейка Мегары. Непосредственным поводом к войне явился конфликт Афин с Коринфом из-за колоний и запрет Мегарам вести торговлю в Аттике (область в средней Греции с главным городом Афинами).

[14] *Римская империя*—последнее и крупнейшее из рабовладельческих государств—существовала с 30 г. до н. э. по 476 г. н. э. Она охватывала бо́льшую часть Западной Европы, Северную Африку и Западную Азию. Разложение рабовладельческого строя, ставшего тормозом к дальнейшему развитию, восстания рабов изнутри и натиск варваров извне привели империю к гибели. Никольсон ошибочно полагает, что Римская империя стала прибегать к дипломатии только в годы упадка, т. е. только тогда, когда ослабела военная мощь Рима.

[15] *Византия*—первоначально (VI в. до н. э.) небольшая греческая колония на месте будущего (с 330 г.) Константинополя, во II в. до н. э. стала частью Римской империи. После разделения Римской империи в 395 г. стала самостоятельной Византийской, или, точнее, Восточной Римской, империей, просуществовавшей до 1453 г. Восточная Римская империя оказалась более устойчивой, чем Западная. Византия сумела создать весьма разветвленный бюрократический аппарат. Начало расцвета централизованной монархии связано с царствованием Юстиниана I (527—565). Его внешняя политика имела целью восстановление Римской империи в ее прежних границах; эта цель была достигнута лишь отчасти. Византия находилась в постоянных сношениях со многими народами.

[16] Имеется в виду *Венский конгресс европейских держав* (октябрь 1814 г.—июнь 1815 г.), созванный для ликвидации наполеоновской империи. Конгресс знаменовал установление реакции в Европе и проходил под идейной и организационной гегемонией держав так называемого Священного союза (о нем см. прим. 20 на стр. 30). Конгресс перекроил политическую карту Европы. Он претендовал на создание так называемой «системы европейского равновесия», на деле сводившейся к разделу богатого

территориального наследства Наполеона. На Венском конгрессе «Положением относительно дипломатических агентов» от 19 марта 1815 г. были урегулированы вопросы о старшинстве дипломатов и другие вопросы этикета. С точки зрения определения организационных форм дипломатии Венский конгресс сыграл большую роль, так как принятые им правила действуют и по настоящее время.

[17] В России слово *«диплом»* появилось при Петре I как название документа, предоставляющего обозначенные в нем права и привилегии.

[18] *Каролинги*—средневековая династия. Наиболее выдающийся представитель ее Карл Великий (768—814) создал громадную империю. Работая над организацией и укреплением централизованного бюрократического аппарата, в состав которого входила и упоминаемая Никольсоном канцелярия, Карл Великий развил большую законодательную деятельность. Однако его усилия не могли найти достаточной опоры в социальном строе феодальной Европы, и монархия Карла Великого распалась.

[19] *Верчелли*—одна из маленьких средневековых итальянских республик; в XV в. стала владением герцога Савойского.

[20] Конгресс четырех держав (Англия, Россия, Австрия и Пруссия), составлявших ядро *Священного союза*, созданного в 1815 г. для борьбы с революционным движением, состоялся в г. Аахене (Пруссия) 29 сентября—22 ноября 1818 г. К четверному союзу на конгрессе присоединилась Франция. На этом конгрессе Священный союз получил свое окончательное устройство. Здесь также был установлен ранг дипломатического представителя, промежуточный между посланником и поверенным в делах, с наименованием «министр-резидент». В современной дипломатической практике этот ранг не встречается.

[21] *Франкмасонство*—первоначально религиозно-философское течение, возникшее в Европе в начале XVIII в. Было направлено против католической церкви, религиозной нетерпимости феодального дворянства и т. д. и выдвигало идеи равенства, уничтожения сословных привилегий и пр. В конце XIX и начале XX в. приобрело характер чисто буржуазной политической организации, сохранившей формы мистического братства и используемой буржуазными партиями в карьеристски-избирательных целях. Никольсон имеет в виду свойственную франкмасонству таинственную обрядность, условные знаки, условные жесты, условные фразы и т. п.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИИ

Три периода профессора Моуата. — Недостаточное освещение непрерывного развития теории дипломатии.—Влияние международного права.—Что следует понимать под словом «прогресс» в теории дипломатии? — Участие Греции в этом прогрессе.—Арбитраж и амфиктионические советы.—Причина их неудач.—Вклад Рима в дипломатию касается, главным образом, международного права и вопросов управления колониями.—Византийская и итальянская теории как реакция против развития здравой теории дипломатии.—Результаты этого.—Сэр Генри Уоттон и Макиавелли.—Отделима ли моральная дипломатия от всесокрушающей физической силы?—Влияние здравого смысла как результат торговых связей.—Опасность оценки теории дипломатии с этической точки зрения.—Огромное влияние торговли и коммерции на искусство переговоров.—Военно-феодальная концепция и противоположная ей буржуазная, или концепция лавочника.—Опасность и иллюзии, связанные с каждой из этих концепций.—Сущность различий этих концепций.

I

Профессор Моуат в своей ценной книге «Дипломатия и мир» различает три периода в развитии теории дипломатии в Европе. Первый период охватывает время с 476 по 1475 г., когда дипломатия была не организована. Второй период—с 1475 до 1914 г.—представляет ту фазу в истории, когда дипломатическая теория отражала систему политики, известной как «European States system» [система европейских государств]. Третий период был открыт президентом Вильсоном, и в результате появилась так иногда называемая «демократическая дипломатия»[1].

Книга профессора Моуата была опубликована в 1935 г., т. е. до того, как была дискредитирована Лига наций[2] и обнаружилась вся сила антидемократической дипломатии. Сомнительно, чтобы в 1938 г. профессор взирал на свой «третий период» с прежним оптимизмом. Новое евангелие, которое проповедовал президент Вильсон, стало казаться не столь новым и не столь всесильным, как это одно время думали. Доктрина Вильсона будет рассматриваться последующими поколениями не как начало новой главы дипломатической теории, а как пояснение к конфликту, существовавшему в XIX веке между идеей общности человеческих интересов и идеей исключительной важности национальных прав.

Исследуя происхождение и развитие дипломатической теории, под которой я мыслю общепринятые принципы и методы между-

народного общения и переговоров, я не буду делить предмет на отдельные фазы или категории и сконцентрирую внимание на непрерывности его развития, а не на случайных успехах или длительных помехах на его пути.

Необходимо с самого начала предупредить читателя, что главный фактор в развитии дипломатической теории большей частью находится вне темы моих рассуждений. Я имею в виду постоянный и многовековый прогресс идей и влияние так называемого права народов, которое мы теперь не совсем точно называем международным правом. Издание в 1625 г. Гроцием «De jure belli ac. pacis» («Право войны и мира») приковало внимание всего мыслящего человечества к вопросу, не существуют ли какие-либо принципы, общие для всего человечества, которые образуют действительный кодекс международного общения. Юристы спорили веками, можно ли ввиду отсутствия судилища, которое могло бы заставлять подчиняться этому кодексу, применять название «право» к тому, что является только намеком на желательные принципы. Все же следует признать, что интерес, проявленный к праву народов, и тот факт, что правила и постановления этого права всегда обсуждались и кодифицировались и что великие державы добровольно подчинялись его принципам в течение продолжительного времени,—все это оказывало все большее и большее влияние на международную мораль и вместе с тем на теорию дипломатии. Изучению только одного международного права можно посвятить всю жизнь. В данной монографии я мог надеяться только слегка коснуться этого вопроса, а так как даже малейшее прикосновение к вопросам международного права непременно запутало бы мое исследование других сторон дипломатии, я предпочитаю отложить эти вопросы в сторону. Но я еще раз должен предупредить читателя, что, поступая таким образом, я отбрасываю один из важнейших составных элементов проблемы, которую я обсуждаю.

Когда сосредоточиваешь больше внимания на непрерывности теории дипломатии, чем на наблюдавшихся в ней перерывах, то поражаешься тому, что, несмотря на разнообразные формы, которые эта теория принимала, и несмотря на трагические периоды, во время которых насилие господствовало над разумом, кривая прогресса показывает движение вверх. Какова природа этого прогресса? Я определил бы ее следующими словами: «Прогресс теории дипломатии заключался в замене узких взглядов об исключительности прав племени более широкими взглядами о важности общих интересов».

Можно сказать, что, пользуясь подобного рода определением, я нарушаю собственный принцип о недопустимости смешения политики с переговорами и что данное мною определение прогресса имеет в виду прогресс в политике, а не прогресс в способах, при помощи которых политика осуществляется. Я оспариваю такое утверждение. Теория политики и теория переговоров находятся

во взаимодействии. Не всегда верно, что цель оправдывает средства, и все, изучающие дипломатию, согласятся со мной, что дипломаты часто шли впереди политиков во взглядах на международные отношения и что слуга неоднократно оказывал благотворное и решающее влияние на своего господина.

II

В предыдущей главе было высказано предположение, что дипломатическая практика постепенно переходила от вестника, или «стадии белого флага», к оратору, или «стадии суда». Было показано, что в V веке до н. э. греки организовали нечто похожее на регулярную систему международных связей. Прогресс в теории дипломатии был столь же поразителен. Часто предполагают, что греки брали за образец успешного дипломата не только Гермеса, но также и героическую фигуру Улисса, «плодородного изворотливостью». Несмотря на восхищение изворотливостью, греки еще больше восхищались умом. На конференции в Спарте, о которой говорилось в прошлой главе, царь Архидам произнес речь, которая отличается почти современным реализмом.

«Лакедемоняне, я достиг преклонного возраста и имею опыт многих войн. Между вами имеются мои ровесники, которые не допустят несчастной ошибки и не будут настолько невежественны, чтобы считать войну желательной, так как она якобы является делом выгодным или приносящим безопасность...

Я не настаиваю на отказе от проявления чувства справедливости. Я не хочу разрешить Афинам причинять убытки нашим союзникам. Я не буду медлить с разоблачением афинских интриг. Но я настаиваю на том, чтобы мы не приступали немедленно к враждебным действиям, а раньше направили в Афины какого-нибудь посла, который увещевал бы их тоном, с одной стороны, не слишком воинственным, а с другой стороны, не слишком покорным. Мы можем использовать выигранное время для улучшения нашей подготовки...

Если афиняне согласятся с нашими предложениями, тем лучше. Если они их отклонят, то по истечении двух или трех лет наше положение будет значительно сильнее, и мы сумеем, если найдем нужным, их атаковать. Может быть, узнав о размерах наших вооружений, они поддадутся сильным увещеваниям и согласятся уступить...

Мы не должны, основываясь всего лишь на однодневном обсуждении, притти к решению, от которого зависят жизнь и имущество наших соплеменников и которое также сильно затрагивает наше национальное достоинство. Мы должны принять решение лишь после спокойного обсуждения... Мы не должны также забывать, что в Потидийском кризисе афиняне предлагали дать нам законное удовлетворение. Закон не позволяет обращаться, как с преступником, со страной, которая готова пойти на арбитраж».

Реализм речи царя Архидама может нам показаться циничным или по крайней мере чересчур откровенным, но его заключительная ссылка на арбитраж заставляет звучать совершенно иные ноты. Как это случилось, что спартанский государственный деятель, живший за 2 260 лет до президента Вильсона, мог сослаться (в минуту особого напряжения) на арбитраж, как на метод уже известный и который собрание обязано принять? Очевидно греки, несмотря на всю страстность вражды, заменили теорию прав

племени концепцией общности интересов. Греки потеряли свою независимость, потому что последняя концепция не была достаточно сильна, чтобы уничтожить остатки старых теорий племени. Однако концепция общности интересов существовала в амфиктионических советах[3] и выражалась в периодических собраниях, которые представляли нечто среднее между церковными конгрессами, ейстеддфодом [собрание бардов и менестрелей][4] и собранием Лиги наций.

В VII веке до н. э. наиболее влиятельная из амфиктонических, или районных, конференций состоялась на острове Делосе. После того как это священное место было осквернено Афинами, влияние Делосского амфиктиона перешло к Дельфийскому. Главной целью этих конференций, как и постоянного секретариата при них, была охрана храмов и казны, а также регулирование движения пилигримов. Они, однако, занимались также общегреческими политическими вопросами и как таковые выполняли важную дипломатическую функцию, введя очень важное дипломатическое новшество: они потребовали для себя то, что мы сейчас назвали бы правом экстерриториальности или дипломатическими привилегиями. Государства, которые были членами лиги или совета, давали обязательство не разрушать городов других членов лиги и не лишать их воды ни в мирное, ни в военное время.

Если член лиги нарушал эту статью, то он автоматически становился врагом всех остальных членов лиги, и последние были обязаны пойти на него войной. И, действительно, мы знаем ряд фактов, когда амфиктонический совет налагал санкции на нарушителей устава амфиктиона.

Эти прекрасные учреждения потерпели в конце концов неудачу по двум причинам: во-первых, они никогда не были всеобщими, и многие важные государства не входили в них, во-вторых, они не обладали достаточной силой, чтобы заставить более могущественные государства подчиняться принятым постановлениям, но само их существование оказывало стабилизирующее влияние на положение дел в Греции и сделало многое для развития концепции общности международных интересов и международного права.

III

Достигнув этого высокого уровня, теория дипломатии стала отступать. Греческие города-государства не сумели жить в соответствии с теми высокими идеями общности интересов, которые они изобрели. Сила восторжествовала. Дух лиги содружества народов был чужд Александру Македонскому. Подчинение заменило кооперацию. Свобода была утеряна.

Римляне создали скорее концепцию международного порядка и дисциплины, чем международного равенства и кооперации. Их участие в создании теории дипломатии было, конечно, весьма

велико. Ловкость и хитрость они заменили послушанием, организацией, «обычаями мира» и ненавистью к беззакониям. Даже те, кто не любит физическую силу, являвшуюся основой римской системы, должны признать, что эта система содействовала развитию сознания общности интересов человечества. Мелочные и грубые интересы борьбы племен или кланов уступили место понятиям мирового размаха. Римляне сделали всемирными не только право, но и дипломатическую теорию. Но польза, которую они принесли (не считая pax romana [«римский мир»] и идеи мирового господства), имела, главным образом, значение для права и поэтому не подлежит обсуждению при изучении неюридической стороны дипломатии.

Когда в последние века империи значение политики силы пало, в Византии возродился наименее созидательный вид дипломатии. Дипломатия стала скорее стимулировать, чем сдерживать человеческую жадность и глупость. Кооперация уступила место разделению, единство—распаду, разум—хитрости, принципы морали—ловкости. Византийские взгляды на дипломатию были заимствованы Венецией и оттуда распространились по всему Апеннинскому полуострову. Дипломатия средних веков имела, главным образом, итальянский, точнее византийский, привкус. Этому наследию она обязана той плохой славой, которой она пользуется в современной Европе.

Интересно выяснить, каким образом дипломатия, которая по существу является приложением здравого смысла и человеколюбия к международным отношениям, приобрела столь сомнительную репутацию. Мы не уклонимся слишком далеко от истины, если это несчастное предубеждение объясним тем, что дипломатия попала в феодальную Европу из Византии через итальянские города-государства.

Нужно признать, что уровень европейской дипломатии, когда она впервые оформилась как отдельная профессия, был невысок. Дипломаты XVI и XVII веков часто давали повод к подозрениям, от которых несправедливо страдают их наследники. Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали.

Посол той эпохи считал себя «почетным шпионом». Он был глубоко уверен, что частная мораль—нечто отличное от общественной морали. Многие из них воображали, что официальная ложь имеет мало общего с ложью отдельного лица. Они не считали, что и бесполезно и недостойно честного и уважаемого человека вводить в заблуждение иностранные правительства преднамеренным искажением фактов.

Британский посол сэр Генри Уоттон выразил мнение, что «посол—это честный человек, которого посылают за границу

лгать для блага своей родины». На эту фразу часто ссылаются в выпадах против нас, но никто при этом не поясняет, что сэр Генри написал это изречение как шутку в какой-то альбом в Аугсбурге. Это изречение было обнаружено одним из его врагов, который донес об этом Якову I. Король был глубоко потрясен цинизмом своего посла. Напрасно Уоттон оправдывался, что он написал это изречение для забавы. Король отказался в дальнейшем пользоваться его услугами.

Плохая слава, которой пользовались дипломаты, была обязана своим происхождением не только случайным шуткам. Более важную роль сыграло усиливавшееся отождествление теории и практики дипломатии с заповедями Макиавелли. Интересен следующий факт. «Государь» был написан Никколо Макиавелли в 1513 г., английский перевод был издан в 1640 г., между тем искаженная версия его идей проникла в Англию задолго до этого и создала слово «макиавеллизм».

Уже в 1579 и 1592 гг. Стэббс и Наш употребляют прилагательные и существительные, производные от имени Макиавелли.

Главным намерением Макиавелли было предостеречь свой век против опасностей, которые таит в себе слабое правительство.

«Вы должны знать,—пишет он,—что имеются два метода борьбы—при помощи закона и при помощи силы. Первым методом пользуются люди, вторым—звери, но так как первый метод часто недостаточен, приходится прибегать ко второму».

Это заявление, учитывая эпоху, в которую оно появилось, может показаться реалистичным, но оно не цинично. Искажения теории, больше чем подлинное изложение теории Макиавелли, создали ему плохую славу и соответствующие эпитеты. И нужно признать, что в «Государе» имеются страницы, которые давали основания для возникновения неправильного впечатления:

«Каждый знает,—пишет он,—как похвально для государя выполнять свои обещания и жить честно, без коварства. Однако опыт наших дней показывает, что вершителями великих дел были те государи, которые мало обращали внимания на обещания и своим коварством вносили замешательство в умы людей; они в конце концов побеждали тех, кто держался принципа лойяльности. ...Разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание. Если бы люди были все хороши, такое правило было бы дурно, но так как они злы и не станут держать слово, данное тебе, то и тебе нечего блюсти слово, данное им».

Фразы, подобные этой, в действительности редко попадающиеся в писаниях Макиавелли, часто цитировались в ту эпоху, поэтому среди публики создалось неправильное представление, что подобные принципы, а не честность и здравый смысл, должны служить в качестве основы международных отношений и руководства лиц, стремящихся быть дипломатами.

IV

Я набросал развитие теории дипломатии с первобытных времен до того момента, когда около середины XVI века она начинает принимать современную окраску. Я показал, как греки безуспешно пытались осуществить идею содружества народов, общие интересы которых более важны и ценны, чем особые интересы отдельных государств. Я показал, как римляне ввели идею международного права и как благодаря огромным размерам их империи они были в состоянии оставить воспоминание о мировом государстве. В последующие века римская церковь[5] и Священная Римская империя[6] пытались с меньшим успехом закрепить это воспоминание. Я показал, как с упадком могущества империи теория дипломатии стала византийской и как Константинополь завещал итальянским государствам теорию, что дипломатия скорее друг, чем враг, силы и беззакония.

Наблюдательный циник может утверждать, что история показывает, как дипломатия становилась защитницей морали, когда она находилась на службе подавляющей силы, и что народы подчиняют общему благу свои индивидуальные интересы и претензии, когда находятся перед лицом общей для всех опасности. В этом утверждении имеется известная доля истины. Грекам удалось объединиться, когда им угрожала Персия, но как только опасность миновала, междоусобные войны опять возобновились. Высокие идеалы их амфиктионов потерпели крах, потому что ни один из их членов не обладал достаточной силой, чтобы заставить остальных быть бескорыстными. Римляне в свою очередь были в состоянии установить законы международного права и «привычку к миру», когда стали бесспорными владыками всей известной части земного шара. Одновременно с падением господства римлян теория дипломатии выродилась и стала в Византии и Италии хищной, разлагающей и подлой.

Если, однако, мы примем во внимание непрерывность развития дипломатической теории и исследуем кривую этого развития, мы найдем, что эта кривая изображает восходящую линию, хотя в каждую эпоху мировой истории мы видим моменты, когда она, как теперь, показывала большие колебания. Каковы же были те силы, которые вызывали улучшение?

Первой было право, второй—торговля. Я сейчас займусь разбором второй.

Англо-саксонские авторы трудов по вопросам теории дипломатии имеют тенденцию приписывать те улучшения, которые они обнаруживают в этой теории, распространению морального просвещения. Они утверждают, что прогресс в теории дипломатии следует измерять не только степенью развития концепции общности интересов человечества, но и степенью сближения общественной и личной морали.

Вне всякого сомнения, подобное сближение является идеалом, к которому должны стремиться все порядочные дипломаты. Однако существовала и продолжает существовать школа континентальных теоретиков, которая утверждает, что безопасность и интересы своей страны являются высшим моральным законом, и было бы сентиментальностью утверждать, что законы этики, регулирующие взаимоотношения между индивидуумами, могут когда-либо применяться во взаимоотношениях суверенных государств. Очень соблазнительно, конечно, отвергать подобную теорию как неблагородную и реакционную и противопоставлять ей теорию, блещущую чистотой. Но факт таков, что лозунг «Моя страна—независимо от того, права ли она или виновата», находит могучий отклик в сердцах миллионов вполне цивилизованных людей. Этот лозунг может вызывать такие добродетели, как самопожертвование, дисциплина, проявление энергии. Он дает дипломатии указания более твердые и более точные, чем неопределенные стремления людей с более просвещенными взглядами.

Мой личный опыт и многолетнее изучение этого вопроса глубоко убедили меня, что «моральная» дипломатия в конце концов дает наилучшие результаты и что «аморальная» дипломатия вредит своим собственным целям. Но я не решился бы, обсуждая искусство переговоров, приписать развитие этого искусства только этическим импульсам. Эти импульсы сделали многое для развития более здоровой теории дипломатии, и они продолжают действовать даже теперь. Преувеличивать их влияние значит искажать действительную роль различных обстоятельств в этом развитии, а это может привести к тому, что одна школа будет считаться хорошей, а другая плохой. Это может для некоторых создать большую опасность впасть в фарисейство, односторонность и даже морализирование.

Дипломатия не является системой моральной философии. Эрнест Сатоу определяет ее следующим образом: «Это—применение ума и такта к ведению официальных отношений между правительствами независимых государств». Худший сорт дипломатов—это миссионеры, фанатики и адвокаты, лучший—это рассудительные и гуманные скептики. Главное влияние на создание теории дипломатии было оказано не религией, а здравым смыслом. Благодаря торговле люди впервые научились применять здравый смысл в своих взаимоотношениях друг с другом.

Предметом этой книги не является изучение стадий, которые прошла международная торговля. Я не собираюсь изучать влияние, которое оказали на торговлю крестовые походы, монополия Венеции и падение Восточной империи. Достаточно упомянуть несколько дат. Ганзейский союз [7] был основан в 1241 г. Канарские острова были открыты в 1330 г. [8] Васко да Гама достиг Индии, обогнув мыс Доброй Надежды, в 1497 г. Португальцы основали

Макао в 1537 г.[9] Итальянские города организовали консульства в Леванте [10] в 1196 г.

Теория дипломатии развивалась по многим параллельным линиям. Существовало римское право и воспоминание о мировом государстве, которое превращало это право в международное. Существовала традиция византийской ловкости. Осталась в наследство от Римской империи политика силы, приводившая к взгляду на дипломатию, как на придаток к военно-феодальной касте. Имелась папская идея мирового порядка, покоящегося на религиозных основаниях. Все эти блестящие нити развития образовали грубую пряжу коммерческой концепции дипломатии, находящейся под влиянием разумных людей, торгующих друг с другом. Здоровая дипломатия здравого смысла—изобретение среднего сословия.

V

Если не считать некоторых особенностей в отношении целей и процедуры, о чем будет итти речь в следующих главах, в дальнейшем можно различать два главных направления в теории дипломатии: первое—это теория военно-политической касты, являющаяся пережитком средневековья, второе—более буржуазная теория, которая развилась на почве коммерческих связей. Первое направление склонялось к политике силы и много уделяло внимания вопросам национального престижа, положения, старшинства и блеска, второе интересовалось политикой, дающей прибыль, и занималось, главным образом, успокоением, примирением, компромиссами и кредитами. Следует признать, что эти направления часто переплетались. Были эпохи, когда феодальная концепция становилась миролюбивой, а буржуазная чрезвычайно воинственной. Но в общем разница между этими двумя тенденциями—феодальной и буржуазной—бросает более яркий свет на развитие и современное положение дипломатии, чем всякие поиски туманных и неосуществимых моральных концепций.

Первую теорию можно назвать воинственной, или героической, а вторую—купеческой, или теорией лавочника. Первая рассматривает дипломатию как войну иными средствами, вторая—как фактор, помогающий мирной торговле.

Нужно иметь в виду, что не только цели, которые ставит себе военная школа,—грабительские, но и методы, которыми проводится эта политика, являются скорее военными, чем гражданскими. Переговоры при такой системе напоминают военные действия или в лучшем случае осенние маневры, и приемы, которые лица, ведущие переговоры, применяют, более сродни военной тактике, чем политике взаимных уступок, свойственной общению гражданских лиц.

В основе такой концепции дипломатии лежит уверенность в том, что целью переговоров является победа и что отказ от пол-

ной победы означает поражение. Дипломатия рассматривается как непрерывная и неослабевающая деятельность, имеющая своей целью окончательную победу. В стратегию переговоров поэтому входят обход противника с фланга, захват стратегических позиций, которые немедленно укрепляются до перехода в дальнейшее наступление, ослабление врага всевозможного рода нападениями позади линии фронта, попытки отделить от главного врага его союзников и организация нападения в одном месте, в то время как противник удерживается в другом. Тактика, применяемая в ходе переговоров, имеет также военный характер. Здесь налицо неожиданные и часто ночные атаки, налеты на окопы для определения силы противника в том или ином пункте. Мы можем наблюдать иногда и стратегическое отступление и тайное занятие решающих позиций. Применяются и запугивание, и жестокость, и сила. Часто производятся сдерживающие маневры, в то время как главные силы сосредоточиваются на других направлениях.

Ясно, что при такой системе не находят себе места соглашение, доверие и справедливость. Уступку или заключенный договор при этой системе имеется склонность рассматривать, с одной стороны, не как окончательное разрешение отдельного спора, но как проявление слабости и отступление, а с другой стороны—как преимущество, которое должно быть немедленно использовано для подготовки дальнейших триумфов.

В противоположность этой военной концепции дипломатии существует концепция коммерческая, торговая, «концепция лавочника». Эта штатская теория переговоров основана на предпосылке, что компромисс между соперниками более выгоден, чем полное уничтожение соперника. Переговоры не являются только фазой в борьбе на жизнь или на смерть, а попыткой путем взаимных уступок достичь длительного соглашения. Под словами «национальная честь» нужно понимать «национальную честность». Вопросы престижа не должны мешать заключению разумного делового соглашения. Достаточно найти какую-то точку, находящуюся посредине между обеими сторонами, чтобы примирить их противоречивые интересы. Для определения этой точки требуется только откровенное обсуждение вопроса с картами, открыто лежащими на столе, да еще обычное человеческое мышление, доверие и честность.

Каждая из вышеуказанных теорий имеет свои опасности и иллюзии, но самая большая опасность заключается в том, что военная школа не может понять искренности штатской, а «лавочники» не понимают, что «военными» руководят совершенно другие представления о способах и целях переговоров. Первые слишком верят в способность силы запугивать, а вторые—в способность кредита порождать доверие. «Лавочники» желают внушить доверие, а «военные»—страх. Разница в концепциях создает пренебрежение и подозрение у одних, возмущение—у других.

По тому вниманию, которое я уделил этим двум противоположным тенденциям, можно заметить, что я считаю, что развитие дипломатической теории больше зависело и зависит от противопоставления воображения разуму, романтики—здравому смыслу, героического—меркантильному, чем от каких-то определенных стандартов моральных ценностей. В обеих тенденциях мы видим и идеализм и реализм. Их действительно разделяет то, что первая представляет собой, главным образом, динамическую теорию, а вторая—статическую. Первая требует движения, вторая—покоя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деление Моуатом истории дипломатии на три периода не имеет достаточных оснований. Прежде всего эпоха империализма, как понятно нашему читателю, не есть эпоха демократии. Эта эпоха сводит на-нет «демократическую дипломатию» Моуата и весь соответствующий период. Организованная, всеми признанная система постоянных дипломатических отношений появляется после Венского конгресса 1815 г. Во всяком случае в XV—XVII веках хотя и появлялись постоянные дипломатические представительства, но не в качестве правила. Дипломатические ведомства типа министерств по большей части появились лишь в XVIII веке. Поэтому рассматривать период с 1475 по 1914 г. как один период системы европейских государств с точки зрения истории дипломатии не приходится.

[2] *Лига наций* была организована по решению Парижской мирной конференции 1919 г. Устав ее был разработан особой комиссией под председательством президента США Вильсона. Этот устав был принят мирной конференцией 28 апреля 1919 г. и включен в Версальский и другие мирные договоры. С вступлением в силу Версальского договора 10 января 1920 г. начал действовать и устав Лиги. Сенат США не утвердил Версальского договора, несмотря на то, что он обсуждался при активном участии Вильсона и был им подписан. Таким образом, отпало участие США в Лиге наций. С самого начала Лига наций сделалась орудием англо-французского империализма, особенно по проведению антисоветской политики и по осуществлению Версальского договора, поэтому Советская страна относилась отрицательно к этой организации. Когда в 1934 г. появилась некоторая надежда на возможность использования Лиги для борьбы за мир, Советский Союз вступил в Лигу. Она могла, по выражению товарища Сталина, стать «бугорком», мешающим развязыванию войны. Но руководители Лиги—английское и французское правительства—стали систематически подрывать авторитет Лиги, устраняя ее от решения важнейших вопросов международных отношений и борясь против идеи коллективной безопасности. Окончательный удар Лиге был нанесен в 1939 г., когда она была использована для организации войны против СССР. Теперь это—труп, который забыли похоронить.

[3] *Амфиктионические советы* в древней Греции—собрания племен, расположенных близ какого-нибудь храма («амфиктионы»—живущие вокруг), для обсуждения общих вопросов, например связанных с войной и миром, для суда над нарушившим общие интересы участником амфиктионии и т. п. Амфиктиония силой оружия могла заставить входившие в ее состав племена выполнять ее постановления.

[4] *Ейстеддфод*—объединение культурного характера в британском Уэльсе; ставит себе целью сохранение развития уэльской культуры—музыки, литературы, языка, старается поддержать особый «национальный» дух в Уэльсе.

[5] По поводу роли *римской церкви* в средние века приведем яркую характеристику, данную Энгельсом: «...Великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу...» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 295). От своих притязаний на мировое господство, хотя и в другой форме, католическая церковь, как известно, не отказалась и по сию пору. Характерно, что даже в ряде стран, где католическая религия не только не является государственной, но и вообще не преобладает, католики ухитряются заполнять своими людьми аппарат министерств иностранных дел и продвигать на различные командные посты своих людей.

[6] *Священная Римская империя германской нации* (962—1806)—объединение феодальных государств Германии, а до второй половины XIII в. также Италии, под властью германских императоров, претендовавших на звание «светского главы» всего христианского мира. Императоры вели напряженную и длительную борьбу с папами.

[7] *Ганзейский союз* северонемецких торговых городов сложился в XIII—XIV вв. Ядром союза были Любек, Гамбург и Бремен. В состав его входило до 90 городов. Союз имел конторы и склады в Англии, Франции, Нидерландах, России, скандинавских странах. В России, в Новгороде, находилась одна из его главных контор. Ганзейский союз имел общую казну и вооруженные силы. Ганза пришла в упадок в течение XVI—XVII вв.

[8] *Канарские острова* расположены в Атлантическом океане. Никольсон ошибается, говоря об открытии их в 1330 г. Они были известны еще в римскую эпоху, затем в начале XI в. вновь открыты арабами и, наконец, снова в 1325 г. португальцами. С XV в. принадлежат Испании.

[9] *Макао*—колония Португалии на юге Китая. Дата, указываемая Никольсоном, ошибочна: португальцы основали здесь свое первое поселение в 1557 г.

[10] *Левант* (по-итальянски восток)—название восточного побережья Средиземного моря от Греции до Египта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕХОД ОТ СТАРОЙ ДИПЛОМАТИИ К НОВОЙ

Существует ли разница между старой и новой дипломатией?—Взгляды Жюля Камбона.—Переход, а не контраст.—Отражение в дипломатии изменений в государственном строе.—Дипломатия при абсолютизме.—«Будуарная дипломатия».—Екатерина II и Малмсбери как пример «будуарной дипломатии».—Рост конституционных монархий.—Интернационал монархов. Вильгельм II и царь.—Договор в Бьорке.—Эдуард VII.—Королева Виктория.—Необходимость для лица, ведущего переговоры, представлять высшую власть страны.—Недостаточность полномочий президента Вильсона.—От самодержавия к демократии.—Три главных фактора развития: 1) Концепция общеевропейских интересов.—Каннинг и Меттерних.—«Европейский концерт».—2) Вера в силу общественного мнения.—Каннинг и Пальмерстон.—3) Развитие путей сообщения и способов связи.—Влияние телефона на дипломатическую практику.—Большое значение личных качеств посла.—Старый дипломат. — Содружество профессиональных дипломатов. — Значение этого содружества.

I

Все порядочные люди говорят о «старой дипломатии» и о ее пользующейся плохой славой подруге «тайной дипломатии» в тоне морального негодования. Предполагается, что около 1918 г. дипломатия узрела свет, была обращена и спаслась и что с тех пор она стала совершенно другим существом.

В действительности можно заметить глубокую разницу между дипломатией XVII или XVIII века и нынешней. Было бы, однако, ошибкой считать, что существует полная противоположность между «тьмой» прошлого и «светом» настоящего. Здесь не было внезапного обращения и возникновения совершенно противоположных принципов или методов,—произошло постепенное приспособление искусства переговоров к переменам в политических условиях.

Жюль Камбон (один из наиболее образованных профессиональных дипломатов) даже утверждал, что разница между старой и новой дипломатией—это только широко распространенная иллюзия.

Он пишет: «Говорить о старой и новой дипломатии—это значит устанавливать различие при отсутствии разницы. Только внешний вид или, если вам угодно, внешняя окраска дипломатии меняется. Существо остается неизменным, во-первых, потому, что человеческая природа не меняется, во-вторых, потому, что существует только один путь к разрешению международных разногласий, и, наконец, потому, что наиболее убедительный метод, находящийся в распоряжении правительства, это—слово честного человека».

На самом деле дипломатия представляет собою непрерывный процесс, и ее основные принципы не что иное, как аккумулированный опыт поколений умных и рассудительных людей. Правда также и то, что те, кто презрительно отбрасывает законы и формулы дипломатии, могут обнаружить на практике, что эти предписания не так бесполезны или бессодержательны, как это кажется с первого взгляда.

Несмотря на это мнение Камбона и несмотря на ряд примеров, которые можно привести в его подтверждение, остается фактом то, что в развитии дипломатической практики и теории можно отметить ряд перемен. В настоящей главе я предполагаю рассмотреть, как происходило поглощение старой дипломатии новой.

II

Было бы очень приятно, но не точно утверждать, что переход от старой дипломатии к новой представлял собой путь от абсолютизма к правящему классу и далее к демократическому контролю. Правда то, что в Великобритании приспособление дипломатии к политике следовало примерно этому пути, но этого нельзя сказать относительно других стран. Гитлер, например, более самодержавен, чем были Вильгельм II или Бисмарк, Муссолини значительно более единовластен, чем Криспи или Кавур. Дипломатия за последние 20 лет стала более зависимой от отдельных лиц, более секретной и более таинственной, чем в конце XIX века. Следовательно, мы видим, что старая дипломатия не только не умерла в 1918 г., но стала более активной и влиятельной, чем новая.

Конечно, можно отбросить неудобные факты, сочтя их временным возвратом к негодной и дискредитированной теории. Быть может, это и правда, но будет проще и более правильно утверждать, что та или иная политическая система находит свое отражение в соответствующей дипломатической теории и практике. Те изменения, которые происходят, зависят не столько от изменений в этике, сколько от перемещения власти. Рассматривая переход от старой дипломатии к новой, я специально займусь пояснением этого утверждения.

Во времена абсолютной монархии страна и ее обитатели рассматривались как полная собственность царствующего монарха, поэтому Людовик XIV и даже в более значительной степени Екатерина II и Фридрих Великий держали в своих руках все вопросы иностранной политики, войны и мира. Они были высшей властью не только по названию, но и на деле. При такой системе поневоле происходило смешение дипломатии и политики. Переговоры стали интимным делом отдельных лиц. При таких условиях было исключительно важно, чтобы посол завоевал доверие и, если возможно, любовь государя, при котором он был аккредитован.

Эта необходимость заставляла прибегать к ряду темных способов. Дипломаты не только давали крупные взятки придворным, спорили беспрерывно о старшинстве и статусе, крали официальные документы, но старались всеми правдами и неправдами заручиться поддержкой фаворитов и фавориток и, если это не удавалось, пытались их заменить более сговорчивыми.

Прекрасный пример «будуарной дипломатии» представляет собой миссия Джемса Гарриса (лорд Малмсбери) в Петербурге в 1779 г. Что Гаррис считался одним из наиболее искусных представителей дипломатии XVIII века, ясно видно из той похвалы, которую он получил из уст Талейрана. «Я считаю его,—сказал Талейран,—одним из наиболее способных послов его времени. Невозможно было превзойти его, оставалось только следовать, насколько возможно близко, по его стопам». Однако Гаррису не удалось многого добиться ни в России, ни в Голландии.

Его методы в Петербурге были типичны для той эпохи. Целью его миссии было убедить императрицу Екатерину II заключить союз с Великобританией. Отчеты Гарриса рисуют яркую картину «будуарной дипломатии».

Он пишет: «В понедельник на маскараде в честь дня рождения великой княгини, после того как ее величество кончила игру в карты, в которой я также принимал участие, ко мне подошел господин Корсаков и, попросив меня следовать за ним, провел меня особым ходом в личный будуар императрицы. Представив меня, он немедленно удалился. Императрица усадила меня и начала разговор с того, что наши дела, если не считать ее собственных, наиболее близки ее сердцу. Она заявила, что была бы счастлива, если бы я мог устранить препятствия, которые возникают в ее уме каждый раз, когда она пытается придумать план, чтобы помочь нам».

Ободренный этими словами, посол предложил императрице произвести морскую демонстрацию против Франции и Испании. Императрица заметила, что, конечно, британский флот может состязаться с вражеским и что, если мы действительно желаем мира, мы должны дать свободу американским колониям. Гаррис спросил у нее, принесла ли бы она подобного рода жертву, если бы была королевой Англии. Она ответила, что скорей согласилась бы лишиться головы. Она затем, вполне резонно, заметила, что эта ссора не касается России и что она не видит причины, почему она должна рисковать русским флотом в западных водах. Гаррис ответил, что подобного рода выступлением она завоюет себе честь и славу. «Казалось,—пишет Гаррис,—что идея эта ей понравилась». Но она постаралась не связывать себя какими-либо обещаниями. «После разговора, продолжавшегося более часа,—добавляет Гаррис,—она меня отпустила, и, так как было темно, я с трудом нашел дорогу в бальный зал по запутанному коридору».

Гаррис не прекращал своих усилий. Он подружился с Потемкиным, давал крупные суммы друзьям фаворита. Он делал все, что только было в его силах, чтобы разрушить влияние главного министра Екатерины Панина. Он не прекращал своего ухаживания

за императрицей. «Будь я моложе,—сказала она ему,—я была бы менее осторожна». Гаррис был красивый мужчина, а императрица легко увлекалась. Это была действительно кружащая голову личная дипломатия. Но в конце концов Гаррис вернулся в Лондон, почти ничего не достигнув и потеряв на этом деле более 20 тыс. фунтов стерлингов из своего кармана.

III

Мемуары Джемса Гарриса, графа Малмсбери, действительно показывают нам худшие стороны так называемой монархической дипломатии. Его дальнейшие действия в Голландии, если их судить с точки зрения морали нашего времени, были столь же плачевны, но нужно иметь в виду, что дипломат должен приме-няться к тем условиям, которые он находит в чужой стране. Возможно и скорее всего вероятно, что Гаррису было скучно флиртовать с пятидесятилетней императрицей, ему также, конечно, было не очень приятно видеть свою жену отправляющейся ужинать с Потемкиным, но нужно помнить, что старая дипломатия не считалась с личными вкусами. Даже ныне тот посол, который не будет скрывать своих антипатий к тем или иным особам или условиям страны, окажет плохую услугу делу, ради которого он послан.

С ростом конституционных монархий «будуарная дипломатия» начала постепенно исчезать. Однако в течение всего XVIII века, а фактически до 1918 г., продолжала существовать теория, что дипломатия некоторым образом отождествляется с личностью царствующего монарха. Император Вильгельм II, например, воображал очень часто, что он является своим собственным министром иностранных дел. Он размечал донесения, ведал назначениями, составлял инструкции. Его переписка с русским императором, опубликованная советским правительством, является ярким доказательством той большой ответственности, которую он брал на себя, руководя дипломатией. Он даже дошел до того, что в июле 1905 г. организовал тайную встречу с царем около Бьорке[1], в Финляндии. В каюте царской яхты он заставил своего любезного кузена подписать личный договор о союзе между Россией и Германией. Оба монарха были вне себя от радости, но когда они вернулись в свои столицы, их министры иностранных дел отказались признать этот договор. К вящему унижению обоих императоров, заключенный в Бьорке договор был объявлен аннулированным и недействительным. В начале XX века уже считалось неудобным, чтобы личные капризы и чувства определяли политику страны.

Не только в самодержавных или полусамодержавных странах до 1918 г. монархи считали, что они ближайшим образом связаны с дипломатией. Роль короля Эдуарда VII в международных

делах значительно преувеличена, но все же он считал, что послы представляют его особу не только теоретически. До самых последних дней своей жизни он настаивал, чтобы с ним советовались по всем вопросам внешней политики, и нужно признать, что министры его царствования не возражали против этого. Он обладал большим опытом, знаниями и непревзойденным тактом. Он являлся сам влиятельным послом, и его официальные посещения иностранных столиц, его разговоры с европейскими государственными деятелями на курортах оказывали, вне всякого сомнения, очень большое и в общем полезное влияние на ход переговоров. Было бы ошибочно предполагать, что Эдуард VII когда-либо действовал неконституционно и что его дипломатическая активность проявлялась без ведома и одобрения ответственных министров.

Кроме того, внешняя политика (а вместе с ней и дипломатия) не могла в течение XIX века и первых 14 лет XX-го не чувствовать влияния так называемого «интернационала монархов». Коронованные особы поневоле создали своего рода франкмасонское содружество. Несмотря на всю лояльность в отношении конституции, своих министров и подданных, монархов связывали друг с другом не только общность монархических принципов, но и то чувство одиночества, которое являлось результатом их высокого ранга. Ряд монархов, как, например, королева Виктория или король датский Христиан IX, находился в близком родстве почти со всеми царствующими домами Европы. Королева Виктория обладала сильно развитыми родственными чувствами. Она управляла своей космополитической семьей при помощи частных писем, которые хотя и казались наивными и сентиментальными, но на самом деле были полны здравого смысла. Нет ни малейшего сомнения, что ее проповеди германской императрице [2] и Александру II помешали Бисмарку объявить войну Франции в 1875 г. Во всей ее обширной корреспонденции можно встретить очень мало случаев неосторожности или вероломства по отношению к ее собственным министрам. Даже Гладстон, которого нельзя обвинить в пристрастии к Виктории, подтверждает ценность ее родственных связей.

Он пишет: «Личные и семейные связи с царствующими домами дают возможность в щекотливых вопросах сказать больше, деликатнее и в то же самое время более убедительно, чем это можно было бы сделать более официальным путем и при правительственной переписке».

IV

И хотя влияние монархов долго сказывалось на практике и теории дипломатии, центр тяжести дипломатической машины, начиная с 1815 г., был перенесен из придворных сфер в министерские, и эта перемена оказала воздействие на постепенное изменение дипломатических методов.

Ясно, что для достижения реальных результатов в переговорах между двумя странами лицо, ведущее переговоры, должно представлять действительную, а не теоретическую высшую власть своей страны. Это правило обязательно во всякого рода переговорах. Представитель Мидленд-банка [3], посланный для переговоров о займе с компанией Морган [4], должен быть уверен не только в том, что его поддержат его директора, но что те, с которыми он ведет переговоры, пользуются полной поддержкой Моргана.

Много катастроф в дипломатии было результатом того, что представители той или иной страны не имели полностью поддержки своей высшей власти. Правительства иногда меняются. Например, лицо, посланное для переговоров республиканской администрацией, может во время переговоров узнать, что республиканцев у власти сменили демократы, у которых оно может не пользоваться тем доверием, каким оно пользовалось у их предшественников. Подобным же образом власть, с представителями которой оно вело переговоры, в свою очередь может быть накануне поражения на выборах или в результате революции и, следовательно, не представлять действительную власть своей страны.

По этой причине договор в Бьорке был уничтожен, так как лица, заключившие договор, в конце концов не представляли по-настоящему высшую власть своей страны. Еще более прискорбный пример отсутствия у лица, ведущего переговоры, полной поддержки высшей власти, которую он представляет, дает нам положение президента Вильсона на Парижской мирной конференции [5]. С одной стороны, он являлся высшей исполнительной властью США и его полномочия не могли подлежать какому-либо сомнению, с другой стороны, всем было известно, что он не является действительным представителем высшей власти своей страны, т. е. американских избирателей. Возникла чрезвычайно затруднительная дилемма для тех, кто должен был вести переговоры с президентом. Они не могли заявить, что он не представляет США, так как теоретически он был представителем Соединенных штатов, в то же время они чувствовали, что он не представляет высшую власть своей страны, так как на деле он не выражал ее волю, поэтому они пошли на компромисс между идеалами президента и собственными нуждами. Если бы мирные договоры были составлены полностью по Вильсону или по Клемансо, то была некоторая надежда, что они сохранились бы. Попытки скомбинировать две противоположные идеи привели к тому, что мирные договоры оказались нереальными и вместе с тем неидеальными, и все это явилось результатом, главным образом, того, что президент в 1919 г. не представлял полностью высшую власть своей страны.

Я привел эти примеры не только для того, чтобы показать вред, причиняемый тем, что аккредитованный представитель страны не пользуется поддержкой тех, от имени кого он выступает,

но также для того, чтобы показать, как чувствительно реагирует дипломатия на малейшие перемещения и изменения высшей власти. Старая дипломатия обязана была подчиняться идеям и обычаям той системы, которую она представляла. С переменой системы дипломатия, правда со значительным опозданием, также менялась. Будет крупной ошибкой предполагать, что какая-либо дипломатия может быть эффективной, если она перестанет пользоваться доверием или поддержкой высшей власти своей страны, или что старая дипломатия могла существовать сама по себе, независимо от высшей власти, которая ее питала жизненными соками.

Все это показывает, что в течение XIX века старые теории дипломатии стали принимать новые формы не в результате того, что изменились дипломаты, а вследствие изменения политической системы, которую они представляли. Описание перехода от старой дипломатии к новой вызвало бы необходимость описать демократические тенденции последнего столетия. Это, конечно, вне пределов данной монографии. Однако между бесчисленными факторами, оказавшими влияние на образование современных демократий, можно отметить три специальных фактора, которые оказали особое влияние на методы и теорию международных переговоров. Перечислим их: первый—чувство общности между народами, второй—растущее понимание значения общественного мнения, третий—быстрый рост путей сообщения и способов связи.

V

Я уже сказал, что развитие дипломатической теории в демократических государствах прошло путь от концепции исключительного господства национальных прав к концепции общности международных интересов. Эта концепция для своей победы над эгоистичными и узкими местными предрассудками нуждалась в толчке, который давала общая опасность извне. Боязнь Персии на время объединила греческие государства. Французская революция и страх перед Наполеоном дали такой же толчок в XIX веке. Историки приписывают первое проявление идеи общности европейских интересов циркуляру графа Кауница от 17 июля 1791 г. В этом циркуляре он побуждает государства объединиться, чтобы «сохранить общественный мир, спокойствие и веру в договоры».

Правда, после 1815 г., когда опасность миновала, эта прекрасная идея выродилась в союз стран-победительниц и, кроме того, под влиянием Александра I была превращена в своего рода «антикоминтерновский пакт». Правда, Англия Каннинга восстала против системы управления народами с помощью конгресса, против Священного союза и против меттерниховской идеи европейской федерации. Однако в течение XIX века фразы «общая европейская система», или «европейский концерт», для краткости часто называвшийся «концертом»[6], увековечили теорию союза европейских

народов. Даже Гладстон в 1879 г. считал существование «европейского концерта» одним из принципов той внешней политики, которую он проповедовал во время мидлотианской избирательной кампании [7].

«По моему мнению,—сказал он,—третий здравый принцип—это стараться изо всех сил культивировать и поддерживать так называемый „европейский концерт", поддерживать единение европейских государств, так как, только объединяя всех, вы можете нейтрализовать, сковывать и связывать эгоистические цели каждого».

Было бы неправильно отбросить идею «европейского концерта» как пустой дипломатический лозунг, служивший для оправдания господства великих держав. Нет, это было нечто большее. Эта идея выражалась в молчаливом соглашении пяти великих держав, признававших существование каких-то общих правил достоинства, человечности и доверия, которым должны подчиняться державы в своих отношениях друг с другом и в отношении с менее могущественными и менее цивилизованными народами. Когда в 1914 г. эта идея была разрушена, нечто стабилизирующее и давно общепризнанное исчезло из европейской политики.

Вторым важным фактором в развитии дипломатической теории в течение XIX века был рост понимания значения общественного мнения. Дипломаты старой школы вроде Меттерниха считали опасной и фантастической мысль о том, что широкая публика должна что-то знать из области внешней политики или что она может иметь какое-либо мнение по внешнеполитическим вопросам. Каннинг, наоборот, считал, что не только не следует отгораживаться от общественного мнения, а, наоборот, надо считаться с ним. Главным образом поэтому Меттерних считал его «злонамеренным метеором, ниспосланным божественным провидением на Европу».

Для Каннинга общественное мнение «было большей силой, чем все те силы, которые были приведены в действие на протяжении человеческой истории». Пальмерстон был такого же мнения. «Мнения,—говорил он,—сильнее армий. Мнения, если они основаны на правде и справедливости, в конце концов осилят штыки пехоты, огонь артиллерии и атаки кавалерии». Это убеждение часто вводило лорда Пальмерстона в заблуждение. Мнение датчан по вопросу о Шлезвиг-Гольштейне, вне всякого сомнения, «было основано на правде и справедливости», но оно оказалось не в состоянии, к огорчению Пальмерстона, победить гренадеров Бисмарка. Кроме того, Пальмерстон, как большинство государственных деятелей Великобритании, заблуждался, считая, что иностранное общественное мнение сродни нашему; он воображал, что если бы общественному мнению на континенте была предоставлена свобода, то мир был бы обеспечен; он не понимал, что в некоторых случаях разгоревшиеся народные волнения могут оказаться более опасными, чем любые дипломатические махинации.

Проблема взаимоотношений дипломатии и общественного мнения сложна и будет обсуждена в дальнейшем. Достаточно пока отметить, что в XIX веке уважение к общественному мнению, а иногда, как это делал Бисмарк, преднамеренное его использование, оказывает все возрастающее влияние на переход от старой дипломатии к новой.

Третьим фактором, способствовавшим этому, было улучшение путей сообщения и связи. Телеграф, аэроплан и телефон сделали многое, чтобы изменить практику старой дипломатии. В XVII и XVIII веках посол перед отъездом получал письменную инструкцию, разъяснявшую ему общую линию, которой он должен следовать, и цели, какие он должен перед собой ставить. Достигнув места назначения, он оказывался отрезанным от собственного правительства и должен был под чужими звездами держать курс по собственному компасу. Теперь посол, если у него возникнет малейшее сомнение, может в течение десяти минут позвонить по телефону в министерство; в свою очередь министр иностранных дел или председатель совета министров может в любой момент с ним связаться. Ясно поэтому, что личная инициатива, предприимчивость и ответственность не играют в новой дипломатии такой важной роли, как в старой.

Было бы, однако, преувеличением утверждать, что современный посол по сравнению со своими предшественниками XVIII века только мелкий чиновник, сидящий у телефона. Во-первых, послы XVIII века в большинстве боялись, с одной стороны, обязать чем-нибудь свои правительства, а с другой—они всегда находились под страхом, что их правительства откажутся признать взятые ими обязательства, потому предпочитали ничего не делать. Мы, конечно, помним вызывавших сенсацию послов эпохи, предшествовавшей изобретению телеграфа,—вроде Малмсбери и Эллиота, Стрэтфорд-Каннинга и Булвера. Предприимчивость, изобретательность и ловкость этих послов были поразительны. Но мы забываем бесконечную галлерею бесцветных послов, боявшихся проявить инициативу, чувствовавших себя несчастными изгнанниками и из лени даже не писавших отчетов. Телеграф по крайней мере мешает послам первого типа втянуть нас в войну, а вторым—скрывать свою лень и непригодность.

Наоборот, в эпоху, когда личность начинает опять становиться решающим фактором в политике, характер и ум посла приобретают первостепенное значение. Может быть, нам теперь не нужны точно такие же качества, как в XVIII веке, однако как теперь, так и тогда политика правительства может правильно проводиться, если его представителями на местах будут люди опытные, честные и разумные; люди изобретательные, уравновешенные и мужественные; люди не увлекающиеся, беспристрастные; люди скромные, которыми руководит только чувство долга; люди, которые понимают опасность хитрости и признают значение ума, умерен-

ности, осторожности, терпения и такта. Насколько мне известно, вряд ли мы можем требовать, чтобы мелкий чиновник, дежурящий у телефона, обладал всеми этими редкими качествами.

VI

Постепенно дипломатический поток, проходя через различные каналы, менял свое русло. Вода как будто та же, остались те же притоки и те же задачи, только русло несколько переместилось. Желательно, чтобы внешняя политика великих держав проводилась профессиональными дипломатами. На дипломатов-любителей (к этому же заключению приходят и США) не всегда можно полагаться. Не только недостаток знаний и опыта может принести ущерб их правительствам: дипломат-любитель часто из-за тщеславия и краткости срока пребывания на посту гонится за быстрыми успехами, он подозрителен из-за недоверия к собственным силам, слишком усерден, склонен к «блестящим» идеям, не приобрел еще человеческой терпимости и снисходительного скептицизма, которые вырабатываются в результате продолжительной дипломатической службы, и часто подвергается влиянию убеждений, симпатий и даже случайных импульсов. Дипломат-любитель с понятным презрением относится к дипломатическим формальностям и с нетерпением взирает на эти условности; благодаря этому он часто наносит оскорбление там, где хотел только показать добродушие. В своих докладах и сообщениях он иногда старается не столько толково и точно изобразить факты, сколько показать свою сообразительность и литературные таланты.

Старого дипломата многие, начиная с Ла Брюйера и кончая Прустом, осмеивали и даже ругали. Его изображали то невероятным хитрецом, то впавшим в детство слабоумным старичком. Нужно признать, что профессиональный дипломат приобретает какую-то условную слащавость, которая подчас раздражает. Однако он с накоплением опыта приобретает также много ценных качеств, которые мы рассмотрим дальше.

Весьма существенным является то корпоративное чувство, которое вырабатывает дипломатическая служба. Подобно тому как ученые, филателисты и прочие специалисты, встречающиеся между собой, считают, что интересы их специальности стоят выше различий по национальности и языку, так и дипломатическая служба вырабатывает известного рода солидарность между дипломатами разных стран и устанавливает некоторые молчаливо признаваемые нормы, которым они все подчиняются. Человек, который провел всю свою жизнь на дипломатической службе своей страны, виделся со всеми дипломатами своего возраста или знает о них понаслышке. Может оказаться, что посол и министр иностранных дел встречались, когда они были молодыми атташе. Благодаря этому они могут судить об уме друг друга и иметь

доверие друг к другу, основываясь на длительном опыте, а не на простом инстинкте. В одних случаях мы имеем налицо полное взаимное доверие, в других каждая сторона, участвующая в переговорах, хорошо знает плохие качества другой.

Это еще не все. Как и в других профессиях, в дипломатии в конечном итоге человека ценят не за внешний блеск, а за его честность. Профессиональный дипломат, как и все другие люди, хочет, чтобы люди, которых он уважает, считали его честным человеком. Одним из преимуществ профессиональной дипломатии при прежней системе было то, что она вырабатывала признаваемую всей корпорацией оценку характера. Существовала своего рода биржа репутаций дипломатов. Было известно, что нельзя полностью доверять таким людям, как Бюлов, Эренталь, Извольский, а что Бетман-Гольвег, оба Камбона и Столыпин заслуживали доверия. С исчезновением профессиональных дипломатов исчезнет также возможность определять точно характер лиц, занимающих дипломатические посты. Не думаю, что это принесет пользу делу международных переговоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бьорке*—остров в Финском заливе. 24 июля 1905 г. близ него на царской яхте «Штандарт» состоялось свидание между Вильгельмом II и Николаем II. Вильгельму удалось убедить Николая в необходимости подписать договор о союзе между Германией и Россией. Была сделана оговорка, что содержание договора должно быть сообщено Франции, которая при этом должна быть приглашена присоединиться к договору, поскольку он был направлен против Англии. Вместе с тем он противоречил франко-русскому союзу, особенно тем, что проект его не был предварительно сообщен Франции. С русской стороны договор был скреплен подписью морского министра Бирилева, с германской стороны—чиновником министерства иностранных дел Чиршки. Отсутствие подписи русского министра иностранных дел делало этот договор формально недействительным. Царское министерство иностранных дел приложило затем немало усилий, чтобы ликвидировать этот договор, что в конце концов и было сделано. Договор этот впервые опубликован советским правительством в 1918 г.

[2] Речь идет о германской императрице Августе, находившейся в хороших отношениях с английской королевой Викторией; дочь Виктории была замужем за сыном Августы, германским наследным принцем Фридрихом. Никольсон переоценивает роль своей покойной королевы; на самом деле Бисмарк, готовивший в 1875 г. войну против Франции, был вынужден бить отбой главным образом под давлением не столько Англии, сколько России.

[3] *Мидленд-банк*—крупнейший английский банк; принадлежит к так называемой «большой пятерке» английских банков.

[4] *Компания Морган*—банкирский дом «Дж. П. Морган и К°» в США—одна из крупнейших финансовых организаций капиталистического мира. В сферу контроля и влияния этого банкирского предприятия входит более 300 компаний с активами в несколько десятков миллиардов долларов.

[5] *Парижская мирная конференция*, выработавшая Версальский мирный договор, открылась 18 января 1919 г. Хотя к участию в ней было допу-

щено по два представителя от пяти великих держав—Англии, Франции, США, Италии и Японии,—фактически все важнейшие вопросы решались на совещаниях Клемансо, Ллойд Джорджем и Вильсоном. Представители Японии, заинтересованные главным образом в дальневосточных делах, не проявляли большой активности, итальянские же делегаты даже одно время в виде протеста уходили с конференции. Конференция закончилась подписанием мирных договоров: Германией—28 июня 1919 г. в Версале, Австрией—10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене, Болгарией—27 ноября 1919 г. в Нейи, Венгрией—4 июня 1920 г. в Трианоне, Турцией—10 августа 1920 г. в Севре. Кроме того, 28 апреля 1919 г. конференция приняла устав Лиги наций.

[6] Под «европейским концертом» принято понимать сотрудничество (в теории) пяти великих европейских держав—Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, началу которому было положено после Венского конгресса 1815 г. К концу XIX в. «концерт» распался. На его месте появился сначала двойственный союз Германии и Австрии, к которым присоединилась Италия, а с другой стороны—франко-русский союз, с которым потом сблизилась Англия.

[7] О *мидлотианской избирательной кампании* см. *Гладстон* в указателе имен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Аксиомы, показывающие, что дипломатия—слуга народа.—Если бы эти аксиомы были ясно поняты, не возникли бы недоразумения в понимании тайной дипломатии.—Президент Вильсон и его «открытые заседания».—Различие между его теорией и практикой.—Обеспечение в 1919 г. на деле демократического контроля внешней политики.—Во-первых, статьей 18 устава Лиги.—Во-вторых, новой практикой ратификации.—Рассмотрение этой практики.—Ее достоинства и недостатки.—Основные опасности демократической дипломатии.—Безответственность суверенного народа.—Его невежество и безразличие к вопросам внешней политики.—Медлительность демократической дипломатии.—Ее неточность.—Влияние демократического контроля на практику дипломатии.—Вопросы гласности.—Дипломатия и пресса.—Ведение переговоров политическими деятелями.—Недостатки подобной практики.—Как демократической дипломатии правильно определить свои задачи.

I

Задача дипломатии—поддерживать связь между двумя суверенными государствами при помощи переговоров. Профессиональный дипломат—слуга верховной власти государства. В демократических странах верховная власть принадлежит большинству в парламенте, которое вручает исполнительную власть правительству или кабинету министров.

Быть может, Руссо говорит правильно, что «суверенный народ» в демократических странах пользуется своим суверенитетом только во время выборов, а затем, в течение, скажем, четырех лет, только часть суверенного народа (а именно парламентское большинство) в действительности управляет. Правда так же и то, что даже его управление и контроль не являются непосредственными, так как в промежутке между выборами не всегда сохраняется одно и то же парламентское большинство. Все это говорит за то, что в известном смысле выборное правительство является фикцией; однако нужно признать, что это одна из наиболее справедливых и удобных фикций, которую до сих пор человеческий мозг был в состоянии изобрести.

Предполагается, что чиновная машина, частью которой является дипломатическая служба, должна быть вне политики. Ее обязанность—предоставить свой опыт на службу правительству, находящемуся у власти, давать советы или возражать там, где это

необходимо. Однако если эти советы не принимаются во внимание министром, который является представителем суверенного народа, чиновники без дальнейших возражений обязаны выполнить его распоряжения.

При этой системе предполагается существование соглашения между правительством и чиновниками. Последние будут лояльно работать при всех законных правительствах независимо от их партийной принадлежности. Правительство в свою очередь будет доверять чиновникам независимо от их партийных симпатий.

Это тоже является своего рода фикцией. В Великобритании, где чиновничество—могущественная сила, это не представляет собой фикции. В других странах взаимоотношения между правительством и чиновничеством сложились не столь удачно.

Основная теория демократической дипломатии гласит: «Дипломат, являясь чиновником, подчиняется министру иностранных дел; министр иностранных дел как член кабинета подчиняется парламентскому большинству, а парламент—воле суверенного народа».

Если бы эти аксиомы были поняты и приняты в 1918 г., можно было бы избежать путаницы в мыслях и действиях. Она произошла не по вине дипломатов, они лишь выполняли распоряжения. Но широкая публика не поняла истинного значения стоящих перед ней проблем. Она пожелала, вполне справедливо, установить демократический контроль над тем, что́ она туманно называла дипломатией, но она не сумела отделить политику, которая является законным объектом контроля, от переговоров, которые контролю не подлежат.

Аномалии, возникшие благодаря смешению этих двух сторон вопроса, ярко проявились в той пропасти, которая образовалась между теориями президента Вильсона и его действиями. Вильсон был пророком открытой дипломатии и в первом из своих «Четырнадцати пунктов», которые он обнародовал 8 января 1918 г., он заявил, что в дальнейшем должны быть «открытые условия мира, достигнутые путем открытого обсуждения, после чего не будет каких бы то ни было тайных международных соглашений».

Менее чем год спустя Вильсон был призван вести переговоры о заключении одного из наиболее важных договоров, а именно Версальского договора. Этот договор не был тайным, так как его условия были опубликованы еще до того, как они были представлены на одобрение суверенной власти государств, подписавших договор. Но условия мира не были достигнуты путем открытого обсуждения. В действительности в истории человечества редко какие переговоры бывали окружены такой глубокой тайной.

Германия и ее союзники не были допущены к участию в переговорах; все мелкие государства не были оповещены о многих стадиях переговоров; пресса не получала никаких сведений о переговорах, за исключением кратких официальных сообщений.

В конце концов дело дошло до того, что президент Вильсон заперся в кабинете с Ллойд Джорджем и Клемансо, поставил часового с ружьем, который должен был преградить доступ экспертам, дипломатам, уполномоченным и даже членам американской делегации.

Я не утверждаю, что подобного рода тайна не была нужна. Я только отмечаю, что она была беспримерна. Это доказывает, что главный апостол открытой дипломатии нашел, когда теорию пришлось применить на практике, что открытые переговоры абсолютно неприемлемы. Это показывает всю ложность положения, в которое поставил себя президент Вильсон (даровитый и во многих отношениях благородный человек) тем, что в январе 1918 г. не смог предусмотреть глубокой разницы, существующей между «открытыми договорами» и «открытым» путем, которым они могут быть достигнуты, т. е. между политикой и переговорами.

II

Рядовой гражданин демократических стран разделял эти иллюзии. Он не заметил, что в результате Парижской конференции и договоров, которые были тогда заключены, а также в результате установившейся практики он достиг именно того, чего хотел, т. е. контроля над внешней политикой. Каким образом эта цель была достигнута?

До 1914 г. не все понимали, что даже в странах со старинными представительными учреждениями [парламентами] контроль над внешней политикой не находился в руках выбранных представителей народа. Условия франко-русского союза[1], например, не были известны ни русскому, ни французскому народам, хотя могли наступить условия, при которых эти народы обязаны были воевать или нарушить данное слово. Точный характер Тройственного союза[2] был скрыт от народов Германии, Австрии и Италии, хотя этот союз втянул Германию в войну. И даже такой убежденный либерал, как лорд Грей, не считал зазорным вступать в соглашение и давать обещания, о которых ничего не было известно не только стране или парламенту, но даже большинству кабинета.

Поняв, что таким образом они оказались связанными обязательствами без их на то согласия, демократии решили, что это не должно иметь места в будущем. Два важных шага были предприняты, чтобы помешать повторению подобного рода случаев. Но так как публика не разбиралась в понятиях «секретная дипломатия» и «открытое обсуждение», она не заметила, какую революцию эти два мероприятия произвели с точки зрения демократического контроля.

Первым мероприятием было условие, внесенное в статью 18 устава Лиги наций, а именно: «Каждый международный до-

говор, заключенный любым членом Лиги, должен быть зарегистрирован в секретариате Лиги и, по мере возможности, немедленно им опубликован. Ни один договор или международное обязательство не вступает в силу до момента регистрации».

Если бы все державы были членами Лиги наций или оставались таковыми, это условие положило бы конец всем тайным договорам и всей тайной внешней политике, которая могла бы втянуть народы в войну без их на то согласия. К несчастью, ряд стран не вошел в Лигу наций, а некоторые ушли из нее. Эти страны имеют право заключать между собой тайные договоры. Но народы стран, состоящих членами Лиги, имеют гарантию того, что любой тайный договор, заключенный их правительствами, не имеет законной силы до момента опубликования, и они, таким образом, ограждены от повторения ситуации, существовавшей в 1914 г.

Второй шаг, предпринятый для обеспечения демократического контроля над внешней политикой, это—изменение (однако только в демократических странах) прежней теории и практики ратификации. Под ратификацией понимается окончательное утверждение верховной властью страны договоров, заключенных ее представителями.

До 1918 г. ратификация была почти пустой формальностью. Правительство, имевшее в данное время большинство в парламенте, предоставляло своим послам или лицам, ведущим переговоры, полноту власти подписать тот или иной договор, снабдив их инструкциями о целях, которые должны быть достигнуты, об уступках, которые могут быть, если возникнет необходимость, сделаны. Если лицо, ведущее переговоры, честно выполнило инструкции, договор, который оно подписало, ратифицировался без каких-либо проволочек. Могли иногда возникнуть (как это имело место при обсуждении англо-русской конвенции 1907 г.[3]) дебаты и даже острая критика условий договора. Но во всех, по крайней мере европейских, странах правительство считало себя морально связанным подписями своих уполномоченных. Непризнание этой подписи, или, другими словами, отказ в ратификации, рассматривалось бы как вотум недоверия и вызвало бы отставку кабинета. Сверх того, до 1919 г. такие действия европейской державы рассматривались как отказ от принятых обязательств и нарушение принципов «европейского концерта».

Нужно отметить между прочим, что практика США всегда отличалась в этом вопросе. Согласно части 2 статьи II конституции, право ратификации предоставлено президенту с согласия сената, для чего необходимо, чтобы за ратификацию высказалось не менее двух третей его членов. Благодаря этому закону нередко случалось, что сенат отказывался ратифицировать договор или настаивал на включении различных поправок. Когда в 1807 г. сенат не ратифицировал Лондонского договора и потребовал внесения изменений в договор, Каннинг охарактеризовал дей-

ствия сената «как нечто необычное во взаимоотношениях между странами». Но сенат продолжал придерживаться этой необычной практики. Наиболее потрясающий пример этой теории—это отказ ратифицировать договор, который был заключен и подписан самим президентом. Я имею в виду Версальский договор.

Этот отказ произвел глубокое впечатление в Европе, и хотя он спутал все решения мирной конференции, он дал возможность остальным странам понять, что эта формальность—ратификация—может разрешить вопрос о демократическом контроле. В настоящее время ратификация каждого договора, заключенного демократическим правительством, не только формально, но и по существу зависит от одобрения большинства обеих палат парламента. Чтобы усилить значение этой меры, первое лейбористское правительство Великобритании установило правило, что любой договор, подлежащий ратификации, должен быть представлен парламенту по крайней мере за три недели до дня ратификации.

Хотя эти условия и являются исключительно важной защитой против тайных договоров и тайной политики и хотя они являются опорой демократического контроля, все же нельзя считать, что ныне действующая система окончательно разрешает вопрос. Она на деле очень неудобна и неэффективна. Ясно, что весь процесс переговоров будет усложнен, если лица, ведущие переговоры, не могут полностью гарантировать, что то, что они предлагают, или то, с чем они соглашаются, будет приемлемо для верховной власти страны, которую они представляют. В прежние времена перед европейской дипломатией лишь очень редко вставал подобного рода вопрос, и хотя новая практика представляет собой большой сдвиг в сторону открытых договоров, она в то же время сильно осложняет переговоры.

Искусство переговоров сильно страдает от того, что сторона, требующая от другой уступок, не может сама гарантировать, что ее обещания будут выполнены. Если демократическая дипломатия хочет быть такой же эффективной, как и предшествовавшие ей, то она в первую очередь должна найти выход из этого положения.

III

Кроме того, необходимо разрешить и другие проблемы. Каждая государственная система имеет свои достоинства и недостатки, которые оказывают влияние на внешнюю политику и на аппарат, при помощи которого эта политика выполняется. Признавая, с одной стороны, одним из главных достижений демократической дипломатии уничтожение гибельной системы тайных договоров, мы должны одновременно признать, что она создала ряд осложнений, которые мешают не только переговорам, но и дружбе между народами и устойчивости международных отношений.

Каким особым опасностям и затруднениям подвержена демократическая дипломатия в теории и на практике? Я начну с теории.

Всеми признано, что главная опасность демократической дипломатии заключается в безответственности суверенного народа. Я хочу этим сказать, что, хотя народ является высшей властью, которая контролирует в конце концов внешнюю политику, он не отдает себе отчета относительно ответственности, лежащей на нем.

В дни абсолютных монархий честь короля служила порукой выполнения договоров, подписанных и ратифицированных от его имени. Монархи не всегда чувствовали себя связанными принятыми обязательствами, но они по крайней мере сознавали (а Людовик XIV всегда сознавал), что они рискуют своим добрым именем, если не выполнят их. Когда политика перешла из рук монарха в руки правящего класса, сознание того, что выполнение обязательств, принятых правительством, является делом чести всего класса, осталось. Однако теперь, когда множество неизвестных и непонимающих избирателей контролирует внешнюю политику, чувство личной или корпоративной ответственности исчезло. Суверенный народ не сознает своих суверенных прав и не знает, что по его поручению эти договоры, которые он отказывается признать, были подписаны.

Эта безответственность поощряется некоторыми популярными газетами, которые способны поддерживать отказ от данных обещаний, не упомянув даже, что эти обещания были сделаны надлежащим образом избранным правительством и ратифицированы после тщательного обсуждения парламентом. Тот же самый владелец газеты, который был бы глубоко возмущен, если бы фирма, помещающая объявления или изготовляющая шрифт, отказалась выполнить контракт, готов проповедовать отказ от обязательств там, где это касается страны в целом. Если демократии начнут не признавать решений, принятых от их имени и скрепленных надлежащими представителями, то, конечно, рухнет фундамент, на котором построены международные соглашения, и наступит анархия.

Эта проблема тесно связана со второй опасностью демократической дипломатии, а именно с незнанием. Под незнанием я понимаю не незнакомство с фактами—обязанность правителей и экспертов представить избирателям важнейшие факты в удобопонимаемой форме. Неважно, знают ли избиратели, где Тешен[4] или какова производительность заводов Шкода[5], но важно то, что в своем подходе к международным вопросам демократии не всегда проявляют ту уравновешенность и здравый смысл, которые они применяют в делах внутренних.

Даже образованные избиратели находятся в неведении, какими договорами связана их родина. Эти договоры в свое время были опубликованы, дебатировались в парламенте, обсуждались пресс-

сой, но большинство избирателей понятия не имеет об их существовании, совершенно забыло их и, конечно, сразу начало бы кричать о тайной дипломатии, если бы эти договоры были приведены в действие. Только тогда, когда выполнение обязательств затрагивает вопросы исключительной важности, народ вспоминает или узнает об их существовании, и, когда уже поздно, суверенный народ требует отказа от обязательств, которые он сам одобрил.

Это еще не все. Обычный избиратель не только невежествен, ленив и забывчив там, где вопросы касаются международных обязательств, за которые он отвечает, но он не проявляет в отношении вопросов внешней политики той вдумчивости и понимания, которые он посвящает делам внутренним. Он не желает даже приложить усилий, чтобы постичь или попытаться понять элементарнейшие вопросы.

В Великобритании, например, рядовой избиратель еще не усвоил, что иностранные дела—по сути иностранные, т. е. то, что они затрагивают не только наши национальные интересы, но также и интересы других стран. Он думает, что внешняя политика строится таким же образом, как бюджет или любой закон, касающийся народного просвещения, т. е. что она подготовляется соответствующим министром, докладывается кабинету, одобряется парламентом и после этого передается для исполнения министерству иностранных дел. Благодаря этому ложному представлению он считает, что достаточно придумать внешнюю политику, соответствующую интересам Великобритании, чтобы эта политика была выполнена. Он игнорирует тот факт, что внешняя политика должна быть согласована с другими державами, тоже обладающими могущественным вооружением для защиты своих интересов и предубеждений.

Всю глубину этого невежества и усыпляющее действие плохо продуманных лозунгов прекрасно иллюстрируют два запроса, которые я сам получил. Первый гласил: «Почему правительство не заключает наступательного союза с США?» Второй: «Почему правительство не понимает, что страна стоит за коллективную безопасность и Лигу наций и что она никогда не согласится с вмешательством в европейские дела?» Глупость подобных запросов заставляет иногда отчаиваться в демократической дипломатии.

Еще более опасны, чем невежество, поверхностные знания. Профессиональный дипломат, потративший всю жизнь на изучение положения и психологии других стран, избегает делать обобщения на основании наспех собранных фактов. Избиратель поступает иначе. Поездка на лето в Далмацию[6], велосипедная прогулка по Шварцвальду[7], трехнедельное пребывание в Порто Фино[8] для него достаточны, чтобы вернуться с определенными взглядами о положении на Ближнем Востоке, о взаимоотношениях Гитлера с генштабом и о влиянии абиссинской авантюры на общественное мнение Италии. Так как его суждения построены на чувствах,

а не на разуме, они зависят от любой случайной встречи или разговора. Случилось как-то, что в Шафгаузене[9] нетерпеливый полицейский толкнул или ударил Эффи. Этот факт может превратить родителей Эффи в вечных врагов Германии. Три интересные довоенные марки, подаренные Артуру швейцаром отеля в Рагузе[10], могут убедить отца Артура, что сербы—самый добрый и любезный народ в мире. Небольшое столкновение со служащей театра в Париже может превратить англичанина в убежденного франкофоба. Даже такие случайности, как плохая погода или опоздание на поезд, могут навсегда определить точку зрения избирателя в международных делах.

IV

Третья опасность—это опасность промедления. Абсолютный монарх или диктатор может установить политику и выполнить ее в течение нескольких часов. Демократическое правительство должно ждать, пока общественное мнение освоится со своими собственными заключениями. Правда, эти выводы обычно более толковы и устойчивы, чем сумасбродные решения владык, но месяцы, которые тратятся на выяснение общественного мнения, часто являются роковыми в политике.

Большой промежуток между временем, когда высказались специалисты, и временем, когда дал согласие избиратель, является минусом для всех форм демократической дипломатии. Возьмем яркий пример. В январе 1919 г. специалисты-финансисты убедили Ллойд Джорджа, что получение с Германии таких крупных платежей, которые приведут к банкротству наших лучших покупателей и внесут замешательство во всю систему международных расчетов, повредит нашим интересам, но потребовалось 18 месяцев, чтобы избиратели Англии и палата общин пришли к такому же заключению. Французскому же общественному мнению для уразумения этого факта потребовалось пять лет. За это время мелкая буржуазия Германии была превращена в нищих и доведена до отчаяния, последствия чего мы с прискорбием наблюдаем теперь.

Четвертая опасность, которая подстерегает демократическую дипломатию, это—отсутствие точности. Неопределенность и расплывчатость демократической политики представляет собой ее самый большой недостаток. Дело не только в неопределенности, которая возникает в результате безответственного отношения суверенной демократии к принятым обязательствам, но в тенденции всех демократий (и особенно англо-саксонских) оказывать предпочтение неясным и успокоительным формулировкам перед точными и обязывающими. Эффективность дипломатии зависит от ее убедительности и уверенности, которую она внушает, но если политика уклоняется от обязательств, то и обслуживающая ее дипломатия будет неопределенной. В итоге часто бывает, что демократические правительства делают свои заявления по вопро-

сам политики туманным и двусмысленным языком и создают трудности, которых они хотели бы избежать.

Неточность—не единственное искушение, которому подвержен демократический государственный деятель или дипломат. Чтобы его политика пользовалась успехом у рядовых граждан, он готов подчеркнуть эмоциональную, драматическую и моральную сторону вопроса и скрыть практическую сторону. В некоторых крайних случаях это ведет к лицемерию. Защищая жизненные национальные интересы, он уверяет, что защищает какую-то абстрактную идею. Этому искушению легко поддаются британские государственные деятели.

V

Вышеперечисленные соображения касались, главным образом, изменений в дипломатической теории в результате демократического контроля внешней политики. Новые проблемы возникли и в дипломатической практике.

Первая проблема—это гласность, так как суверенная демократия должна быть в курсе дел. Печатным станком как союзником дипломатии пользовались еще во времена Свифта и Утрехтского мира[11]. Каннинг и Пальмерстон, как мы это уже видели, глубоко верили в просвещенное общественное мнение. Во второй половине XIX века велико было влияние газет типа «Times». Кавур в Италии и Бисмарк в Германии больше использовали газеты для тайной дипломатии, чем для явной. Бисмарк не гнушался сам фабриковать письма и статьи, которые должны были служить его политике.

В настоящее время дело обстоит иначе. В государствах недемократических пресса служит целям пропаганды. В демократических странах она употребляется для информации и воспитания. Однако удовлетворительное согласование прав и нужд печати с требованиями осторожности должно быть еще найдено. В Великобритании, где пресса обладает чувством ответственности и независимости, эта проблема не стоит остро. В других странах, где пресса может быть продажна и часто сенсационна, гласность оказалась не другом, а врагом разумной дипломатии.

В довоенной Европе вопрос о гласности разрешался дипломатами по-разному. Теперь, как и раньше на континенте, министр иностранных дел или министерство покровительствуют определенным газетам или агентствам. Они вежливо называются «инспирированной», а менее вежливо «рептильной» печатью. В Великобритании принято было делать довольно туманное различие между «ответственными» и «безответственными» газетами. К последней категории причислялись газеты и журналы, не слишком благожелательно относящиеся к правительству. С появлением демократической дипломатии система фаворитизма стала невозможной, и даже Даунинг-стрит организовал отдел печати.

Теперешняя британская система хотя и не идеальна, но работает удовлетворительно. Там, где речь идет о «новостях», лойяльно пытаются не делать различий между газетами. Что касается вопросов «руководства» общественным мнением, то ясно, что не все корреспонденты (независимо от того, работают ли они в правительственных или оппозиционных газетах) одинаково опытны, разумны и надежны. И неизбежно, что только лучшие пользуются большим доверием. Эта система не возбуждала серьезного недовольства.

Сложнее, чем вопрос о взаимоотношениях между прессой и министерством иностранных дел, стоит вопрос о впечатлении, которое свободная пресса производит на общественное мнение континента. Иностранные правительства не верят, что британская пресса не зависит от министерства иностранных дел. Если «Times» публикует статью, излагающую мнение, отличающееся от официального мнения, иностранные наблюдатели не верят, что редакция излагает свою точку зрения, а предполагают, что министерство иностранных дел пустило «пробный шар». Если какая-либо крупная газета нападает на правительство, иностранные наблюдатели считают, что это—попытка правительства «узнать общественное мнение». Эти ошибочные представления ведут к недоразумениям. С одной стороны, они побуждают иностранные правительства считать, что разногласия, существующие среди общественного мнения Великобритании, или колебания правительства более значительны, чем на самом деле, с другой—они считают министерство ответственным за все нападки на иностранные государства или на тех или иных государственных деятелей за границей, хотя министерство при всем своем желании ничего не могло сделать, чтобы эти нападки предотвратить.

Польза, приносимая свободной прессой, настолько велика по сравнению с вредом, что не следует пугаться этой проблемы демократической дипломатии. Это только очень незначительное неудобство.

Более опасно нововведение дипломатической практики, а именно тенденция демократических стран разрешать политическим деятелям принимать личное участие в переговорах. Ясно, бывают случаи, когда необходимо, чтобы министр иностранных дел или глава кабинета присутствовал на важных конференциях, однако не следует поощрять частые взаимные визиты министров иностранных дел. Такие визиты вызывают надежды у публики, ведут к недоразумениям и создают замешательство. Министры не всегда обладают достаточным временем, чтобы при визитах спокойно и терпеливо обсуждать возникшие вопросы. Те знаки почета, которые оказывают министру иностранных дел при его посещении иностранной столицы, могут утомить его, возбудить его тщеславие или спутать его. Желание не обидеть хозяина заставляет его иногда не подымать неудобные вопросы, быть неточным в отношении актуальных пунктов разногласий. Все это может привести к печальным результатам. Кроме того, не

всегда по возвращении он может добиться от кабинета одобрения всех своих действий и заявлений.

Подобного рода визиты очень ценятся политическими деятелями. Они называются «личным контактом». Но в действительности, как я уже сказал раньше, дипломатия состоит не в умении разговаривать, а в умении добиться точных, подлежащих ратификации, соглашений. В большинстве случаев поэтому лучше предоставить ведение переговоров профессиональному дипломату. Его посещения министерства иностранных дел того правительства, при котором он аккредитован, не вызывают надежд в стране, не ведут к нескромным комментариям прессы и в случае неудачи не вызывают разочарования в народе. Он располагает временем для регулярных визитов; он использует перерывы для посылки сообщений своему правительству, получения инструкций и для спокойного обдумывания переговоров. Ему не мешают церемонии и его не смущает излишняя вежливость. Сверх этого все стадии и результаты переговоров тщательно записываются.

VI

Таковы некоторые основные проблемы теории и практики, которых при демократии не сумела разрешить дипломатия. Я не хочу оставить у читателя впечатление, что я считаю демократическую дипломатию более неспособной или опасной, чем ей предшествовавшие. Наоборот, несмотря на всю ее беспорядочность, я ее предпочитаю любой другой системе. Но я считаю, что демократическая дипломатия еще не нашла формулы, определяющей ее деятельность.

Как найти эту формулу? Только путем длительного опыта мы можем надеяться приспособить этот исключительно важный инструмент к грубым пальцам избирателей. Но существует ряд принципов, о которых при этом приспособлении мы должны помнить.

Во-первых, важно, чтобы избиратели поняли разницу, о которой я так подробно говорил, между политикой и переговорами. Убедившись, что они защищены полностью от тайной политики, они не будут так сильно бояться воображаемых опасностей тайных переговоров.

Во-вторых, после того как будет установлено доверие между дипломатией и ее сувереном, важно усилить профессиональную сторону дипломатии и расширить ее базу. Может случиться, что в течение ближайших лет мы увидим на постах министров иностранных дел и глав кабинета людей, которые из-за недостатка опыта в вопросах внешней политики будут руководствоваться чувством. Важно, чтобы эти люди могли пользоваться услугами очень опытного штата, но этот штат должен быть демократизирован, и необходимо перестать смотреть на этот штат, как на заповедник крупной буржуазии.

В-третьих, нужно употребить все усилия, чтобы воспитать народ. Неважно, чтобы он знал все детали внешней политики, но важно, чтобы он понял общие, основанные на здравом смысле и опыте, принципы, которые были развиты поколениями способных и разумных людей и которым должны подчиняться взаимоотношения людей, пока будут существовать отдельные независимые государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Франко-русский союз* был заключен в 1891—1893 гг. в противовес Тройственному союзу (см. след. прим.). Стороны обязывались оказать взаимную поддержку в случае нападения Германии или Италии (поддержанной Германией) на Францию или нападения Германии или Австрии (поддержанной Германией) на Россию. Договор держался в секрете и был опубликован только советским правительством в 1918 г.

[2] *Тройственный союз*—союз Германии, Австрии и Италии. В 1879 г. был заключен союз между Германией и Австрией. В 1882 г. к нему присоединилась Италия. Он был возобновлен в 1887 г. и неоднократно возобновлялся вплоть до 1913 г. В 1915 г. Италия вышла из союза, вступив в войну на стороне Англии и Франции.

[3] *Англо-русское соглашение 1907 г.* состояло в разделе сфер влияния в Персии (Иран), превращало Афганистан в монопольную английскую сферу влияния, признавало сюзеренитет Китая над Тибетом и право английских коммерческих агентов сноситься непосредственно с Тибетом.

[4] *Тешен*—город и округ в Силезии. В средние века был предметом спора между чешскими и польскими королями. С XVII в. до 1918 г. входил в состав Австрии. В 1920 г. согласно плебисциту и арбитражу округ был поделен между Чехо-Словакией (промышленный район) и Польшей (земледельческий район и город Тешен). Весной 1939 г. весь округ был захвачен поляками.

[5] *Шкода*—акционерное общество предприятий военной, машиностроительной и металлургической промышленности. Выросло на базе крупнейшего производства многочисленных видов вооружения в Пильзене (бывшая Австро-Венгрия); основано в 1869 г. С образованием Чехо-Словакии значительная часть акций оказалась в руках французского военно-промышленного концерна Шнейдер—Крезо. Акционерному обществу Шкода принадлежали заводы не только в Чехо-Словакии, но и в Польше, Румынии и Югославии.

[6] *Далмация*—отличающееся красотой побережье северо-западной части Балканского полуострова; входит в состав Югославии.

[7] *Шварцвальд*—область горного массива в юго-западной Германии, покрытая густыми лесами. Курорты Шварцвальда привлекают многочисленных туристов.

[8] *Порто Фино*—небольшой живописный городок на берегу Генуэзского залива.

[9] *Шафгаузен*—швейцарский кантон, граничащий с Германией. Никольсон по недоразумению относит его к Германии.

[10] *Рагуза* (ныне Дубровник)—округ и портовый город в Далмации.

[11] *Утрехтский мир 1713 г.* закончил «войну за испанское наследство», т. е. за испанский престол, в которой участвовал ряд стран. Несмотря на то, что мир был выгоден Англии (она получила Гибралтар, французские колонии на берегу Гудзонова залива и др.), партия вигов (впоследствии либералы), отстаивавшая активную внешнюю политику, выступала с резкой критикой договора, который заключили тори (впоследствии консерваторы), стоявшие тогда у власти. Свифт (см. указатель имен) был тори.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИДЕАЛЬНЫЙ ДИПЛОМАТ

Принципы, которые, как показал опыт, обязательны для здоровой дипломатии, могут быть поняты, если мы рассмотрим качества, обязательные для идеального дипломата.—Каковы эти качества?—Некоторые из них устарели.—Другие еще необходимы.—Основа успешных переговоров—моральное воздействие, и это воздействие покоится на семи особых дипломатических добродетелях, а именно: 1) правдивости, 2) точности, 3) спокойствии, 4) ровном характере, 5) терпении, 6) скромности, 7) лойяльности.

I

Каковы общие принципы, основанные на здравом смысле и опыте, на которые я ссылался в конце предыдущей главы? Я думаю, что они легче всего могут быть изложены, если я в данной главе попытаюсь объяснить, какими моральными и интеллектуальными качествами должен обладать идеальный дипломат. Перечисляя эти качества в форме характеристики отдельных лиц, я не собирался заниматься зарисовками на манер Теофраста или Ла Брюйера. Я преследовал более практическую цель. Я хочу иллюстрировать этими качествами, какие правила и указания в течение веков выработала здоровая дипломатия. Я хочу также одновременно дать примеры критики, которые помогут изучающему дипломатию судить, что такое «хорошая дипломатия» и что такое «плохая дипломатия». Я одновременно надеюсь показать читателю, что искусство переговоров требует специальных качеств, которыми не всегда обладают обычные политические деятели или обычные люди.

Большинство писателей по вопросам теории дипломатии уделяет много места обсуждению качеств, необходимых лицу, ведущему переговоры, для успешного выполнения возложенной на него задачи. Все писатели сходятся на одном: посол, если он хочет добиться успеха, должен завоевать доверие и симпатии лиц, находящихся у власти в стране, в которой он аккредитован. Необходимо при этом принимать во внимание время и место действия. Человек, который мог бы оказаться блестящим послом в XVII веке, теперь вызвал бы только насмешки. Посол, который добился исключительных успехов в Тегеране, может оказаться неудачником в Вашингтоне. Эти различия ясны и не требуют

детального разъяснения. Прежде чем перейти к тому, что я называю неизменными качествами, необходимыми для лица, ведущего переговоры, интересно остановиться на тех качествах, которые когда-то считались необходимыми, а теперь считаются неподходящими.

В прекрасной статье о дипломатии, написанной профессором Алисоном Филлипсом для «Encyclopædia Britannica» [«Британской энциклопедии»], приводятся выдержки из старых руководств о качествах, необходимых дипломату. Например, Оттавиано Маджи в своей книге «О после», опубликованной в 1596 г., утверждал, что посол должен быть ученым теологом, хорошо знать Аристотеля и Платона и быть в состоянии разрешить любой самый отвлеченный вопрос по всем правилам диалектики. По его мнению, посол должен быть специалистом в математике, архитектуре, музыке, физике, гражданском и церковном праве. Он должен свободно говорить и писать по-латыни, знать греческий, испанский, французский, немецкий и турецкий языки. Он должен обладать классическим образованием, знать историю и географию, быть специалистом военного дела, а также знатоком поэзии. Кроме всего этого, он должен быть знатен, богат и иметь привлекательную наружность.

Иногда требовались совсем особые качества. Так, принцесса Цербстская, мать русской императрицы Екатерины II, в письме к Фридриху Великому рекомендовала назначить послом в Петербург красивого молодого человека хорошего сложения. Способность поглощать не пьянея громадное количество крепких напитков требовалась от послов, направляемых в Голландию или Германию.

Эти качества не считаются теперь необходимыми для кандидатов на дипломатическую службу. Можно даже сказать, что старая теория, согласно которой для определенного поста следует подбирать людей определенного типа, начинает пользоваться плохой славой и заменяется идеей, что человек, удачно действовавший в одной стране, в общем будет так же удачно действовать и в другой. Опыт показал, что в этой идее заключается большая доля истины: ум и характер дают одинаково хорошие результаты как в Варшаве, так и в Буэнос-Айресе. Говорят иногда, что министерство иностранных дел Великобритании слишком последовательно проводит эту идею и назначает людей, не считаясь ни с их индивидуальными особенностями, ни с особыми условиями отдельных стран. Подобного рода критика в общем не обоснована.

Интересно отметить, что на протяжении веков существовали разногласия по вопросу о том, какие качества более важны для дипломата: ум или характер, хитрость или честность. Даже некоторые современные дипломаты пытались оправдать дипломатическую ложь. Так, князь Бюлов утверждал, что Бетман-Гольвег должен был категорически отрицать, что когда-либо употребил несчастную фразу о «клочке бумаги». Граф Силасси

в своем трактате о дипломатии доказывал, что при определенных условиях «патриотично» говорить заведомую ложь. Эти лица не являются типичными представителями классической теории дипломатии. Граф Силасси был мелким дипломатом, а князь Бюлов—самым вредным государственным деятелем, которого когда-либо имела даже Германия. Общее мнение об искусстве переговоров явно предпочитает доверие обману, причем это просвещенное мнение не является продуктом последнего времени.

Мсье де Кальер, например, в 1716 г. опубликовал трактат под заглавием «О способе переговоров с государями, о дипломатических обычаях, о выборе послов и посланников и о личных качествах, необходимых для успеха при выполнении поручений за границей». Этот справочник, который служил учебником для дипломатов XVIII века, содержит много мудрых и верных правил, некоторые из которых я приведу в дальнейшем. Теперь я хочу дать одну выдержку, чтобы показать, что даже в те времена, когда Фридриху Великому было четыре года, бюловская теория дипломатии не пользовалась успехом у здравомыслящих людей.

«Хороший дипломат,—пишет де Кальер,—никогда не будет добиваться в переговорах успеха, основанного на лживых обещаниях или обмане; ошибочно предположение, которого придерживается общественное мнение, что хороший посол должен быть первоклассным мастером в искусстве обмана. Коварство в действительности является доказательством незначительности ума лица, которое к нему прибегает, и показывает, что это лицо недостаточно вооружено для того, чтобы добиться успеха честными и разумными методами. Вне всякого сомнения, в ряде случаев дипломаты успешно пускали в ход ложь, но все же честность в дипломатии, как и в других делах,—самая лучшая политика, а ложь всегда оставляет на своем пути капли яда... Даже наиболее блестящие дипломатические успехи, достигнутые обманом, покоятся на шатком основании. Они оставляют у побежденных чувство негодования, вызывают страстное желание мести и порождают возмущение, которое является вечным источником опасности.

Даже если бы обман не был противен сам по себе для каждого честного человека, лицо, ведущее переговоры, должно помнить, что ему, вероятно, до конца жизни придется заниматься дипломатической работой и что поэтому очень важно иметь репутацию прямого и честного человека, чтобы люди были готовы верить его слову».

II

Из вышеизложенного ясно, что даже в XVIII веке писавшие о собственном опыте считали моральную чистоту самым важным качеством из всех тех, которыми должен обладать хороший дипломат. Жюль Камбон, писавший более двухсот лет спустя после Кальера, был такого же мнения.

«Видно,—пишет он,—что моральное влияние—наиболее существенное качество дипломата. Он должен быть человеком кристальной честности, чтобы пользоваться безусловным доверием как того правительства, которое его послало, так и того правительства, при котором он аккредитован».

Если мы считаем, что ловкий дипломат может оказаться ненадежным дипломатом, а ненадежный дипломат должен оказаться

опасным неудачником, то мы должны рассмотреть, какие особые добродетели обеспечивают моральное влияние, которым должен обладать идеальный дипломат.

Первая добродетель—это правдивость. Под правдивостью понимается не только воздержание от сознательной лжи, но самая тщательная забота избегать намека на ложь или сокрытие истины. Хороший дипломат должен стараться не оставлять неправильного впечатления у тех, с кем он ведет переговоры. Если он несознательно ввел в заблуждение министра, с которым он ведет переговоры, или если последующие сведения противоречат тем, которые он сообщил, он немедленно должен исправить возникшее недоразумение, несмотря на временную выгоду, которую он может получить, если не исправит его. Даже при очень низком уровне переговоров исправление неправильной информации увеличивает доверие как в настоящем, так и в будущем.

Ни на одну секунду лицо, ведущее переговоры, не должно соглашаться с Макиавелли, что бесчестность других оправдывает его собственную бесчестность. Барон Соннино, итальянский министр иностранных дел в 1918 г., велел выгравировать над камином своего кабинета следующее изречение: «Aliis licet: tibi non licet» («Другим можно—тебе нельзя»). Это изречение должны твердо помнить все дипломаты.

Подобное правило применимо также и в тех случаях, когда имеешь дело с тонкостью восточного ума. Известный британский дипломат, долго работавший на Ближнем и Дальнем Востоке, имел обыкновение давать следующий совет молодым дипломатам, назначенным в восточные столицы: «Не теряйте времени на попытки раскрыть, что таится в мыслях людей Востока: быть может, там ничего и не скрывается. Сосредоточьте свое внимание на том, чтобы у них не оставалось никаких подозрений насчет того, что вы имеете какие-либо задние мысли».

Принцип, что правдивость необходима для успешности дипломатии, как я уже раньше сказал, не является новым открытием. Я уже указывал на лорда Малмсбери, как на представителя старой дипломатии, и описал его методы. Но даже лорд Малмсбери убедился на опыте, что коварство невыгодно. В письме к лорду Кемдену в 1813 г. в ответ на вопрос о том, как должен держать себя дипломат, он выразился следующим образом:

> «Излишне говорить, что никакое обстоятельство, ни вызов, ни желание опровергнуть несправедливое обвинение, ни мысль, несмотря на всю ее заманчивость, добиться цели, которую вы имеете в виду, не нуждаются во лжи и не оправдывают ее. Успех, достигнутый при помощи лжи, случаен и непрочен. Раскрытие лжи не только погубит навсегда вашу репутацию, но глубоко поразит честь вашего двора. Если, как это часто бывает, хитрый министр неожиданно задал вам нескромный вопрос, требующий точного ответа, уклонитесь от ответа, указав на нескромность вопроса, или вместо ответа взгляните на собеседника сердито. Никогда категорически не опровергайте верных заявлений и не подтверждайте ложных и опасных».

III

Если правдивость—первая добродетель идеального дипломата, то точность—вторая. Под этим понимается не только точность мышления, но и моральная точность. Лицо, ведущее переговоры, должно обладать точным умом и добросовестностью.

Профессиональный дипломат приучен с самого начала своей служебной карьеры к точности. Дипломат-любитель может проявить неряшливость. Известно, что даже политические деятели, даже министры забывали, что дипломатия, как уже указывает само название,—искусство письменное, а не устное, и что пути истории усеяны памятниками мира, которые или остались незаконченными или развалились по окончании только из-за того, что их основание было построено на песках устного недоразумения. Бьорке [1], Бухлау [2], Туари [3], Стреза [4], Мюнхен [5]—вот те разрушенные храмы, которые должны служить предостережением для всех молодых дипломатов.

Профессиональные дипломаты, как правило, не так подвержены неточности. Посол почти всегда получает инструкции в письменном виде; представления иностранному правительству он делает или при помощи тщательно составленной ноты или в личной беседе, в последнем случае он немедленно по возвращении посылает запись разговора своему правительству.

Кроме того, согласно установившемуся обычаю, если посол собирается сделать иностранному правительству важное сообщение, он должен принести с собой краткий конспект, или aide-mémoire [памятную записку], с изложением того, что он должен передать. Он может прочесть этот меморандум министру и даже оставить его копию. В свою очередь, если посол получает от министра, с которым он ведет переговоры, какое-либо важное устное сообщение, то посол проявит разумную предосторожность, если покажет министру свою версию разговора, прежде чем официально сообщит ее своему правительству. Непринятие подобного рода предосторожности вело к печальным инцидентам в прошлом. Классическим примером таких недоразумений является отказ Гизо в 1848 г. от обещаний, данных устно лорду Норманби (тогдашнему английскому послу в Париже), о которых последний сообщил в донесениях в Лондон. Гизо утверждал, что лорд Норманби совершенно исказил его слова и что он никогда не давал обещаний, которые ему приписали. Он резонно добавил, что доклад о разговоре, отправленный послом своему правительству, можно рассматривать как достоверный и обязательный документ только в том случае, если он был представлен на рассмотрение лица, заявление которого он излагает.

Хотя профессиональный дипломат редко бывает повинен в том, что я называю интеллектуальной неточностью, склонность к тому, что я называю моральной неточностью, постоянна и велика.

Моральная неточность принимает различные формы. Опытный дипломат хорошо знает, что человеческие действия зависят от случайных событий и что предсказывать всегда опасно. Он поэтому подвергается искушению или вообще избегать делать какие-либо прогнозы или в крайнем случае изрекать свои предсказания в стиле дельфийских оракулов[6]. Дух, а равно изобретательность Сивиллы[7] слишком часто служат примером, которому подражает старательный дипломат. Он предпочитает перестраховаться, хотя он вполне прав, что избегает всякого рода необдуманных предсказаний. Дипломат, однако, не должен колебаться ставить в известность правительство о направлении, которое, по его мнению, примут в дальнейшем местные события. Донесения, содержащие двусмысленные прогнозы, могут дать возможность послу выставлять свое предвидение, но они не приносят большой пользы ни правительству, ни репутации посла. Слишком часто послы настолько боятся быть обвиненными в неправильной оценке положения, что они вообще избегают давать какую-либо оценку. Уклоняясь от ответственности, они тем самым не выполняют одной из важнейших обязанностей дипломата.

Если эта моральная неточность проявляется во взаимоотношениях посла с правительством, при котором он аккредитован, то этим может быть причинен серьезный ущерб делу. Посол вполне справедливо старается поддерживать хорошие отношения с властями, с которыми ему приходится иметь дело. Иногда это стремление становится чрезмерным. Нередко бывает, что дипломат, получив инструкцию от своего правительства сделать сообщение, которое, как он знает, вызовет раздражение и огорчение, так смягчает полученные инструкции, что дает неправильное и слабое представление о преследуемых этими инструкциями целях.

Если он даже достаточно лоялен и добросовестен, чтобы выполнить точно букву инструкции, у него часто возникает соблазн, для того чтобы не нанести оскорбления, сопровождать передачу полученных инструкций такой интонацией или такими жестами, которые давали бы понять, что он лично не согласен с представлениями, которые ему поручено сделать. Об этих соблазнах и сопровождающих их симптомах будет сказано в разделе «лояльность».

IV

Третье качество, необходимое идеальному дипломату, это — спокойствие. Лицо, ведущее переговоры, не только не должно показывать свое раздражение при столкновении с глупостью, бесчестностью, жестокостью или самомнением тех, с кем на него падает печальная обязанность вести переговоры, но он должен отречься от какой-либо личной враждебности, личного предрасположения, от энтузиазма, предрассудков, тщеславия, преувеличений, театральности и морального негодования. Известная эпиграм-

ма Талейрана, когда его попросили дать совет молодому дипломату, гласила: «Et surtout pas trop de zèle» [«Главным образом поменьше усердия»]. «Прежде всего не приходите в возбуждение от вашей работы». Этот совет могли бы повторить все опытные дипломаты.

Выдержка, свойственная идеальному дипломату, может подорвать его популярность среди друзей. И в самом деле, манеры, свойственные вышколенному дипломату, как то: нерешительные суждения, скептическая терпимость, бесстрастное отношение ко всему, часто заставляют посторонних наблюдателей считать его гордецом, лентяем, дураком или больным.

Спокойствие идеального дипломата должно проявляться, главным образом, в следующем: во-первых, он должен быть в хорошем настроении или по крайней мере уметь подавлять свое плохое настроение, во-вторых, он должен быть исключительно терпелив.

Случаи, когда дипломаты теряли терпение, вспоминаются с ужасом поколениями их преемников. Наполеон потерял терпение во время переговоров с Меттернихом во дворце Марколини в Дрездене 26 июня 1813 г. и швырнул свою треуголку на пол,— результаты были очень печальны. Сэр Чарльз-Юэн Смит потерял терпение при переговорах с марокканским султаном и в присутствии последнего разорвал договор. Граф Таттенбах потерял терпение на Алхесирасской конференции[8] и подверг свою страну тяжелому дипломатическому унижению. Господин Стиннес потерял терпение в Спа[9].

Терпение и настойчивость очень важны для успеха переговоров. Поль Камбон, один из наиболее удачливых дипломатов современности и французский посол в Лондоне в течение 20 лет, был нередко терпелив. Он прибыл в Англию в те времена, когда англо-французские отношения были напряжены до крайности и находились почти под угрозой разрыва. Когда он оставил Англию, мы были союзниками. В течение всех этих 20 лет Поль Камбон выжидал. Стремящийся к примирению, неизменно скромный, исключительно лояльный, он всегда был готов действовать. Его исключительная способность выбирать подходящий момент, его тонкое понимание обстановки, достоинство его манер сделали его к 1914 г. человеком всеми уважаемым и пользующимся всеобщим доверием. Подобное терпение не всегда проявлялось послами других наций, которые желали достигнуть быстрых успехов и скорее вернуться домой с блестящими результатами. Слишком часто эти нетерпеливые послы запугивали британского бульдога и заставляли его отказываться от сделанных ему заманчивых предложений.

Брат Поля Камбона, Жюль Камбон, посол в Берлине, в своем увлекательном труде «Дипломат» считает терпение одной из первых добродетелей дипломата. «Терпение,—пишет он,—необходимое качество для успеха переговоров. Иногда ветер дует в про-

тивоположную сторону, и приходится лавировать, чтобы добраться до гавани». В качестве примера терпения и настойчивости он приводит свои довоенные переговоры с Кидерлен-Вехтером.

V

Желательно, чтобы дипломат был правдив, точен, спокоен, терпелив, всегда одинаково настроен, но чтобы быть идеальным, он должен быть также скромен. Трудно преувеличить опасность тщеславия для дипломата. Тщеславие может побудить его не считаться с советами и мнениями людей, обладающих бо́льшим опытом и лучше, чем он, знающих страну и тот или иной вопрос. Оно делает его легко уязвимым для лести́ или нападения лиц, с которыми он ведет переговоры. Тщеславие способствует выработке слишком субъективных взглядов на характер и задачи дипломата и иногда даже заставляет предпочитать яркий, но нежелательный успех не бросающемуся в глаза, но более осторожному компромиссу. Оно побуждает его хвастать победами и этим вызывает ненависть побежденных. Тщеславие может даже помешать ему в критический момент сознаться своему правительству, что его предсказания или информация были неверны. Тщеславие приводит к тому, что он вызывает ненужные трения в незначительных вопросах, касающихся положения в светском обществе. Оно может заставить его оскорблять своим чванством, снобизмом или вульгарностью. Тщеславие—корень неосторожных поступков и бестактности. Оно толкает страдающих этим недостатком к проявлению краснобайства и к большим дипломатическим порокам—иронии, эпиграммам, необоснованным обвинениям и колким ответам. Оно заставляет посла не сознаваться даже самому себе, что он не настолько владеет турецким, персидским, китайским и русским языками, чтобы в важных вопросах обходиться без переводчика. Тщеславие может породить опасную иллюзию, свойственную часто профессиональным дипломатам, что его пост—это центр дипломатической вселенной и что министерство иностранных дел только из-за слепоты и упрямства не следует его советам. Оно может подвести его, заставляя отзываться перед посетившими его политическими деятелями или журналистами вероломно и лукаво о своем министре иностранных дел. Тщеславие может породить и прочие недостатки—неточность, легкую возбудимость, нетерпение и даже лживость. Из всех недостатков дипломатов, а их много, тщеславие—наиболее распространенный и наиболее вредный недостаток.

Среди несчастий, к которым приводит тщеславие, есть одно, особенно влияющее на практику переговоров, это—самодовольство. Оно ведет к потере гибкости и проницательности.

Дипломаты, особенно те из них, которые выходятся на незначительных постах и выше не пойдут, переходят постепенно от обычного человеческого тщеславия к преувеличенному сознанию

своей особой важности. Весь уклад жизни дипломата—церемонии, придворные приемы, просторные особняки, лакеи и еда—приводят к растущему склерозированию личности. Такие люди к старости приобретают склонность к замедленным движениям и речи, а также замедленному соображению, что придает им напыщенный вид. Де Норпуа[10], правда, не является обычным типом современного дипломата. Если неправильно смотреть на него, как на образец, следует видеть в нем предостережение.

Если это склерозирование поражает не очень талантливого дипломата, оно лишает его способности приспособляться. Он больше не реагирует с прежней эластичностью на явления, которые он порицает, или на идеи, с которыми он мало знаком. Этот недостаток—удел тех, кто без борьбы поддается действию приближающейся старости. Но у дипломата это вызывает настоящее уменьшение дееспособности, так как способность приспособляться или ставить себя в положение другого имеет большое значение для успеха переговоров.

Разрешите еще раз процитировать Кальера:

«Для лица, ведущего переговоры, важно быть в состоянии отрешиться от собственного мнения, чтобы поставить себя в положение государя, с которым он ведет переговоры. Он должен быть в состоянии перевоплотиться в него и понять его взгляды и склонности. Он должен спросить себя: „Если бы я был на месте государя, обладал его властью и находился под влиянием его предрассудков и страстей, какое бы воздействие оказали на меня мои доводы?“»

Потеря способности приспособляться сопровождается потерей воображения. Для молодого дипломата воображение часто ловушка. «Pas de fantaisie» [«Не фантазировать»]—был совет, к слову сказать, не принесший плодов, который старший Бюлов дал своему более прославившемуся сыну. Однако если старый дипломат теряет дар воображения, он превращается в нагруженное судно без парусов. Он перестает реагировать на новые ветры, дующие с его родины, и даже на штормы, которые могут внезапно возникнуть в стране его пребывания. Он становится настолько самодовольным, что перестает интересоваться психологией других. А так как психологическая подвижность—один из наиболее важных факторов в переговорах, инертный дипломат становится бесполезным.

Разрешите закончить эту главу седьмой великой добродетелью идеального дипломата—лояльностью.

Профессиональный дипломат находится под воздействием разных, подчас противоречивых, обязательств лояльности. Он должен быть лоялен в отношении своего повелителя, правительства, министра и министерства, своих сотрудников, до известной степени в отношении дипломатического корпуса столицы пребывания. Он должен быть лоялен по отношению к британской колонии и ее коммерческим интересам. Он обязан сохранить особый

вид лойяльности в отношении правительства, при котором он аккредитован, и министра, с которым он ведет переговоры.

Среди дипломатов, проживших долго за границей и быть может потерявших контакт с родным народом и со своим министерством иностранных дел, замечается тенденция, при которой их лойяльность приобретает весьма туманные очертания. Некоторые из них способны настолько сентиментально полюбить страну своего пребывания, что перестают замечать ее недостатки, другие начинают ненавидеть ее с такой силой, что становятся нечувствительными к ее достоинствам. Между ними могут оказаться такие, которые, полагая, что функции посла—это создавать «хорошие отношения» с иностранными правительствами, смешивают цель со средствами и рассматривают «хорошие отношения» не как часть своих функций, а как единственную цель своей деятельности. Сосредоточение всего внимания на задачах только своей миссии может заставить забыть, что его страна имеет посольства еще и в других столицах и что единственно центральный авторитетный орган—министерство иностранных дел—обладает всеми источниками информации и может правильно взвесить дипломатическое положение в одной стране по сравнению с другими странами. Личная антипатия в отношении тех или иных иностранных коллег может помешать готовности совместной работы с этими коллегами даже тогда, когда сотрудничество диктуется политикой стран, которые они представляют. Старые традиции, даже прежние столкновения могут сделать для него трудным честное выполнение новой политики, проводимой министром иностранных дел. Иногда трения с собственным штатом могут отвлечь внимание посла от более серьезных дел посольства.

Против всех этих ядов, которыми может быть отравлен посол, имеется прекрасное противоядие. Это противоядие—полная лойяльность в отношении правительства, которому он служит.

Я уже ранее указал, как легко дипломату, который не согласен с политикой своего правительства, показать свое несогласие без того, чтобы нарушить букву инструкций. Если он сопровождает свои слова ужимками, то он совершает преступление против своего правительства.

Более тонкое и бессознательное предательство может заключаться в докладах, которые дипломат посылает. Уже Кальер предупреждал дипломатов против искушения говорить правительству то, что оно желало бы слышать, а не то, что ему следовало бы знать. Наиболее почтенные послы поддаются этому искушению, не понимая, что, поступая таким образом, они совершают акт предательства в отношении своего правительства, которому они должны говорить правду, как бы горька она ни была.

Однако для дипломата, находящегося за границей, часто соблазнительно, не уклоняясь от правды, выдвигать вперед благоприятные факты. Он знает, что его доклады попадут на Даунинг-

стрит[11] или Кэ д'Орсе[12] одновременно с докладами из других столиц. Он знает, что чиновники, которые должны читать и размечать донесения, обременены работой и заботами. Он знает, что утешительные известия (такова человеческая природа) вызывают чувство удовольствия, а тревожные—неудовольствия. Измученный чиновник, который получает одновременно шесть докладов из шести стран, неизбежно огорчается по поводу обвинений министерства в инертности или по поводу предсказаний каких-либо грядущих бедствий. Он с облегчением переходит от доклада сэра X (который пишет: «Если вы не предпримете немедленных шагов, последует ужасная катастрофа») к докладу сэра Y (который гласит: «Благодаря настойчивости и предусмотрительности правительства его величества удалось полностью овладеть положением. Вы можете теперь все предоставить мне, я не нуждаюсь в дальнейших инструкциях»).

Измученный чиновник непременно придет к выводу, что сэр X «сварлив и выжил из ума», а на сэра Y можно вполне положиться. Обо всем этом Франсуа Кальер предупреждал еще в 1716 г.

Вот каковы качества моего идеального дипломата: правдивость, аккуратность, спокойствие, терпение, хороший характер, скромность, лойяльность. Это также и качества идеальной дипломатии.

Но читатель может возразить: «Вы забыли назвать ум, знания, наблюдательность, осторожность, гостеприимство, очарование, прилежание, мужество и такт». Я не забыл о них, я считал, что эти качества сами собой разумеются.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бьорке*—см. прим. 1 к гл. III, стр. 53.

[2] В *Бухлау* (замок в бывшей Австро-Венгрии) в сентябре 1908 г. австро-венгерским министром иностранных дел Эренталем и русским министром иностранных дел Извольским было заключено устное соглашение о возможной аннексии турецких провинций Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией взамен получения Россией права свободного прохода военных судов через проливы. Не дожидаясь, пока Извольский обсудит с другими державами вопрос о проливах и получит их согласие, Эренталь быстро провел аннексию.

[3] *Туари.* После вступления Германии в Лигу наций французский министр иностранных дел Бриан и министр иностранных дел Германии Штреземан встретились 17 сентября 1926 г. за завтраком во французской деревне Туари, расположенной недалеко от Женевы. Они пытались договориться по всем вопросам, стоявшим между Францией и Германией (очищение Рейнской области, плебисцит в Саарской области и др.). Наметившееся соглашение не дало никаких положительных результатов не потому, как это думает Никольсон, что оно было неточно сформулировано, а потому, что не учитывало действительного соотношения сил, особенно позиции Англии, которая не хотела допустить соглашения между Францией и Германией без участия Англии.

[4] *Стреза*—город в Италии, в котором состоялась 11—15 марта 1935 г. конференция представителей Англии, Франции и Италии, обсуждавшая

вопрос о германских вооружениях, о которых было объявлено германским правительством 8 марта 1935 г. Конференция выразила «сожаление» по поводу этих вооружений и решила предложить Лиге наций осудить эти вооружения Германии.

[5] *Мюнхенское соглашение* 29 сентября 1938 г. между Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье за счет Чехо-Словакии. К нему была добавлена 30 сентября германо-английская декларация об основах дружбы между этими странами. Этой основой должны были явиться мюнхенская политика уступок со стороны Англии и признание морского превосходства Англии со стороны Германии, выраженное в германо-английском морском соглашении 1935 г. Здесь, как и в предыдущих примерах, дело не в неточностях формулировок, а в политике участников соглашения. Первоначальный смысл этого соглашения был гениально разоблачен товарищем Сталиным как заговор империалистических держав, направленный к тому, чтобы втянуть Советский Союз в войну.

[6] *Оракул*—латинское название древнегреческого «мантейон», что означает ответ богов, а также место, где даются эти ответы вопрошающим. Среди оракулов, существовавших у всех народов древности, особенно известен имевшийся в Дельфах (Греция), где прорицательница-пифия изрекала бессвязные слова, на основании которых жрец составлял предсказания по самым разнообразным вопросам, вплоть до вопроса об объявлении войны и т. п.

[7] *Сивилла*—легендарная предсказательница, местопребывание которой оспаривалось разными городами древнего мира. По так называемым «книгам Сивиллы», игравшим роль оракула, гадали в древнем Риме, открывая наугад отдельные места этих книг.

[8] *Алхесирасская конференция*—конференция ряда держав, состоявшаяся в 1906 г. в г. Алхесирасе, на юге Испании, для разрешения вопросов, связанных с борьбой за Марокко. Германия добилась на конференции признания равенства положения всех держав в Марокко. Конференция происходила в напряженной атмосфере и длилась более трех месяцев. Договор, выработанный в Алхесирасе, послужил лишь исходным пунктом для дальнейших столкновений.

[9] *Спа*—курорт в Бельгии. Здесь 5—16 июля 1920 г. происходила конференция представителей союзных держав и Германии; на конференции обсуждались вопросы о репарациях и разоружении Германии.

[10] См. *Пруст* в указателе имен.

[11] *Даунинг-стрит*—улица в Лондоне, на которой находится министерство иностранных дел (Форейн оффис) и некоторые другие правительственные учреждения.

[12] *Кэ д'Орсе*—набережная реки Сены в Париже, на этой набережной находится министерство иностранных дел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТИПЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Примитивность английских и американских политиков.—Американская дипломатия.—Английская дипломатия.—Отражение политики.—Основы британской политики.—Докладная записка Эйр Кроу.—Равновесие сил.—Некоторые черты британской политики.—Как они влияют на британскую дипломатию?—Достоинства и пороки британской дипломатии.—Критика иностранных наблюдателей.—Связь между осторожностью и робостью.—Немецкая политическая теория.—От Фихте до Гитлера.—Культ государства и мистическая вера в силу как средство объединения.—Влияние этой теории на дипломатическую практику.—Дипломатия неожиданности.—Страх и примирение.—Французская политика и дипломатия.—Недостатки французской системы.—Отсутствие гибкости и нетерпимость. — Итальянская концепция подвижности. — Итальянские методы. — Дипломатия великих держав и дипломатия малых держав.

I

В предыдущих главах я подчеркнул последовательность дипломатической практики и теории и пытался показать, что существуют определенные нормы в ведении переговоров, которые являются общепринятыми и постоянными. Кроме этих всеобщих норм, существует значительная разница в теории и практике великих держав. Эта разница произошла из-за различия в национальном характере, в традициях и нуждах. Таким образом, можно назвать несколько типов, или видов, дипломатии и важно уметь различать эти типы. Все дипломаты (профессионалы не менее любителей) склонны предполагать, что их взгляды на искусство переговоров разделяются иностранцами, с которыми они договариваются. Это заблуждение ведет к недоразумениям.

Можно заметить между прочим, что английские политические деятели особенно склонны к такого рода иллюзиям. Во внутриполитических спорах они так привыкли призывать к справедливости и решать вопросы путем компромиссов, что они не могут предположить, что иностранные переговорщики не всегда следуют по этому пути. Тем, кто работал с сэром Эдуардом Греем, например, было всегда трудно убедить его, что посол какого-нибудь балканского государства не унаследовал тех же традиций и принципов, что и он: сэр Эдуард Грей был склонен смотреть на них, как на старых уайкегамцев или старых мальборианцев[1]. И если события принуждали его изменить свое мнение, он чувствовал себя

бесчестно обманутым и смотрел на иностранного политического деятеля, который не оправдал его надежд, с бесконечным презрением.

Американцы, наоборот, уверены, что все дипломаты только и ждут того, чтобы перехитрить, запутать и унизить всех тех, с кем они ведут переговоры. Они вступают на конференцию, как Даниил в клетку львов[2], думая, что только непоколебимая вера и невинность могут их спасти от когтей диких зверей, которые их окружают. Действительно странно: в то время как американский деловой человек ведет переговоры с иностранными деловыми людьми с почти беззаботной самоуверенностью, американский дипломат в присутствии европейских дипломатов бывает подавлен сомнениями и недоверием. Эти ошибки английского оптимизма и американского пессимизма могли бы быть исправлены, если бы разница в методах и приемах дипломатии различных стран была ясно понята и признана.

В настоящей главе я намерен рассмотреть различия в теории и практике английской, французской, немецкой и итальянской дипломатии. Я должен был бы распространить свой разбор на дипломатию малых держав и на восточную дипломатию, но мне кажется, что четыре основных типа, которые я выбрал, будут вполне достаточны для иллюстрации различий, которые я желаю подчеркнуть.

Я не буду рассматривать дипломатию США, так как профессиональная дипломатическая служба там только появилась и так как она еще не имела времени разработать свою собственную технику. В прошлом репутация американской дипломатической службы сильно страдала из-за политических назначений при системе «добыча—победителю»[3]. Слишком часто случалось, что политический приверженец, получивший в награду за помощь посольство или миссию, был более заинтересован в сохранении своей популярности в родном городе, чем заботой о правах и интересах своей страны. Столицы Европы и Латинской Америки гудели по поводу нескромности этих дипломатов-любителей, и их выходки имели очень вредное влияние. Теперь, когда американский народ увидел, что необходима профессиональная дипломатия, мы можем быть уверены, что в скором будущем дипломатия США станет одной из лучших в мире. Мои собственные соприкосновения с американскими дипломатами всегда были приятны. Они оказывались людьми рассудительными, находчивыми, хорошо осведомленными, точными и чрезвычайно надежными. Так же как и английских дипломатов, их стесняет то, что они должны принимать во внимание настроения своего народа. Я не завидую американским дипломатам, тому, что они должны постоянно считаться с подозрительным и почти совершенно невежественным наблюдением сенатских комиссий, но их идеалы те же, что и английские идеалы, только более просты и менее отчеканены.

И их методы будут, несомненно, те же, которые в течение веков были одобрены гуманными и здравомыслящими людьми.

Теперь я перейду к различиям, которые можно наблюдать в теории и практике великих европейских держав. Как я уже заметил, эти различия возникли из-за своеобразия в национальных традициях, характере и нуждах. Эти же факторы определяют политику, а политика в свою очередь определяет дипломатические методы. Можно утверждать, что не могут существовать различные и отчетливо разграниченные типы дипломатии и типы политики. На самом деле, можно отличить некоторые постоянные характерные черты в искусстве переговоров, практикуемых великими державами, и именно эти характерные черты я намерен рассмотреть в настоящей главе.

II

Иностранные наблюдатели смотрят на британскую дипломатию с удивлением, а иногда одновременно с негодованием и восхищением. Они видят, что, с одной стороны, английские профессиональные дипломаты не проявляют большой инициативы, не стараются подчеркнуть блеск своего ума и по всей видимости несообразительны, замкнуты, вялы и медлительны. С другой стороны, они не могут не признать, что английский дипломат исключительно хорошо осведомлен, что ему удается завоевать и сохранить доверие иностранных правительств, что он невозмутим во время кризиса и почти всегда имеет успех.

Иностранные критики пытаются объяснить это противоречие различными фантастическими теориями. Иногда они утверждают, что британский дипломат дьявольски хитер и под маской солидной благопристойности скрывает быстрый и вероломный ум. Иной раз они вдаются в другую крайность и объясняют успехи британской дипломатии теми вечными этическими идеалами, на которых она основана. В других случаях, и с большим основанием, они объясняют несоответствие между видимой неспособностью англичан и их несомненным успехом тем, что всякая дипломатия, поддерживаемая колоссальной потенциальной силой, неминуемо должна быть удачной. И, наконец, бывают моменты прозрения, когда они признают, что искусство переговоров в сущности своей является торговым искусством и что успехи британской дипломатии объяснимы тем фактом, что она покоится на принципах честной торговли, на умеренности, справедливости, разумности, взаимном доверии, сговорчивости и на недоверии ко всяким неожиданностям и сенсационным крайностям.

В основном британская дипломатия является лишь выражением в форме международных сношений тех принципов политики, которые благодаря истории, географическому положению, имперским обязательствам, либеральным учреждениям и национальному

характеру в течение веков больше всего подходили к нуждам Англии. Каковы эти принципы?

1 января 1907 г. сэр Эйр Кроу, будучи в то время главой западного департамента министерства иностранных дел, написал для кабинета министров конфиденциальный доклад об англо-германских отношениях. Этот доклад, который между прочим заключает в себе проницательный анализ намерений Германии, содержит точное определение исторических принципов британской политики.

Сэр Эйр Кроу принял как аксиому тот неоспоримый факт, что британская политика определялась географией. С одной стороны—маленький остров, расположенный на западном побережье Европы, с другой—необъятная империя, разбросанная по всему земному шару. Закон самосохранения требовал, чтобы этот остров снабжался продовольствием и чтобы коммуникации с его заморской империей оставались неприкосновенными. Эта двойная необходимость требовала морского превосходства над любым возможным противником. США не являются возможным противником.

Нас особенно интересует вывод из этого положения. Эйр Кроу доказывал, что это морское превосходство (если им пользоваться неумеренно) вызывает чувство досады и зависти во всем мире, следовательно, его надо использовать с величайшей благожелательностью и сдержанностью. Оно должно «непосредственно совпадать с основными и существенными интересами большинства других государств».

Каковы эти основные интересы? Во-*первых*,—*независимость*, во-вторых,—торговля. Поэтому британская дипломатия должна поддерживать политику «открытых дверей» и в то же время должна проявлять «непосредственную и решительную заинтересованность в независимости малых стран». Великобритания должна, следовательно, рассматривать себя как «естественного врага любого государства, угрожающего независимости малых стран». Таким образом, доктрина равновесия сил приобрела для Великобритании своеобразную форму. Это означало, что она должна быть всегда «враждебна политическому господству сильнейшего государства или группы государств». Эта враждебность, заявил сэр Эйр Кроу, стала для Великобритании «законом природы».

Историки могут усомниться в правильности этого заявления и будут утверждать, что инстинкт самосохранения пробуждается у англичан не угрозой господства на континенте, а лишь тогда, когда это господство угрожает портам на Ламанше или морским коммуникациям империи. Тем не менее они *должны признать* его первый вывод, а именно, что политическое положение, а не какая-то особая добродетель, заставляет Великобританию выступать в роли защитника прав малых стран. *И они согласятся*, что эта необходимость в сочетании с демократической системой правления способствовала тому, что в течение последних ста лет

британская политика, а потому и дипломатия, была более либеральной, чем дипломатия некоторых других держав.

Следовательно, если мы признаем это общее положение, будет полезно рассмотреть, как в прошлом веке оно отразилось в международных отношениях и какие особенности политики можно считать специально английскими.

III

Принцип равновесия сил является тем неизменным принципом, на котором основана вся внешняя политика Великобритании. За последние годы он приобрел дурную репутацию и вызвал множество недоразумений. Этот принцип не означает, как думают критикующие его, что британская политика постоянно направлена к организации коалиций против какой бы то ни было страны, которая в данное время является сильнейшим государством в Европе; это означает, что общая тенденция политики направлена против того, чтобы одно государство или группа государств могли использовать свою силу с целью лишить другие европейские страны их свободы и независимости. «Равновесие сил в Европе,— писал лорд Россель в 1859 г., — фактически означает независимость входящих в нее государств».

Очевидно, что доктрина равновесия сил наложила на английскую политику особый отпечаток эмпиризма и даже оппортунизма. Она не руководствуется заранее намеченными стремлениями, как политика Германии и Италии, и не определяется озабоченностью относительно традиционного врага, как французская политика. Она зависит от совокупности обстоятельств.

«А как,—спросил в 1768 г. посетитель Сан-Суси[4],—ваше величество определили бы английскую систему?»

«Англичане,—коротко ответил Фридрих Великий,—вообще не имеют системы».

Этот оппортунизм усиливается благодаря природной независимости английского национального характера и становится необходимым благодаря демократичности учреждений Великобритании. Вследствие этого в течение последних ста лет английские государственные деятели делали все возможное, чтобы избежать какой-либо заранее намеченной внешней политики, и чуждались, насколько обстоятельства позволяли, всяких конкретных обязательств на континенте.

И Каннинг и Пальмерстон были в равной мере враждебны любым «твердым решениям, основанным на предположениях о вероятном будущем».

«Обычно,—писал последний нашему послу в России,—Англия не берет обязательств в отношении обстоятельств, которые в настоящее время не возникли и которые в ближайшем будущем не предвидятся; и это—по простой причине: все формальные обязательства правительства, которые имеют отно-

шение к вопросам о мире и войне, должны быть представлены парламенту на утверждение, а парламент, вероятно, не одобрил бы соглашения, заранее обязывающие Англию начать войну при обстоятельствах, которые пока что нельзя предусмотреть».

Общие положения этой политики никогда не были сформулированы более ясно, чем в письме, которое Гладстон написал королеве Виктории 17 апреля 1869 г.:

«Англия должна быть совершенно независима в оценке возникших событий; она не должна связывать себя или стеснять свою свободу выбора заявлениями, сделанными другим державам,—заявлениями, на толкование которых могли бы претендовать эти державы; для нее опасно занимать передовые, а следовательно, изолированные, позиции по отношению к европейским конфликтам; что бы ни случилось, для нее лучше обещать слишком мало, чем слишком много; она не должна поощрять слабых, обнадеживая их помощью, а должна твердыми, но умеренными словами удерживать сильных от нападения на слабых; она должна стараться развить и усилить влияние общественного мнения Европы как лучшую преграду против несправедливости, но она должна делать все возможное, чтобы рассеять впечатление, что она навязывает свои взгляды этому общественному мнению, так как она рискует, таким образом, вместо сочувствия вызвать против себя и против справедливости всеобщую вражду».

Таким было в течение более ста лет направление внешней политики Великобритании. Возможно, что теперь, когда Великобритания как будто потеряла свою неуязвимость, эти принципы будут изменены. Возможно, что прежняя политика чередования изоляции с интервенцией может быть заменена какой-нибудь более стройной системой коллективной безопасности и что старая доктрина равновесия сил будет в известных пределах заменена новой, тем не менее можно сомневаться, стала ли авиация решающей силой на войне, и можно считать, что еще на много лет Великобритания должна придерживаться лишь с небольшими изменениями своих старых традиций. Дело личного мнения, должна ли ее позиция в международных сношениях определяться как позиция «честного маклера», «решающего судьи», «всеобщего миротворца», «tertius gaudens» [«третьего радующегося»] или «неожиданно появляющегося бога» [Deus ex machina].

Как эти основные положения политики влияют на английскую дипломатию? Теперь мы должны рассмотреть этот вопрос.

IV

В своей интересной работе «Дух британской политики» доктор Канторович проанализировал руководящие принципы английской системы и их влияние на дипломатию. Его оценка льстит британскому самолюбию. Он называет благородство, объективность и гуманность тремя основными качествами английской дипломатии. Ее главный недостаток, по его мнению,—иррациональность, т. е. отсутствие продуманных планов. Он не обращает большого внимания на оппортунизм британской системы и на ее глубокий эгоизм. Но он признает (так как он—серьезный и снисходительный наблю-

датель), что английская политика слишком склонна колебаться между идеализмом и реализмом, между гуманностью и эгоизмом; и он правильно подчеркивает, что международная репутация англичан как лицемеров, а также фраза «коварный Альбион» происходят не из-за какой-то общенациональной неискренности, а скорее из-за общенационального отвращения к логике и предпочтения решать вопросы не до, а после того как они возникли. Другими словами, для англичан типичен подход к проблеме сначала с идеологической, а затем с реалистической точки зрения.

Первое побуждение основано на человеколюбии, и только на последующих стадиях появляются мотивы корысти и самосохранения; это часто приводит к несоответствию между целями, провозглашенными в начале международного кризиса, и теми, которые определяют английскую политику в конце.

Не все иностранные наблюдатели так снисходительны, как доктор Канторович. Генрих Гейне, например, охарактеризовал англичан как «самую противную нацию, которую бог в гневе своем создал», и предупреждал современников против «вероломных и коварных интриг карфагенян Северного моря». Но Гейне в тот момент писал как журналист, и его брань, которая имела некоторое влияние во Франции и в Германии, должна быть в значительной мере отвергнута, так как она была написана в пылу полемики. Интересней рассмотреть, какое впечатление английская система произвела на таких более опытных наблюдателей, как князь Бюлов, граф Бернсторф и граф Менсдорф. Для этих дипломатов основная разница между английским и континентальным отношением к внешней политике выражалась в двух основных чертах: во-первых,—почти детская наивность, во-вторых,—сентиментальность.

В 1899 г. князь Бюлов посетил Виндзор [5] и записал свои впечатления в дневнике:

«Английские политики плохо знают континент. Они знают об условиях на континенте не больше, чем о Перу или о Сиаме. Их общие идеи, по нашим понятиям, довольно наивны. В их бессознательном эгоизме какая-то наивность и некоторое легковерие. Они не склонны подозревать действительно плохие намерения. Они очень молчаливы, довольно беспечны и очень оптимистичны».

Граф Менсдорф, бывший долгое время австрийским послом в Лондоне, друг Великобритании, разделял мнение князя Бюлова.

«Большинство английских министров и политиков,—писал он,—гораздо более невежественно, неточно и поверхностно, чем мы предполагаем. Многое из того, что мы считаем обманом, на самом деле лишь результат невежественности и путаницы. Все они почти без исключения имеют лишь туманное представление о других странах».

К обвинению в невежественности и беспорядочности прибавляется еще жалоба на английскую сентиментальность. Эта жалоба приняла немного удивительную форму в письме, написан-

ном в 1904 г. князю Бюлову графом Бернсторфом, который был тогда советником немецкого посольства в Лондоне, а впоследствии стал послом в Вашингтоне:

«По моему скромному мнению, начало улучшению отношений между двумя странами может быть положено путем заключения договора об арбитраже. Эти договоры в их современной форме совершенно безвредны и фактически не имеют значения. В то же время удивительно, насколько „практичные англичане" в политических делах находятся под влиянием фраз. Если мы согласимся на договор об арбитраже, очень большое количество народу в Англии поверит, что немцы бросили свои агрессивные намерения и стали мирными людьми. В это время мы могли бы заложить еще несколько военных кораблей, в особенности если их постройке не придавать большой гласности».

Я привел эти высказывания опытных наблюдателей потому, что они объясняют, каковы основные ошибки английских политических деятелей в международных вопросах. Наблюдается значительное непонимание не столько обстановки других стран, сколько психологии иностранцев; наблюдается беспредельный оптимизм, нежелание предвидеть неприятные возможности, а также тенденция приветствовать договоры и соглашения, которые, будучи на самом деле бесполезны, рассчитаны на сентиментальность английского народа и его любовь к успокаивающим фразам.

Английский дипломат неизбежно отражает достоинства и недостатки своих политических руководителей. Я уже отметил, что министерство иностранных дел и кабинет министров предпочитают своих оптимистичных послов своим пессимистичным и считают тех, которые предостерегают их против надвигающихся опасностей и бедствий, «немного неуравновешенными», «нервными» или «нездоровыми». Посол, который провел свою жизнь на дипломатической службе и который знает, что понятия и склад ума иностранцев и английских джентльменов не всегда одинаковы, часто бывает ошеломлен ребяческим спокойствием министров. Если он—честный человек, с большой силой воли, он охотно снесет неприязнь, которая преследует пророка несчастия, и сыграет роль Кассандры[6]. Но если он—человек помельче, он будет склонен отражать спокойствие своих правителей и даже способствовать ему. Это может нанести огромный вред внешней политике Великобритании.

С другой стороны, английский дипломат прав, избегая всякой неосторожности, всякой несдержанности, которая поставила бы его правительство в неловкое положение. Но, старея и видя перед своими глазами пенсию, он склонен думать, что неверный шаг ужаснее бездействия и что, в то время как ошибочное действие приносит немедленное наказание, бездействие (неправильно цитирую Вордсворта):

«...вечно, неведомо, темно
И близко к бесконечности».

При таком положении прекрасная традиция осторожности, которая воодушевляет английскую дипломатию, превращается в робость.

Но если английская дипломатия отражает недостатки английской политики и поэтому склонна быть слишком оптимистичной, беспорядочной, уклончивой, иррациональной и изменчивой, она в равной мере отражает ее хорошие стороны. Хороший английский дипломат терпим и справедлив; он придерживается золотой середины между воображением и разумом, между идеализмом и реализмом; он надежен и добросовестен; он держится с благородством, но без самообольщения, с достоинством без жеманства, со степенностью без напыщенности; он может проявить решимость, так же как гибкость, он может соединить мягкость с храбростью; он никогда не хвастается; он знает, что нетерпение так же опасно, как дурной нрав, и что остроумие—не дипломатическое качество; а главное, он знает, что его долг—проводить политику своего правительства лойяльно и со здравым смыслом и что успешная дипломатия основана на тех же качествах, что и успешная торговля, а именно на доверии, внимательности и сговорчивости.

V

Я посвятил столько места рассуждению о дипломатии английского типа не только потому, что я был близко знаком с ней в течение всей моей жизни, но и потому, что я совершенно искренне считаю, что в общем этот тип наиболее способствует сохранению мирных отношений на земном шаре. Теперь я перейду к другим типам и начну с немецкой дипломатии.

Как я сказал раньше, немецкая политическая теория, а следовательно и дипломатическая, является воинственной, или героической, и как таковая значительно отлична от торговой, или лавочнической, теории англичан. Кроме того, она обнаруживает необыкновенное постоянство.

В пределах настоящей монографии нет возможности рассмотреть причины, породившие тот склад ума, который можно определить как типично немецкий. Под всеми солидными и великолепными качествами немецкой расы чувствуется какая-то нервная неуверенность. Причина этой неуверенности (которая была названа Фридрихом Сибургом духовным сиротством) в отсутствии четких географических, расовых и исторических границ. Все это началось с того момента, когда Август отодвинул римские владения с Эльбы на Дунай, разделив, таким образом, германцев на цивилизованных и варваров. Впоследствии этот разрыв был еще более подчеркнут реформацией и убеждением, что Северная Германия была не более чем колония Священной Римской империи. «Мы—сыпучий песок,—писал Сибург,—но в каждой песчинке живет желание соединиться с остальными в твердый, прочный камень». Это желание найти какой-нибудь настоящий фокус, какой-нибудь центр

тяжести побудило немцев смотреть на понятие единства, выраженного в государстве, как на нечто мистическое и почти религиозное. Оно заставило их также искать в физическом единстве, а следовательно, и в физическом могуществе, то чувство солидарности, которого недостает каждому из них в отдельности.

Всю современную немецкую политическую теорию от Фихте через Гегеля и Стюарта Чемберлена до Гитлера пронизывает идея какого-то мистического единства. Идеалы рыцарей Тевтонского ордена XIII века[7] были унаследованы Пруссией, которая стала олицетворением идеала германского могущества, расовой гордости, тяги к политическому господству. Первоначальная мысль Фихте о немцах, как о каком-то «избранном народе», была соединена с позднейшими понятиями о «крови и железе», «крови и земле» и «крови и расе». Фихте заявил, что «в отношениях между государствами нет иного права, кроме права сильного». Гегель писал, что война «вечна и нравственна». Таким образом, немецкая культура стала представлять собой теорию господства постоянно возобновляемых попыток какого-то мистического объединения германских народов со стихийными силами природы.

Немецкая политика находится под сильным влиянием этой философии. Она воодушевлена мыслью, что германская культура является какой-то грубой, но вдохновенной силой, которая в интересах человечества должна управлять миром. Этот идеал в основном мистичен. «Германия—судьба, а не образ жизни»,—пишет Сибург. Во имя этой судьбы немецкий гражданин готов пожертвовать своим умом, своей независимостью, а если нужно, и своей жизнью. «Нас отличают от других наций,—пишет снова Сибург,—пределы, которые мы устанавливаем инстинкту самосохранения». В каждом немце жива мания самоубийства.

На практике этот идеал принимает разнообразные формы. Что касается внешней политики и дипломатии, то в них он выражается двумя путями. С одной стороны, в убеждении, что сила или угроза силы—основные средства переговоров, а с другой—в теории, что государственные соображения или нужды государства выше всех религий и философий.

Следовательно, немецкая политика является в основном «политикой силы». Как я ранее отметил, немецкая дипломатия отражает эту военную концепцию. Для немцев кажется важнее внушать страх, чем доверие, а когда, как неизменно случается, напуганные страны объединяются для защиты, они жалуются на «окружение», совершенно не замечая того, что их собственные методы и угрозы вызвали эту реакцию.

Характерной чертой военной политики является то, что́ профессор Моуат назвал «дипломатией неожиданности». Из всех форм дипломатии эта, несомненно, самая опасная. Теоретически она обоснована тем, что она демонстрирует силу, вызывает смущение и, таким образом, увеличивает давление. Практически она оправды-

вается тем, что она сразу дает какое-то приобретение. Классический пример дипломатии, основанной на неожиданности, дал граф Эренталь во время захвата Боснии и Герцеговины в 1908 г. В тот момент это был в высшей степени успешный маневр, но он оставил за собой страх и обиду и в конце концов привел к гибели Австро-Венгерской империи. Другие примеры этой внезапной или неожиданной дипломатии можно наблюдать в недавнем прошлом. Немецкие дипломаты часто обращаются к такому методу переговоров. В сущности это—военный метод.

Можно утверждать, что искусство переговоров, будучи штатским искусством, может играть лишь небольшую роль в государстве, находящемся под господством военных идей. Несомненно, что внешняя политика Германии всегда склонна была быть лишь придатком к «политике силы» и что в Германии генеральный штаб часто оказывал большее влияние на политику, чем министерство иностранных дел. Несомненно, вера немцев в принцип единоначалия и тенденция к сосредоточиванию власти в руках одного человека помешали немецкой дипломатии приобрести то чувство принадлежности к корпорации, ту технику и ту независимость, которые наблюдаются в соответствующем учреждении Великобритании. Но остается фактом, что, несмотря на все недостатки, немецкий дипломатический и консульский аппарат чрезвычайно хорош, что он состоит из компетентных и честных людей. До войны немецкие послы обыкновенно выдвигались из рядов профессиональных дипломатов, а поэтому они имели более ясное представление об интересах всей Европы в целом и более чуткое понимание иностранной психологии, чем бюрократы в Берлине. Почти трагично читать доклады и мемуары этих дипломатов и наблюдать, как часто император и его канцлеры отвергали или ложно толковали их советы.

Нельзя сказать, что дисциплина и преданность немецких дипломатов такие же, как у дипломатов других стран. Бисмарк первый ввел систему, при которой секретарями немецких посольств за границей назначались лично им выбранные агенты, задача которых была шпионить за послом. Эта система была возведена в искусство Фрицем фон Гольштейном, который за долгий срок своего влияния на Вильгельмштрассе опутал весь немецкий дипломатический аппарат сетью подозрений, зависти и интриг. Благодаря этому почти помешанному бюрократу высокие принципы и мудрые суждения старших немецких дипломатов так часто были бесполезны. И даже после исчезновения Гольштейна князь Лихновский жаловался, что его попытки предупредить свое правительство о вероятных результатах германской политики в 1914 г. были ослаблены другими секретными донесениями, посылавшимися в Берлин членами его же посольства.

Можно сказать, что немецким дипломатам никогда не давали возможности проявлять себя. Их умеренность толковалась в Бер-

линие как слабость или робость; их благоразумные советы отбрасывались как негерманские; на их прямоту смотрели с подозрением. Неудивительно, что многие из лучших немецких дипломатов уходили в отставку с озлоблением и презрением.

VI

В течение последних 60 лет французская политика руководилась исключительно страхом перед ее восточным соседом и, таким образом, была более последовательна, чем политика любой другой великой державы. Глаза всех французских дипломатов устремлены на «голубую линию Вогез»[8], а вся их политика направлена на то, чтобы защитить себя от немецкой опасности. Эта постоянная озабоченность делала французскую политику связанной и негибкой.

Французская дипломатия должна была бы быть лучшей в мире. Она имеет долгую традицию, у нее были такие идеальные дипломаты, как оба Камбона, Жюссеран, Баррер и Бертело. Она обслуживается людьми с удивительным умом, большим опытом и огромным обаянием. Французы соединяют тонкость наблюдения с особым даром ясной убедительности. Они благородны и точны, но они нетерпимы. Средний француз так уверен в своем интеллектуальном превосходстве, так убежден в преимуществе своей культуры, что часто ему трудно скрыть свое раздражение варварами, населяющими другие страны. Это обижает.

Сосредоточение своего внимания на одной политической линии временами не дает французам возможности наблюдать за событиями, лежащими вне их ближайших интересов. Все дипломаты неизбежно должны прежде всего блюсти интересы своих собственных стран, но для французов интересы Франции настолько подавляют все остальное, что они многих явлений просто не видят. Кроме того, их страсть к логике, юридический склад их ума, их крайний реализм и недоверие к эмоциональности в политике не дают им возможности понять мотивы, чувства и часто мысли других наций. Их восхитительная интеллектуальная целостность дает им повод считать неискренними все путаные высказывания менее ясных умов, и они часто проявляют раздражение и высокомерие в то время, когда необходимо лишь быть немного более снисходительным. Таким образом случается, что французская дипломатия с ее замечательными возможностями и прекрасными идеалами оказывается безуспешной, а, кроме того, профессиональные политики не всегда предоставляют профессиональным дипломатам достаточную свободу действия.

Постоянство французской дипломатии резко противопоставляется подвижной дипломатии итальянцев. Итальянская система исходит из традиций итальянских государств эпохи Возрождения и не покоится на приемах честной торговли, или на политике силы,

или на логике, выдвигающей определенные цели. Она более чем оппортунистична, она основана на беспрестанном маневрировании.

Цель внешней политики Италии состоит в том, чтобы путем переговоров приобрести большее значение, чем это соответствует ее собственным силам. Таким образом, итальянская система противоположна немецкой системе: вместо того чтобы основывать дипломатию на силе, она силу основывает на дипломатии. Она противоположна французской системе: вместо того чтобы стараться обеспечить постоянных союзников против постоянных врагов, она считает, что друзей и врагов можно легко переменить. Она противоположна английской системе, так как вместо солидных достижений она ищет лишь немедленной выгоды. Кроме того, ее понимание равновесия сил отличается от английской концепции. В Великобритании эта доктрина понимается как сопротивление любой стране, пытающейся господствовать в Европе; в Италии на нее смотрят, как на такое равновесие, при котором ее сила будет решающей.

Итальянские дипломаты сделались мастерами искусства переговоров. Их обычный метод состоит в том, чтобы сначала создать плохие отношения с той страной, с которой они хотят договориться, а затем предложить «хорошие отношения». Перед началом таких переговоров они заботливо запасаются тремя козырями: во-первых, они провоцируют среди итальянского народа чувство обиды и ненависти, во-вторых, они находят какую-нибудь зацепку против страны, с которой Италия готовится вести переговоры, и, в-третьих, они требуют каких-нибудь уступок, которых они и не надеются получить и которых они в сущности не хотят, но взамен которых другая страна вынуждена будет что-нибудь предложить. В ходе переговоров прибавляются другие подобные приемы. Если переговоры заходят в тупик, делается намек, что такие же переговоры могут быть начаты с другой страной. Иногда переговоры ведутся одновременно с двумя враждебными странами. Так, в 1914—1916 гг. Италия одновременно торговалась со своими союзниками и с их врагами относительно того, сколько смогут первые заплатить за ее нейтралитет, а последние—за помощь. Последние имели возможность предложить более высокую цену.

Итальянская дипломатия, несмотря на ее ловкость, является, пожалуй, плохим примером искусства переговоров. Она соединяет честолюбие и притязания великой державы с методами малой державы. Таким образом, ее политика не только изменчива, но и находится в переходной стадии. Современная Италия уже имеет дипломатов вроде Сфорца и Гранди, которые справедливо добились всеобщего уважения. Надо надеяться, что теперь, когда Италия становится действительно великой державой, ее дипломатия станет более солидной и достойной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Уайкегамцы* и *мальборианцы*—воспитанники аристократических английских школ Уайкегама и Мальборо; эти школы считаются менее аристократическими, чем Итон, Гарроу и Винчестер.

[2] Согласно библейской легенде, пророк *Даниил* по навету врагов был брошен вавилонским царем Навуходоносором в клетку со львами и на следующий день был найден в ней живым и здоровым.

[3] Система *«добыча—победителю»* существует в США и означает распределение должностей центрального и местного правительственного аппарата между наиболее влиятельными или внесшими некоторые суммы денег на избирательную кампанию членами победившей на выборах партии. Начало этой системы было положено президентом Эндрю Джексоном, считавшим, что его политика может добросовестно проводиться лишь членами его партии.

[4] *Сан-Суси*—замок близ Потсдама, резиденция прусского короля Фридриха II, прозванного Великим; здесь у него гостили выдающиеся ученые, философы, писатели и т. д.

[5] *Виндзор*—замок около Лондона, в котором часто проживает английский король с семьей.

[6] *Кассандра* — в древнегреческой мифологии дочь троянского царя Приама. Получила дар прорицания от Аполлона, которому обещала любовь. Когда она обманула Аполлона, ее прорицаниям перестали верить, хотя они, как гласит предание, всегда сбывались. Прорицания Кассандры отличались зловещим характером, она предсказывала только неприятные события.

[7] *Тевтонский орден*—духовно-рыцарский орден, утвердившийся в XIII в. на берегах Вислы и стремившийся расширить свои территории под флагом обращения в католическую веру.

[8] *Вогезы*—горная цепь, по которой проходила франко-германская граница до первой мировой войны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Дипломатия путем конференций. — Упадок ее популярности. — Ее преимущества и недостатки. — Требование увеличения демократического контроля. — Дипломатия и торговые интересы. — Создание должности коммерческого атташе.—Атташе по делам печати и его обязанности.—Опасности пропаганды.—Лига наций.—Ее секретариат.—Объединение британских наций как новый опыт международного сотрудничества.

I

В предыдущих главах я рассмотрел зарождение и развитие теории и практики дипломатии. Я разобрал плохие и хорошие стороны старой и новой дипломатии и сравнил черты идеального дипломата с недостатками, внесенными в эту превосходную профессию различными типами национальной политики. В настоящей главе я намерен обсудить важнейшие новшества, введенные в дипломатическую практику такими послевоенными явлениями, как движение за демократический контроль, увеличение значения экономики и финансов, изобретения современной техники и растущее признание (которое до сих пор еще очень ограничено) общности международных интересов.

После войны 1914—1918 гг. считали, что в будущем дипломатические сношения будут происходить почти исключительно путем дружеских совещаний. В интересной речи, произнесенной в Королевском институте международных сношений 2 ноября 1920 г., сэр Морис Хэнки, который с 1914 г. присутствовал на 488 международных совещаниях, выразил мнение, что «нельзя сомневаться, что дипломатия путем конференций станет наиболее распространенным средством международных сношений». Во время войны нашли, что соглашения между различными союзными правительствами по вопросам безотлагательной важности не могли быть быстро достигнуты обыкновенными методами дипломатии. Премьер-министрам и экспертам союзных держав стало необходимо регулярно встречаться для обсуждения неотложных вопросов стратегии и политики, вызванных войной. Кроме того, появились бесчисленные вопросы продовольствия и транзита, которые должны были быть решены общими усилиями союзников. Послед-

ние вынуждены были объединить свои ресурсы и договориться о порядке снабжения. Была создана целая сеть комитетов и постоянных конференций. Эта сеть охватывала такие огромные организации, как Союзный совет по военным покупкам и финансам, Международная комиссия по снабжению, Союзный совет по продовольствию, Союзный совет морского транспорта, а также небольшие комитеты, состоящие из специалистов, ведавших снабжением углем, азотнокислыми солями, хлопком, нефтью и лесом. Эти различные советы и комитеты были связаны определенной схемой, подобной пирамиде, у которой основание состояло из различных подкомитетов по снабжению и которая завершалась Высшим военным советом союзных и ассоциированных держав.

В своей ценной истории развития и работы Союзного совета морского транспорта под названием «Союзный контроль над судоходством» сэр Артур Солтер показал, как эти международные комитеты с течением времени стали больше чем просто координирующим механизмом. Они представляли собой определенное новшество в тогдашней практике международных отношений. Вместо национальной политики, выраженной в дипломатии вражды и конфликтов, появилась общность международных интересов, принуждавшая к международному сотрудничеству. И разница не только в этом. Вместо национальной политики, стремящейся сверху воздействовать на факты, появилась система, при которой факты влияли на политику. Получилось, что группа международных экспертов, оперирующих под давлением общей опасности конкретными фактами, достигла более высокого уровня взаимного доверия и понимания, чем дипломаты смогли добиться в течение веков. И многие из нас надеются, что этот новый метод ведения дипломатии снизу окажется ценным нововведением в международной практике.

Эти надежды были до некоторой степени осуществлены секретариатом Лиги наций, который сумел приобрести и до сих пор поддерживает самый высокий уровень компетентности и сотрудничества. Но когда прошла общая опасность, военные советы союзников разделили судьбу древних амфиктионических советов — начался распад.

Преимущества дипломатии путем конференций очевидны. Те, кто отвечает за ведение политики, получают возможность лично вести переговоры. Этим методом экономится огромное количество времени, приобретается большая гибкость. Часто встречаясь, премьер-министры становятся лично знакомы, а иногда начинают даже доверять друг другу. «Настоящая интимность и дружба,— пишет сэр Морис Хэнки,—существенным образом способствуют успеху конференции, делая возможной полную откровенность в разговорах».

Это правильно. Но бывает, что от таких частых встреч зародится не дружба, а отвращение. Например, личные отношения между

Керзоном и Пуанкаре не помогали переговорам. Даже дружба (как, например, в Туари во время завтрака Бриана со Штреземаном) может привести к какому-нибудь поспешному решению, от которого потом приходится отказываться. Кроме того, увеличивается опасность возможных неточностей, недоразумений, утечек и неосторожностей. А в мирное время быстрота решений не всегда полезна.

За последние годы, по крайней мере в Великобритании, вследствие ряда неудач популярность дипломатии конференций заметно понизилась. Берхтесгаден[1] и Мюнхен подкрепили эту неприязнь. Английский народ всегда инстинктивно не любил эти интернациональные сборища. Это показало его недоверие к системе конгрессов, которую император Александр I и Меттерних пытались установить после наполеоновских войн. Все считали, что осенние сессии Лиги наций предоставляли достаточные возможности для необходимых встреч, не окружая свидания министров той атмосферой преувеличенных надежд, которая так гибельно отзывается на всех экстренных и сенсационных конференциях.

Несомненно, однако, бывают случаи, когда конференция становится необходимой, но для того, чтобы она была успешна, должна быть для нее заранее тщательно подготовлена почва. Никакая конференция не должна быть созвана до тех пор, пока ее цели и программа не будут согласованы между всеми участниками и пока обыкновенными дипломатическими путями не будет установлено, что взгляды договаривающихся сторон не безнадежно расходятся. Успех Лондонской конференции по репарациям[2], породившей так называемый «план Дауэса»[3], надо отнести к тщательным предварительным разговорам между Макдональдом и Эррио в Чекерсе[4]. Провал конференции по морскому разоружению в Женеве в 1926 г.[5] и еще более трагичный провал Международной экономической конференции в 1933 г.[6] можно почти полностью отнести к недостаточным предварительным разговорам между Лондоном и Вашингтоном. Политики не вполне осознали это драгоценное правило.

II

Сегодня едва ли можно сказать, что конференции «стали наиболее распространенным способом международных сношений». В 1920 г. действительно казалось, что уроки международного сотрудничества, которому война научила Европу, приведут к коренным переменам в дипломатической практике. В настоящее время заметно движение против этой новой системы, за возвращение к дипломатии посредством профессиональных экспертов-действующих на основе письменных инструкций. Хотя популярность этого новшества понизилась, наблюдаются другие измене-

ния в дипломатической практике и в обязанностях дипломата,— новшества, которые, повидимому, останутся и будут развиваться.

Весьма вероятно, например, что в странах, еще пользующихся выборными учреждениями, усилится требование демократического контроля над политикой и переговорами. Часто это требование выставляется без полного знания конституции и основано, как я уже сказал, на некоторой путанице между политикой и переговорами. Но это требование поддерживается всеми и, вероятно, будет еще настойчивей вследствие чехо-словацкого кризиса в августе—сентябре 1938 г.

Даже те, которые признают действенность того контроля, который может осуществлять законодательная власть благодаря своему праву отвергать договоры, склонны считать, что должно существовать какое-то дополнительное и более постоянное наблюдение за ведением внешней политики правительством и его чиновниками. В Великобритании это движение в прошлом сосредоточивалось на требовании создания комитета по иностранным делам, наделенного такими же привилегиями и престижем, как комитет внешних сношений в США или сходный парламентский комитет во Франции.

Преимущество таких комитетов в том, что они дают возможность министру иностранных дел точно определить мнение парламента и в то же время создают в парламенте отдушину для такой критики и для таких предложений, которые было бы невозможно огласить при открытых прениях. Их недостаток в том, что они нагружают министра иностранных дел дополнительной работой; что они подчеркивают трудности и неполадки, которые могут с течением времени разрешиться сами по себе; что они вводят элемент партийной борьбы в область внешней политики; что они представляют собой орган, посредством которого финансовые и торговые круги могут чрезмерно влиять на политику, и что они неизменно и неуклонно ведут к разоблачению государственных тайн.

За последние годы партии, поддерживающие национальное правительство в Англии, производили опыты с неофициальным комитетом по внешней политике, в который члены оппозиции не приглашались. Этот комитет существует для частных дебатов о внешней политике, и ему не разрешается проверять мнение парламента голосованием или посылать резолюции правительству. Конечно, он ценен тем, что дает возможность членам парламента обмениваться мнениями и время от времени выслушивать конфиденциальные сообщения министра иностранных дел. Он также помогает партийным руководителям проверять настроение среди членов партии. Но это неофициальное и не выборное учреждение не имеет власти заставить правительство подчиниться взглядам большинства.

III

Другая более значительная причина изменений в дипломатической практике—растущее значение торговли. В общем—это не новое явление. Можно даже утверждать, что дипломатия как организованная профессия столько же обязана торговым интересам, как и политическим. Можно отстаивать точку зрения, что торговля дала основной толчок к превращению старой любительской дипломатии в специализированную профессию. Дипломатический аппарат Венеции, которая, несомненно, положила начало профессиональной дипломатии, вначале был торговым аппаратом. Наши собственные дипломатические представительства на Ближнем и Дальнем Востоке имели торговое происхождение. Такие организации, как Левантская компания, держали за свой счет и с благословения правительства представителей, которые были наполовину официальными, наполовину торговыми представителями. Эти агенты никогда не знали, подчиняются ли они правлению компании или английскому правительству.

Это двойное подчинение было упразднено, когда посол или посланник стал личным представителем своего государя. Так как эти уполномоченные желали отмежеваться от «агентов компаний», то с течением времени они начали считать, что малейшая связь с торговлей снижала их положение, превращая представителя монарха в коммивояжера. Эта кривая развития от торговли к политике и потом снова к торговле объясняет то отвращение, которое когда-то питали дипломаты к торговой деятельности.

В начале XIX века английский дипломат брезгал защищать торговые интересы своих соотечественников. Он готов был любыми средствами охранять и защищать их личную свободу, но он не хотел помогать им получать прибыль.

Немцы первые поняли, насколько полезно объединять политические и коммерческие выгоды. Американцы последовали их примеру. Во времена старой дипломатии торговались из-за политических преимуществ, в середине XIX века начали договариваться и о торговых выгодах. Появились охотники за концессиями. Первым симптомом этой перемены была конкуренция, возникшая в Турции и Китае между различными железнодорожными компаниями. Эта конкуренция убедила министерства Европы, что существует какая-то связь между капиталистической эксплоатацией и политическим влиянием.

Профессиональные дипломаты старой школы долго боролись против этой связи. Им казалось, что политические отношения между различными странами достаточно сложны, чтобы к ним прибавлять официальное торговое соперничество. Они имели предубеждение против всех охотников за концессиями, против экономического империализма. Они верили в политику laisser faire [свобода экономической деятельности] и чувствовали, что

торговля и финансы были материей, им мало знакомой. Но они боролись за пропранное дело, и в последней четверти XIX века установилось мнение, что в обязанности дипломатов входит не только защита, но и поддержка частных торговых интересов.

В Англии коммерческий департамент министерства иностранных дел был учрежден в 1866 г. и основательно реорганизован в 1872 г. Коммерческий атташе был назначен в парижское посольство в 1880 г. и в Петербург в 1887 г. Деловой мир продолжал жаловаться на то, что английские дипломатические, консульские и торговые представители не проявляли такой же деятельности в интересах английских купцов, как немецкие и американские представители в интересах своих соотечественников. Они говорили, что информация в консульских отчетах и в ответах на запросы торговых палат часто была недостаточна и неточна; что между посольствами и миссиями и местными английскими колониями существуют холодные и натянутые отношения и что хотя они могли обращаться к своим дипломатическим представителям за защитой от явных несправедливостей, им не оказывали той поддержки в торговле, какая оказывалась их немецким и американским соперникам. Было образовано несколько комиссий, которые рассмотрели с полезными результатами эти жалобы. В 1903 г. консульский аппарат был почти совершенно реорганизован, было назначено множество новых коммерческих атташе. Получалась все же неурядица, ввиду того что департамент информации министерства торговли и коммерческий департамент министерства иностранных дел имели аналогичные обязанности. Эта неурядица была упразднена только после войны, когда был создан департамент внешней торговли и когда положение и метод подбора коммерческих представителей были коренным образом изменены. Вместо старой системы был основан особый дипломатический аппарат по коммерческим делам, сотрудники которого получали звания и ранги, аналогичные политическому представительству, и были снабжены достаточными средствами на содержание контор, канцелярского состава и для представительства их функций.

Теперь созданы все возможности для того, чтобы этот новый коммерческий аппарат приобрел свои собственные традиции и собственное лицо. Он может снабжать деловых людей обстоятельной и подробной информацией и оказывать значительную помощь. Создание такого аппарата горячо приветствуется самими дипломатами, потому что они избавляются от затруднительной и иногда неприятной обязанности, к которой они чувствуют себя неспособными.

Другие перемены в старой традиционной дипломатии были вызваны большим значением, которое приобрели такие международные проблемы, как валюта и финансы. В дни старой дипломатии все переговоры должны были происходить между главой по-

сольства и министерством иностранных дел той страны, в которую он был уполномочен; считалось серьезным нарушением этикета, если глава иностранного посольства договаривался с каким-нибудь другим министерством. Эта традиция была нарушена войной. Ллойд Джордж, когда он был канцлером казначейства, начал прямые переговоры с французским министром финансов и потом, будучи министром военного снабжения, имел тесную и непрерывную связь с Альбером Тома. Кроме того, стало ясно, что для разрешения этих спорных и сложных вопросов требовались специальные знания в области экономики и финансов, которыми простой дипломат не обладал. Таким образом возник прекрасный обычай, при котором подобные переговоры поручались финансовым специалистам, а к некоторым посольствам прикреплялись финансовые атташе, назначенные из людей, посвятивших всю свою жизнь изучению этих специальных вопросов.

IV

Повышение значения и силы печати привело к тому, что в главнейшие посольства стали назначать чиновника, которого называют атташе по делам печати—пресс-атташе.

Обязанности этого чиновника многочисленны и разнообразны. Он обязан читать, отбирать и переводить статьи, напечатанные в местных газетах и журналах. Он беседует с английскими и другими корреспондентами и старается добиться того, чтобы взгляды его правительства получили достаточную гласность. Он имеет возможность связаться с местными журналистами, которые могут снабдить его ценными сведениями.

Он полезен и в других отношениях. Тогда как послы и их сотрудники все время передвигаются из столицы в столицу, атташе по делам печати удерживается на одном посту в течение нескольких лет. Это сравнительное постоянство жительства помогает ему близко познакомиться с местной политической жизнью и людьми. Послу, в особенности в некоторых европейских странах, где политические страсти разгораются, трудно знакомиться с политическими деятелями, враждебными правительству, находящемуся у власти. Например, английскому послу в царской России было неудобно, если не невозможно, наладить связи с русскими либералами типа Милюкова или Львова. Атташе по делам печати имеет возможность поддерживать такие связи, не вызывая неприятностей. Таким образом, эта должность чрезвычайно полезна и важна и может быть включена во все основные заграничные представительства.

Новый и серьезный вопрос современной дипломатии есть вопрос о пропаганде. В дни старой дипломатии считалось невообразимо дурным тоном обращаться непосредственно к народу по поводу

какого-нибудь вопроса международной политики. Каннинг в 1826 г. впервые признал силу того, что он называл «роковой артиллерией народного возбуждения». Князь Меттерних не разделял этого мнения, хотя он был сильно им обеспокоен. Он обвинил Каннинга в том, что тот хочет приобрести популярность,—«желание, неуместное для политического деятеля».

Каннинг был первым английским политическим деятелем, использовавшим общественное мнение как орудие политики, и он заботился, чтобы это мнение было основано на правде и справедливости. Политические деятели на континенте, усвоившие его теорию во второй половине XIX века, не заботились о сохранении этого условия. Для Бисмарка и его последователей было привычно выдумывать инциденты и извращать факты для того, чтобы взволновать общественное мнение по какому-нибудь вопросу. Хотя Бисмарк и даже Бюлов не гнушались подстрекать других на ложь, сами они не занимались распространением слишком очевидной лжи. В действительности до тех пор, пока война 1914—1918 гг. не понизила уровень международной этики, считалось неприличным и неумным для политического деятеля делать такие публичные декларации своему народу, которые общественное мнение других стран считает сплошным вымыслом.

Война уничтожила подобную чуткость совести. Даже англичане (которые являются честным народом) постепенно приобрели вкус к пропаганде и доказали, что они тоже умеют умышленно врать. Может быть, английская военная пропаганда была не так блестяща, как уверяет нас Адольф Гитлер, и не так влиятельна, как думает мистер Скуайерс, но в последние годы войны она представляла собой хорошо организованную машину, которая несомненно являлась могущественным средством для возбуждения народа.

С тех пор изобретение радио дало значительный толчок пропаганде как средству политики. Сам Гитлер, много лет уделивший изучению этого вопроса, изложил свои заключения в первых главах книги «Моя борьба». Он подтверждает, что массы скорее всего возбуждаются человеческим голосом. Но пропаганда по радио, чтобы быть успешной, должна придерживаться некоторых правил. Во-первых, уверяет нас Гитлер, она должна снисходить до самого низкого в умственном отношении уровня. Она должна избегать всяких рассуждений и должна воздействовать исключительно на эмоции. Она должна возбуждать «фанатизм, а иногда истерику». В ней не должно быть и намека на то, что возможно какое-либо другое мнение по данному вопросу. В ней никогда не должно быть никаких тонкостей или ограничений, «только положительное и отрицательное, любовь и ненависть, правда и ложь, справедливость и несправедливость, никогда никакой половинчатости». И прежде всего, говорит нам Гитлер, ложь должна быть огромна; по его мнению, нет смысла заниматься мелким враньем; ложь

должна быть такой величины, чтобы слушатели никогда не посмели подумать, что ее можно выдумать.

Совершенно очевидно, что такая система пропаганды по радио может при некоторых обстоятельствах сильно повредить международным отношениям. Так, антианглийская пропаганда, которую синьор Муссолини беспрестанно возвещал на арабском языке по радиостанции в Бари [7], могла бы быть воспринята английским правительством как недружелюбный поступок. Прекращение этой пропаганды стало одним из основных пунктов англо-итальянского договора. Если государства будут обращаться друг к другу со словами, умышленно рассчитанными на то, чтобы вызвать истерику среди низших слоев населения, прежняя дипломатическая вежливость будет иметь довольно жалкий вид.

Далее пропаганда опасна тем, что те, кто ею пользуется, могут стать ее же жертвами. Так, например, в 1919 г. синьор Орландо, чтобы доказать президенту Вильсону глубокую заинтересованность итальянского общественного мнения в Фиуме, развил широкую пропаганду в своей стране, и оказалось, что страсти так разгорелись, что впоследствии сам Орландо не мог согласиться с умеренным решением. Пропаганда наци насчет судетских немцев дает еще более печальный пример: разгорелись неукротимые страсти, и герр Гитлер попал в такое положение, когда даже дипломатическая победа рассматривалась бы как поражение.

Затруднительно предложить меры, способные уменьшить опасность этого ужасного изобретения. Международные соглашения по этому вопросу обходятся или отвергаются, контрпропаганда еще более раздувает конфликт. Можно надеяться только на то, что порочность этого метода и бесконечное повторение явной лжи приведут к отказу от них и к признанию того, что честная, достойная и спокойная политика—лучшее противоядие против этой истерической школы радиовещателей.

Трудно точно определить, какие суммы тратятся различными правительствами на пропаганду. По приблизительным подсчетам, Германия ежегодно расходует на внешнюю пропаганду 4—6 миллионов фунтов стерлингов, Франция тратит около 1,2 миллиона, а Италия—почти 1 миллион фунтов стерлингов. В Великобритании не ассигнуются деньги специально для пропаганды, но Британскому совету были выданы следующие суммы:

В 1935 г.	5 000	фунтов	стерлингов	
» 1936 »	15 000	»	»	
» 1937 »	60 000	»	»	
» 1938 »	100 000	»	»	с возможным прибавлением дополнительных 40 тысяч фунтов стерлингов.

Британский совет является официально созданным и субсидируемым обществом, в обязанности которого входит ознакомление иностранцев с английской жизнью и идеями, поощрение изучения английского языка и распространение произведений современной

английской литературы, искусства и науки за границей. Кроме сумм, предназначенных Британскому совету, Англия не тратит никаких дополнительных средств на пропаганду.

V

Лига наций—важнейшее из явлений, повлиявших на послевоенную дипломатию. В мои намерения не входит рассказывать о зарождении Лиги или обсуждать ее ошибки и причины того, что в решающие моменты она оказалась не на высоте своего положения. Многое можно сказать о том, что она основана на идеалах международной справедливости, которые, если бы они существовали, сделали бы всякую Лигу ненужной. Многое можно сказать о том, что Лига становится беспомощной, как только какая-нибудь одна великая держава покинет ее или не захочет ей подчиниться; что, поддерживая Версальский мирный договор, она с самого начала потеряла моральный авторитет; что ее поведение во время соглашения о Силезии или во время инцидента с Корфу[8] должно было показать всем несентиментальным людям, насколько она оппортунистична и робка, и что инстинкт самосохранения, который лежит в основе всей политики, удержит любую страну от рискованной войны ради другой страны. Такая критика понятна, но она не исчерпывает всех аргументов, и идеалы Лиги не могут погибнуть, если только в Европе опять не восторжествует сила.

Между тем непрерывное существование Лиги с 1920 г. во многих отношениях изменило старую, традиционную дипломатию. Лига представляет собою организацию взаимного страхования против войны. Точное следование уставу Лиги может повлечь за собой отказ от национального суверенитета. Кроме того, Лига представляет собой новшество по сравнению со всеми предыдущими опытами международного сотрудничества и по другим причинам: во-первых, она основана на уставе или на своде законов и принципов, во-вторых, она устраивает ежегодные съезды в определенном месте и в определенное время и, в-третьих, она имеет постоянный секретариат из специалистов по международным вопросам.

Как я выше отметил, это третье нововведение имеет немалое значение. Мужчины и женщины разных национальностей постоянно сотрудничают для достижения некоторых общих целей; они никому не желают насильно навязывать никаких национальных доктрин и не хотят служить никаким национальным интересам; они хотят только изучить те политические и экономические факторы, которые порождают международную вражду, и, стремясь к этой цели, они приобретают чувство истинного интернационализма, а на международных собраниях и конференциях они могут заразить этим чувством кое-кого из политических деятелей, заседающих в Совете или Ассамблее Лиги.

Если даже допустить, что Лига перестала быть решающим фактором политического умиротворения, все же нельзя отрицать;

что ее экономическая и социальная деятельность имеет величайшее значение. Надо надеяться, что, если к человечеству возвратится здравомыслие, оно снова благодаря таким организациям поймет, что международное сотрудничество лучше, чем вражда.

Другим более успешным опытом международного сотрудничества является Британское объединение наций. Независимость, которой добились британские доминионы, была подтверждена их участием на Парижской конференции[9] и мирным договором, который они подписали как независимые страны.

Имперская конференция 1926 г. следующими словами определила положение доминионов: «Они являются автономными государствами внутри Британской империи; равные по положению, никоим образом во всех вопросах внутренней и внешней политики не подчиненные друг другу, тем не менее они объединены преданностью Короне и добровольным участием в Британском объединении наций».

Этот принцип был узаконен Вестминстерским уставом[10] 11 декабря 1931 г.

Британское объединение наций—совершенно новый опыт регулирования отношений между независимыми государствами. Никакая предыдущая лига, федерация или коалиция не обходилась так успешно без писанной конституции и без договора о союзе. Такое коренное отклонение от всех прецедентов, очевидно, вызывает много новых затруднений, среди которых немаловажное место занимает вопрос о ведении внешней политики.

Контакт между отдельными членами союза в основном поддерживается тремя путями: во-первых, каждые четыре года созывается конференция с участием всех членов; во-вторых, каждый член союза может быть представлен в столице другого члена союза специальным уполномоченным и, в-третьих, правительство каждого из доминионов может, если оно захочет, получить от английского правительства полные сведения относительно текущих вопросов внешней политики и относительно вопросов, представляющих интерес для всех членов союза.

Доминионы могут, если они желают, иметь в столицах иностранных государств дипломатических представителей с рангом чрезвычайного посланника и полномочного министра. Так, Канада имеет собственных представителей в Париже, Вашингтоне и Токио, Южная Африка—в Риме, Вашингтоне и Гааге, Эйре [Ирландия]—во Франции, Германии, США и Ватикане. Наоборот, Франция имеет миссии в Канаде и Эйре, США—в Канаде, Южной Африке и Эйре и т. д.

Эти миссии доминионов отчитываются непосредственно перед своими правительствами и не имеют особых связей с английскими посольствами в столицах, где они существуют. Хотя правительства доминионов еще не учредили официальных министерств иностранных дел, тем не менее (по крайней мере в Австралии и в Канаде) в канцелярии премьер-министра работают чиновники, занимающиеся специально внешней политикой.

Этот прекрасный опыт пока что полностью не осознан иностранными дипломатами. Они воображают, что члены Британского объединения обязаны каким-то секретным договором поддерживать друг друга во всех международных переговорах, и им не нравится тот факт, что (как они воображают) английское правительство может распоряжаться голосами своих доминионов на любой международной конференции. Их предположения неверны. Ничто не может помешать доминиону занять совершенно самостоятельную позицию во внешней политике. Существует одно условие, которое было утверждено имперской конференцией 1923 г. Оно предусматривает, что члены союза не должны заключать договора с иностранными державами «без должного размышления по поводу того, как этот договор отразится на других частях империи и на империи в целом».

Такая свободная конфедерация держав непременно должна была бы распасться, если бы они не были связаны крепкими узами традиционной дружбы и понимания того, что желания отдельных членов сталкиваются лишь в редких случаях, а необходимость в совместной защите против врагов чрезвычайно велика.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Берхтесгаден*—город в южной Баварии; близ него находится резиденция Гитлера. Здесь в 1938 г. между Чемберленом и Гитлером происходили переговоры, предшествовавшие заключению Мюнхенского соглашения.

[2] Происходившая в июле—августе 1924 г. в Лондоне конференция, принявшая предложенный Дауэсом порядок внесения Германией репарационных платежей странам-победительницам.

[3] См. *Дауэс* в указателе имен.

[4] *Чекерс*—официальная загородная резиденция английского премьер-министра.

[5] *Конференция по ограничению морских вооружений* происходила в Женеве не в 1926 г., а в 1927 г. За кулисами этой конференции работали представители сталелитейных и других промышленных компаний, заинтересованных в увеличении вооружений. Они постарались сорвать эту конференцию, что им и удалось.

[6] *Международная экономическая конференция 1933 г.*, состоявшаяся в Лондоне, окончилась неудачно, потому что делегация США, возглавлявшаяся государственным секретарем (министром иностранных дел) Хэллом, была отозвана президентом Рузвельтом ввиду невозможности договориться с Англией о соотношении между фунтом стерлингов и долларом.

[7] *Бари*—итальянский порт на Адриатическом море.

[8] *Корфу*—греческий остров в Ионическом море. В 1923 г. был захвачен Италией у Греции в виде репрессии против убийства на этом острове итальянского председателя международной разграничительной комиссии. Под давлением других империалистских держав Италия вернула его Греции.

[9] Имеется в виду *Парижская мирная конференция* (см. прим. 5 к гл. III, стр. 53).

[10] *Вестминстерский устав* (11 декабря 1931 г.) установил формальное равенство британских доминионов с Англией в Британском объединении наций. По существу руководство осталось за Англией ввиду ее экономической мощи и громадного военно-морского флота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Порядок старшинства среди государств.—Примеры борьбы за более высокое место.—Великие и малые державы.—Современный порядок возвышения миссии в посольство.—Старшинство послов в различных странах.—Назначение полномочного представителя.—Как он выбирается.—Агреман.—Приезд полномочного представителя.—Вручение верительных грамот.—Различие в церемониале.—Отзыв полномочного представителя.—Дело Шовлена.—Дело де Сен-Кантена.—Признание инсургентов и революционеров.—Разрыв дипломатических отношений.—Как полномочный представитель докладывает своему правительству.—Его общение с правительством, при котором он аккредитован.—Обязанности полномочного представителя.—Вопросы, которыми он занимается.—Светская жизнь дипломата.—Работа конференций и конгрессов.

I

Обсудив различные методы дипломатической теории и практики и разобрав перемены, появившиеся после войны, я намерен рассмотреть некоторые правила поведения, которые пережили превратности последних столетий и которые в настоящее время считаются наиболее благоприятствующими нормальным дипломатическим сношениям.

Я уже указывал на вопрос о старшинстве и отметил тот факт, что прошло много веков, прежде чем все цивилизованные страны договорились по этому надоевшему вопросу. Старая дипломатия придавала огромное значение старшинству, или порядку важности, различных государств.

В старину папа претендовал на право решать, в каком порядке страны мира должны быть перечислены; существует запись от 1504 г., в которой этот порядок изложен. Папа, естественно, поставил себя первым среди монархов, император был вторым, а после него значился его наследник—«король римлян», затем следовали короли Франции, Италии, Арагона и Португалии. Англия по списку приходилась шестой, а король Дании—последним. Этот папский разрядный список не был безропотно принят заинтересованными монархами. Часто случалось, что французский посол получал приказ от своего государя ни в коем случае не уступать места испанскому послу, а последний получал точь-в-точь такие же инструкции. На дворцовых приемах имели место недостойные сцены; в 1768 г. на дворцовом балу в Лондоне между

французским и русским послами произошла ссора, закончившаяся дуэлью.

Классическим примером этой борьбы за первенство является случай в 1661 г. с каретой испанского посла. В те дни иностранные послы обыкновенно совершали въезд в столицу с большой помпой. Для большей пышности их иностранные коллеги обычно присылали навстречу свои парадные кареты. Так, когда 30 сентября 1661 г. новый шведский посол высадился на пристани у лондонского Гоуэра, испанский и французский послы прислали для приветствия свои кареты. Шведский посол спустился с корабля, сел в королевскую карету, посланную его встретить, и уехал. Кучер французского посла немедленно двинулся за каретой шведского посла. Кучер испанского посла воспринял это как прямое оскорбление испанскому королю. Началась драка, которая превратилась в настоящее сражение, так как каждая карета сопровождалась 150 вооруженными людьми. Французский кучер был сташен с козел, две лошади были искалечены и убит один форейтор. Людовик XIV тотчас же порвал дипломатические отношения с Испанией и грозил объявить войну, если не будет получено удовлетворительного извинения и испанский посол в Лондоне не будет наказан. Испанский король, не желая военных действий, согласился послать извинение и удовлетворить требования Людовика XIV.

Эти столкновения разрушали дружбу и мешали работе не только на официальных приемах. Перед каждой международной конференцией происходили долгие, и иногда бесплодные, переговоры относительно порядка, в котором представители различных стран будут сидеть за столом во время совещаний. Когда этот вопрос разрешался, возникал другой—о порядке, в котором они поставят свои подписи. Был придуман способ, названный «alternat» [«чередование»], по которому каждый представитель подписывал свою копию договора первым, но этот прием не предусматривал порядка, в котором должны были следовать остальные подписи.

В четвертом параграфе регламента, принятого Венским конгрессом в 1815 г., было установлено, что дипломатические представители должны занимать места на конференции согласно порядку их прибытия, сообщенного официальной нотой. Было также решено, что уполномоченные на конференции должны будут подписывать договоры в алфавитном порядке.

Это положило конец наиболее острым спорам относительно старшинства, но некоторые вопросы остались неразрешенными. По общепринятому правилу только великие державы могли обмениваться послами, в то время как дипломатические представители, посылаемые или принимаемые малыми державами (или «державами с ограниченными интересами», как их тактично называли), должны были иметь ранг посланника. Но кто мог решить, какая держава является великой и какая малой? На Парижской конференции 1919 г. пять великих держав (США, Франция,

Великобритания, Италия и Япония) называли себя «главными союзными и ассоциированными державами» и присвоили себе право составлять верховный совет конференции, обходя при этом менее могущественных союзников. Эмпиризм такого разграничения станет ясным, если мы рассмотрим изменения дипломатических рангов, происшедшие за последние сто лет. В начале царствования королевы Виктории Великобритания считала, что только три двора—парижский, петербургский и константинопольский—были достойны принимать британских послов. Вена получила посольство в 1860 г., Берлин—в 1862 г., Рим—в 1876 г., Мадрид—в 1887 г., Вашингтон—в 1893 г., Токио—в 1905 г., Брюссель—в 1919 г., Рио-де-Жанейро—в 1919 г., Лиссабон—в 1924 г., Буэнос-Айрес—в 1927 г., Варшава—в 1929 г. и Сант-Яго—в 1930 г. С тех пор английские послы были назначены в Китай, Египет и Ирак. Многие из этих назначений имели место независимо от силы, положения и «старшинства» заинтересованных стран.

Принято высмеивать эти столкновения относительно формального старшинства и считать, что мы умнее наших отцов, но любой человек, изучающий практику дипломатии, согласится, что они никогда не спорили беспричинно. В наше время мы часто говорим о национальном престиже или о национальной чести. Прежде эти важные факторы символизировались порядком старшинства. Для них это имело значение, подобное оскорблению флага для последующих поколений.

Даже после Венского конгресса вопрос о старшинстве не был полностью решен. Страна, имевшая миссию, всегда желала получить посольство, хотя бы только из самолюбия, поэтому, когда стало обычным назначать послов в столицы не только великих держав, другие страны, считавшие себя равными тем, которые удостоивались такой чести, были возмущены. Так, вместо того чтобы назначение послов было редкой и исключительной привилегией, получилось, что отказ в таком назначении был равен оскорблению. В результате началась инфляция цен на послов.

Даже в тех странах, которые обычно считаются великими, положение послов различно. В монархических странах послы занимают место непосредственно за членами королевской семьи. В Великобритании послам дано преимущество над всеми, кто не имеет ранга королевского высочества. Посланники считаются ниже герцогов, но выше маркизов. Во Франции послы и посланники должны сидеть ниже президента сената и палаты представителей. В Вашингтоне вице-президент занимает наиболее высокое место. В республиках Южной Америки пытались сажать иностранных представителей ниже членов кабинета, но этот опыт не имел успеха. В наши дни эти вещи регулируются правилами, которые известны всем и которым беспрекословно подчиняются. Сомнительно, чтобы даже посол тоталитарного государства пожелал устроить скандал по этому поводу.

II

Теперь я перейду к описанию самого процесса назначения дипломатического представителя. Как пример я возьму систему, принятую английским министерством иностранных дел.

Глава миссии уходит в отставку или его переводят на другой пост, и необходимо выбрать ему преемника. Теоретически выбор зависит исключительно от министра иностранных дел, но он будет руководствоваться мнением постоянных чиновников министерства. Прежде этот совет давал ему его личный секретарь, позднее нашли, что такая система нежелательна, и был создан небольшой комитет по назначениям, состоящий из старших чиновников. Если надо назначить кого-нибудь на пост большой важности, министр иностранных дел совещается с премьер-министром или даже со всем кабинетом. В Англии ничто не мешает министру иностранных дел назначить кого-нибудь, не состоящего в рядах профессиональных дипломатов. Среди удачных английских послов, достигших наибольших успехов, многие (например, лорд Брайс, лорд Д'Абернон, лорд Крю и лорд Дерби) не были дипломатами по профессии. В настоящее время имеется тенденция назначать людей извне только в исключительных случаях.

Выбрав подходящего человека, министр иностранных дел пишет личное письмо, предлагая пост. Всегда возможно, что избранный откажется, ссылаясь на слабое здоровье или на семейные обстоятельства. Английское министерство иностранных дел в таких случаях относится всегда внимательно к его желаниям. Если он согласится, необходимо получить «агреман» от той страны, в которую его думают послать. Обычно перед официальным запросом частным образом наводятся справки, будет ли данный человек расцениваться как persona grata[1] или нет. Если правительство, к которому обратятся с запросом, будет иметь какие-либо сомнения, оно попросит свое посольство прислать сведения о предлагаемом лице. Если последует отказ в агремане, это вызовет некоторое огорчение, и отвергнутый посол будет доволен тем, что у него было достаточно благоразумия не объявить своим друзьям о сделанном предложении.

Если агреман будет дан, то назначенный кандидат приедет в Лондон, чтобы сделать необходимые приготовления для своего отъезда. В былые времена посла или посланника, направляющегося на новый пост, снабжали письменными инструкциями, являвшимися важными государственными документами. Теперь, когда глава заграничной миссии может в любой момент связаться со своим правительством, этот обычай более не соблюдается. Все инструкции он получает устно во время беседы с главой соответствующего департамента и с министром иностранных дел. В министерстве иностранных дел он также может воспользоваться находящимися в министерстве иностранных дел годовыми отчетами его

предшественников и сведениями о выдающихся людях и членах дипломатического корпуса той страны, в которую его посылают. Изучение этих бумаг даст ему возможность перед отъездом познакомиться, хоть и поверхностно, с теми задачами, личностями и коллегами, с которыми ему придется столкнуться.

Затем он известит сотрудников своей будущей миссии о числе и часе своего приезда. Старая церемония парадного въезда в столицу теперь упразднена. В Персии до недавних времен принято было устраивать новому посланнику церемониальную встречу на границе, или «istiqbal», но теперь этот гостеприимный прием отменен, и по современному обычаю всякие церемонии откладываются до официальной аудиенции, на которой новый посол или посланник вручает свои верительные грамоты.

Предписанный в этих случаях церемониал в разных странах различен. В Испании до революции посол и его сотрудники двигались от посольства длинной вереницей парадных экипажей с королевской помпой. По прибытии во дворец они встречались придворными, которые через украшенные коврами коридоры вводили их туда, где их ждал король.

В Вашингтоне церемония менее декоративна. На своем собственном автомобиле посол приезжает в государственный департамент и оттуда в сопровождении государственного секретаря направляется в Белый дом. Они входят в Голубой зал, и государственный секретарь уходит, чтобы известить президента о их приезде. Затем входит президент в сопровождении секретаря. Посол произносит речь, президент отвечает. На этом церемония заканчивается.

Произнесенные в этих случаях речи носят чисто формальный характер, и упоминание в них о спорных вопросах считается нарушением этикета.

Вручив верительные грамоты, посол вступает в исполнение своих обязанностей. Он должен нанести визиты членам кабинета министров и своим коллегам по дипломатическому корпусу.

Пройдет много дней, прежде чем он, исполнив эти утомительные обязанности, сможет начать работать.

III

Вручение верительных грамот при приезде представляет собой церемонию гораздо более значительную и пышную, чем вручение отзывных грамот при отъезде, например, вполне обычно для посла переходить от одного поста к другому, не вручая отзывных грамот. В таком случае его преемник вручает их вместе со своими верительными грамотами.

Кроме нормального церемониала, которого придерживаются, когда полномочный представитель приезжает или отзывается, существуют некоторые правила, относящиеся к необычным слу-

чаям. Такой необычный случай произошел в конце 1792 г. между Питтом и французским посланником Шовленом. Верительные грамоты Шовлена были от имени Людовика XVI, и когда 10 августа этот монарх был свергнут, Шовлен остался в Лондоне, но был признан лишь агентом фактически существовавшего правительства в Париже. Тем не менее он продолжал посылать английскому правительству ноты как официальное лицо, и 10 декабря 1792 г. Питт велел лорду Гренвилю обратиться к Шовлену с резким напоминанием:

«Я получил, сэр, вашу ноту, в которой вы, именуя себя полномочным представителем Франции, сообщаете мне как королевскому министру иностранных дел инструкции, которые, как вы заявляете, вы получили от исполнительного комитета Французской республики.

Вы знаете, что после злополучных событий 10 августа король считал нужным прекратить все официальные сношения с Францией. Сами вы аккредитованы при короле от имени его христианнейшего величества. Предложение принять посланника, аккредитованного новой властью во Франции, является особым вопросом, который, когда он возникнет, король будет вправе решить согласно интересам его подданных, его достоинства и имея в виду его обязанности перед союзниками и перед всей европейской системой, поэтому я должен заявить вам, сэр, определенно и официально, что я признаю вас только как посланника его христианнейшего величества, а следовательно, вы не можете вести переговоры с министрами короля в том качестве и в той форме, которую вы употребили в вашей ноте».

Когда через три недели Людовик XVI был казнен, Шовлен был выслан из Англии.

Подобное затруднение также возникает, когда монарх присваивает себе звание, которого не признают другие страны. Так, когда Муссолини сделал итальянского короля императором Эфиопии, создалось дипломатически очень сложное положение. Предыдущий французский посол уже уехал, а его преемник де Сен-Кантен уже был назначен. Было ясно, что его не приняли бы в Риме, если бы он привез ненадлежащие верительные грамоты и в них не были бы полностью названы имя и титулы итальянского короля. Если бы слова «императору Эфиопии» были опущены, мсье де Сен-Кантену отказали бы в аудиенции; если бы оно содержало эти слова, это означало бы, что Франция официально признала захват Абиссинии. В течение многих месяцев этот вопрос не был разрешен, и до недавнего времени в Квиринале[2] Францию представлял поверенный в делах[3].

В случае смерти или отречения монарха необходимы новые верительные грамоты, но их обыкновенно вручают без особого церемониала. Смерть или отставка президента не влияют на действительность верительных грамот, врученных его предшественником.

Более сложная проблема возникает, когда власть, при которой полномочный представитель аккредитован, свергается революцией. Как я отметил, не существует особых правил относительно признания правительств, созданных революционерами

и инсургентами. Решение признавать или не признавать зависит от обстоятельств, хотя обычно следуют тому принципу, что революционное правительство не должно быть признано до тех пор, пока оно не установит более или менее прочное управление на достаточно большой территории. Действия английского правительства в таких случаях никогда не были одинаковы. Иногда признание откладывалось на долгое время, в других случаях признание de facto следовало почти немедленно. Случалось, что признание было условным; так, например, Великобритания признала Португальскую республику условно: если новый режим будет одобрен всеобщим голосованием. А иногда (как после греческого плебисцита 1924 г. или революции в Аргентине в 1930 г.) признание de jure давалось немедленно.

Часто бывает необходимо связаться с революционным правительством, тогда это делается через аккредитованного агента. Такие агенты не вручают верительных грамот, так как это было бы равносильно признанию, но министр иностранных дел снабжает их нотой, в которой говорится, что они уполномочены вести переговоры с местными властями на основании признания de facto.

Как ни сложно и даже иногда мучительно начало дипломатических сношений, разрыв их причиняет гораздо больше неприятностей. Окончание миссии может произойти по разным причинам, немногие из которых доставляют удовольствие. Во-первых, посол может сделать себя настолько неприемлемым для правительства, при котором он аккредитован, что оно потребует его отзыва. В таком случае он обыкновенно уезжает «в отпуск на неопределенное время». В крайнем случае ему «вручают паспорта» и предлагают немедленно покинуть страну, как это случилось с Шовленом и Булвером. Может даже случиться, что государство, при котором он аккредитован, перестает существовать, как Австрия перестала существовать в 1938 г. Может быть объявлена война. Бывает, что одно из правительств решает «разорвать дипломатические отношения». Это последнее средство не всегда является вступлением к войне; к нему обыкновенно прибегают для того, чтобы выразить глубокое возмущение каким-нибудь происшествием. Так, английский посланник был отозван из Белграда после убийства короля Александра и королевы Драги, и такой же дипломатический разрыв произошел, когда Гунарис и его министры были убиты полковником Пластирасом в ноябре 1922 г.

IV

Как только посол вручил верительные грамоты и нанес официальные визиты, он, как говорится, «приступил к исполнению своих обязанностей». Эти обязанности в основном распадаются на две категории: он докладывает своему правительству и ведет переговоры с правительством, при котором он аккредитован.

Его сообщения своему собственному правительству бывают различных типов. Во-первых, существует официальное сообщение, которое адресовано министру иностранных дел, имеет специальный номер и подписано главой миссии. Эти сообщения составляются по определенной форме. Они начинаются со слова «сэр» (или «милорд», если министр иностранных дел пэр) и обычно напоминают о предыдущем сообщении по этому же вопросу. Сообщения министра иностранных дел послу или посланнику за границей носят сходную форму, только слова окончания сообщения изменяются в соответствии с рангом лица, к которому обращаются. Письмо своему послу министр иностранных дел подписывает следующим образом:

«Я остаюсь, сэр, с искренним уважением,
ваш покорный слуга».

В прошлом к слову «покорный» прибавлялось еще слово «смиренный», но при лорде Керзоне это слово перестало употребляться. Письма к посланнику имеют то же окончание, но вместо слова «уважением» пишется слово «почтением». В посланиях поверенному в делах пропускаются слова «уважением» и «почтением», и строка оканчивается словами «искренне ваш покорный слуга».

По всем спешным делам посол может сноситься со своим правительством шифрованными телеграммами. Эти телеграммы также нумерованы. За последние годы телефон стал широко использоваться для дипломатической связи.

О второстепенных делах или о делах, имеющих лишь техническое значение, посол может докладывать в форме докладной записки (иногда такую докладную записку составляет за него один из его сотрудников).

Отчеты консулов и записи о маловажных делах посылаются в «печатном письме» и составляются в третьем лице.

Кроме таких официальных сообщений (которые регистрируются в министерстве иностранных дел и, если необходимо, печатаются для распространения среди министров и среди других заграничных миссий), принято писать частные письма на имя министра иностранных дел или на имя постоянного помощника министра. Возникало множество споров по поводу того, считать ли эту частную корреспонденцию собственностью государства или же тех, кто написал, или тех, кто получил ее. Когда лорд Солсбери ушел в отставку, он забрал с собой в Хайфильд всю свою частную переписку, после чего в министерстве получился большой беспорядок из-за пропусков в корреспонденции. Когда Эйр Кроу был вице-министром, он имел предубеждение против частной переписки и делал все, что мог, для ее упразднения. Все же в частном письме можно сказать много такого, что с трудом скажешь в официальном сообщении, и эта частная переписка, если ею не злоупотреблять, бывает очень полезна.

В своих сношениях с правительством, при котором он аккредитован, посол тоже должен пользоваться различными методами: во-первых, существует официальная нота, которая составлена и подписана по традиционной форме, во-вторых, существует вербальная нота, которая отличается от официальной лишь тем, что она не бывает подписана. Далее бывают меморандумы и памятные записки. Существуют также устные представления, которые могут иметь разную степень официальности—от демарша до случайного разговора на каком-нибудь приеме.

Те, кто не имеет дипломатического опыта, недоумевают, как посол проводит свое время и о каких вопросах он докладывает своему правительству. Может быть, обязанности посла станут более понятными, если я опишу типичные сутки в жизни посла.

Если он благоразумен, он с утра продиктует стенографистке в форме дневника запись о событиях и разговорах предыдущего дня. Затем он внимательно прочтет местные газеты и посоветуется со своим пресс-атташе о значении какой-нибудь статьи. К этому времени канцелярия должна расшифровать полученные за ночь телеграммы. Эти телеграммы, возможно, будут содержать инструкции или они могут просить сведений и совета по какому-нибудь вопросу. Он составляет ответы на эти телеграммы и, если надо, договаривается о свидании с министром иностранных дел или с его помощником. Письма и пакеты, пришедшие с утренней почтой, должны быть к этому времени распечатаны, зарегистрированы и рассортированы сотрудниками. Те, которые имеют отношение к военному, морскому, воздушному, коммерческому или финансовому атташе, должны быть переданы им для замечаний. Посол читает самые важные из сообщений и писем и дает соответствующие указания. Около двенадцати часов начинаются свидания. Может быть, какой-нибудь коллега придет посоветоваться с ним или какой-нибудь видный журналист попросит его дать интервью, какой-нибудь торговый магнат обратится за помощью, один из приехавших консулов придет с докладом или какой-нибудь соотечественник, тут живущий или путешествующий, придет за помощью или за советом. Бо́льшая часть времени посольств и миссий бывает занята разговорами с жалующимися соотечественниками.

Позднее посол, может быть, увидится с министром иностранных дел, и в таком случае сразу по возвращении, пока обстоятельства свидания еще свежи в памяти, он должен написать отчет своему правительству. Затем получаются новые телеграммы, после этого новые сообщения должны быть написаны или прочтены. В посольстве нет установленных часов работы и нет определенных дней отдыха. В спокойные времена может быть много часов для отдыха, во время кризиса каждый сотрудник готов работать день и ночь.

Каковы же темы всех этих докладов, переговоров и писем? Для примера возьмем посла какой-нибудь малой державы в Лон-

доне. Во-первых, будут некоторые дела, имеющие значение для его страны, относительно которых он будет вести переговоры с английским правительством. Может быть, его правительство хочет получить заем, или желает снижения пошлин на свой экспорт, или надеется на английскую помощь в Женеве, или просит, чтобы Великобритания сделала предостережение кому-нибудь из его соседей. Все это требует значительной переписки и многих бесед. Но, кроме этого, его правительство ожидает от посла сведений об основных тенденциях английской политики. От него ждут, например, информации о положении правительства в парламенте, о силе оппозиции, о конгрессе профессиональных союзов, об отношениях между премьер-министром и его коллегами, о выполнении английской программы вооружений, о настроении общественного мнения по отношению к другим державам, о положении с безработицей, о состоянии органов здравоохранения, о финансах, о снижении налогов, о прожиточном минимуме и о всех тех изменениях и событиях, которые должны помочь его правительству ознакомиться с условиями жизни и разными лицами в Великобритании, с тем чтобы оно могло опираться в своей политике на хорошее знание существующих фактов и на основательные предположения относительно будущего.

Светская жизнь полномочного представителя также имеет значение. Он должен держать себя в достойном его страны стиле. Он должен устраивать частые приемы, давать большие официальные обеды и балы и приглашать чиновников, коллег и деловых людей на неофициальные завтраки и обеды. Он должен устанавливать тесные связи с выдающимися и влиятельными людьми той страны, в которой он живет, проявлять живой интерес к местной промышленности, искусству, спорту и литературе, посещать различные районы государства, знакомиться с положением промышленности и сельского хозяйства и поддерживать тесный контакт с соотечественниками, разделяющими его изгнание.

Для всего этого нужно время.

V

Такова обычная жизнь и работа дипломата. Для более подробного разбора вопросов старшинства и этикета читатель отсылается к «Руководству по дипломатической практике» Эрнеста Сатоу. Чтобы закончить эту главу, мне остается только сказать несколько слов относительно метода работы конференций и конгрессов.

Приглашения на конференцию обыкновенно посылаются от имени правительства той страны, в которой будет происходить конференция. Это правило не всегда соблюдается. Приглашения на Алхесирасскую конференцию были разосланы от имени султана Марокко, несмотря на то, что конференция происходила в Испании.

Ранг посылаемых на конференцию делегатов и уполномоченных зависит от значения обсуждаемых вопросов. На больших исто-

рических конференциях большинство государств было представлено премьер-министрами или министрами иностранных дел. На небольшие конференции делегатом назначается обычно какой-нибудь дипломат. На конференции по техническим вопросам посылаются соответствующие специалисты.

Председателем конференции принято, хотя не всегда, выбирать старшего делегата той страны, в которой происходит конференция. Когда конференция происходит в стране, которая сама в ней не принимает участия, возникают некоторые трудности. Так, конференция в Лозанне в 1922/23 г. была открыта президентом Швейцарской федерации, который после этого покинул конференцию. Затем начались споры по поводу того, старший делегат какой страны—Англии, Франции или Италии—должен занять председательское место. Согласились на компромисс, по которому каждый из делегатов должен был председательствовать по очереди. Лорд Керзон обошел это соглашение, заявив, что оно относилось к пленарным заседаниям, а не к заседаниям комиссий. После этого он настоял на том, чтобы все дела разбирались в комиссиях, а так как он был председателем самой главной комиссии, он не занимал председательского места лишь на двух заседаниях.

Генеральный секретарь конференции обычно выбирается из числа чиновников той страны, на территории которой собирается конференция. Когда конференция происходит в нейтральной стране, генеральным секретарем часто бывает член французской делегации. Под его руководством работает аппарат, составленный из секретарей других делегаций. В обязанности секретариата входит планирование работы конференции, составление протоколов, а главное — подготовка и распространение разных материалов.

На важных конференциях, в которых участвует большое количество стран, принято сокращать количество пленарных заседаний до минимума. Обсуждаемые вопросы обыкновенно делятся на категории, и назначаются комиссии, состоящие из членов различных делегаций, которые рассматривают эти вопросы и отчитываются перед всей конференцией. Советы этих комиссий излагаются в надлежащей форме редакционной комиссией, состоящей из выдающихся юристов.

На Парижской мирной конференции был применен необычный и несколько резкий метод. «Главные союзные и ассоциированные державы» присвоили себе право управлять всей конференцией и образовали Совет десяти, в котором заседали первые и вторые делегаты каждой из пяти великих держав. Позднее нашли, что в этот совет входят недостаточно высокие лица, и руководство конференцией целиком перешло в руки Совета четырех, состоявшего из Клемансо, президента Вильсона, Ллойд Джорджа и Орландо. Меньшие страны приглашались только на пленарные заседания, которые были чрезвычайно редки.

На всех конференциях возникает сложный вопрос о взаимоотношении с прессой. Обычно перед окончанием каждого заседания конференция сговаривается насчет коммюнике, которое будет выпущено, тем не менее неизменно случается, что каждая делегация имеет корреспондентов, которым она особенно благоволит и которым она передает дополнительные и часто неточные сведения. Такая неудобная практика причиняет много волнений и раздражения.

После того как конференция добилась соглашения, окончательные результаты включаются в договор, соглашение, конвенцию или протокол, которые подписываются и скрепляются печатями делегатов. Затем договор передается на хранение в министерство иностранных дел той страны, где он был подписан. Туда же должны сдаваться ратификационные грамоты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Persona grata* (персона грата) — латинское выражение, обозначающее приемлемое лицо, лицо, пользующееся доверием (см. также в словаре дипломатических терминов, стр. 138).

[2] *Квиринал*—дворец итальянского короля. Употребляется для обозначения итальянского королевского двора.

[3] В ноябре 1938 г. новый французский посол в Риме Франсуа Понсе вручил верительные грамоты, в которых итальянский король именовался также императором Абиссинии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

Английская система. — Происхождение организованной дипломатической службы.—Реформы, проведенные от Питта до Грея.—Система назначения.—Имущественный ценз.—Что должен предпринять каждый, чтобы быть принятым.—Рекомендации.—Комиссия по отбору.—Экзамены.—Должности и оклады на дипломатической службе.—Разница между английскими и иностранными методами.—Немецкая, французская и американская системы.—Консульская служба.—Вопрос о слиянии всех частей в единую систему.—Доводы в пользу такого слияния.

I

В предыдущих главах я показал, что с ростом отношений и связей между государствами оказалось нужным вести международные сношения в определенном порядке и поручить выполнение этого порядка постоянному аппарату, состоящему из профессиональных переговорщиков. Теперь этот аппарат называется дипломатической службой или иностранной службой. В настоящей главе я намерен рассмотреть, каким образом английская дипломатическая служба стала особой профессией, по каким правилам происходит набор в эту профессию, каково ее внутреннее устройство. Я намерен также сравнить ее с американской, французской и немецкой системами.

До Венского конгресса 1815 г. в Великобритании не существовало признанной дипломатической службы. «Когда я поступил на дипломатическую службу,—говорит лорд Стрэтфорд-де-Редклиф,—она, собственно говоря, еще не существовала». В XVIII веке было только два государственных департамента: северный и южный. Эти департаменты занимались, правда очень несистематично, внешними и внутренними делами. Когда Питт стал премьер-министром, у него в канцелярии было два помощника секретаря и девять чиновников, но обязанности их были столь же разнообразны, как те, которые лежат теперь на секретариате премьер-министра. В 1782 г. северный департамент стал иностранным департаментом, и в 1790 г., когда этот департамент был переведен на Даунинг-стрит, было положено начало министерству иностранных дел. Был назначен постоянный помощник министра с окладом в 1 500 фунтов стерлингов в год. Ему помогали главный клерк, два

старших клерка, девять младших клерков, секретарь по латинскому языку и расшифровщик писем. В 1822 г. этот аппарат был увеличен и были сделаны первые шаги к тому, чтобы создать штат чиновников, посылаемых в заграничные миссии.

До этого посол обыкновенно сам набирал себе сотрудников из числа молодых людей, которые были ему лично рекомендованы, вроде того как в наше время вице-король выбирает себе адъютантов. Государство не платило этим молодым людям денег, но в исключительных случаях им выдавалось денежное пособие из личного жалованья посла. Они жили и питались в посольстве и составляли то, что тогда называлось «семьей посла».

Такая система подбора продержалась до конца XIX века. Во времена царствования Виктории часто можно было встретить секретаря посольства, работающего совершенно бесплатно даже после 16 лет службы. Даже еще в 1918 г. молодой человек, поступающий на дипломатическую службу, должен был ручаться, что в течение первых двух лет он будет иметь собственного дохода не менее 400 фунтов стерлингов в год. Одним из важнейших предложений комитета Макдоннела в 1914 г. было упразднение этого условия, и когда в 1920 г. размер окладов был увеличен, с тем чтобы младшие дипломатические сотрудники имели возможность прожить, не имея собственного состояния, началась демократизация дипломатической службы.

Первоначально назначение и выбор атташе в английской дипломатической службе были полностью в руках министра иностранных дел. Единственными условиями было владение доходом не меньше 400 фунтов стерлингов в год и двухмесячный срок испытания в министерстве иностранных дел. В 1856 г. Кларендон ввел вступительный экзамен с высокими требованиями по французскому языку и чистописанию. При лорде Гренвиле вступительный экзамен стал конкурсным. В 1871 г. комитет по отбору предложил, чтобы кандидаты на дипломатическую службу держали экзамен только по чистописанию, при условии, если они имели диплом Оксфорда или Кембриджа[1]. Это предложение принято не было. В 1905 г. лорд Ленсдаун изменил всю систему поступления на службу, постановив, что кандидаты на службу в министерстве или за границей должны выдержать обычный экзамен для поступающих на гражданскую службу, но с высокими требованиями по французскому и немецкому языкам. Дальнейшая реформа была проведена лордом Греем в 1907 г., когда он передал дело назначения кандидатов на должности из рук личного секретаря в руки комиссии по отбору, в которой были представлены различные учреждения. До 1918 г. министерство иностранных дел и дипломатическая служба за границей считались разными организациями, и каждый должен был выбирать, в которую из двух он желал попасть. В июле 1918 г. лорд Сесиль сообщил палате общин, что в будущем эти две части будут слиты в одну организацию, которая

будет называться иностранной службой. Он также заявил, что имущественный ценз будет отменен.

Таковы главные изменения, внесенные в английскую иностранную службу со времен Питта. Теперь остается рассмотреть, каковы были причины этих перемен.

II

Из вышеуказанного видно, что до 1918 г. молодой человек не мог поступить на английскую дипломатическую службу, если он не удовлетворял трем условиям: 1) не гарантировал собственного дохода в размере 400 фунтов стерлингов в год, 2) не получил разрешения держать экзамен и 3) не выдержал экзамена. Первое условие теперь упразднено, однако разрешение на экзамен и сам экзамен (хотя в сильно измененном виде) остаются.

Первым делом рассмотрим систему разрешения держать экзамен. При системе, существовавшей во времена лорда Кларендона, сам экзамен имел меньшее значение, чем разрешение его держать. Многие говорили, что такая система ведет к непотизму[2] и что она недопустима в наши дни, тем не менее она имеет свои достоинства. Во-первых, министр иностранных дел, перед тем как дать разрешение на экзамен, старался установить, является ли данный молодой человек подходящим для дипломатической карьеры и будет ли он достойным представителем своей страны. Во-вторых, получив разрешение и выдержав конкурсный экзамен, он принимался на службу только как атташе на испытании. Хотя система разрешений могла привести к фаворитизму, а экзамены были чистой формальностью, этот испытательный период выяснял многое. Под конец этого срока, после постоянного наблюдения, глава миссии мог сообщить свое мнение, может или не может данный атташе быть принят полноправным членом профессии. Процент непринятых был высок, и эта система постепенного отсеивания дала Великобритании ее превосходных послов периода с 1880 до 1910 г.

Введенная лордом Гренвилем конкурсная система не была на практике лучше старой. Старая система разрешений держать экзамен оставалась в силе, экзамен же вместо простой формальности стал чрезвычайно ощутимой реальностью, но как экзамен он был плохо задуман. Высокие требования предъявлялись по французскому, немецкому, итальянскому и испанскому языкам и по географии. Таким образом, для любого молодого человека, надеявшегося одержать верх над своими конкурентами (в числе которых могли быть лица смешанного происхождения, а следовательно, двуязычные), было необходимо после окончания школы провести какие-нибудь четыре года на континенте. В свободное от жизни в иностранных семьях и пансионах время он должен был зубрить географию в заведении какого-нибудь мистера Скунса. Не все плоды этой системы были полезны государству. Бывало,

что эти молодые люди были чрезвычайно искусными лингвистами, но не знали ничего больше. И это не все. При старой системе было легко отделаться от испытуемых, так как назначение их на пост атташе делалось в виде одолжения; теперь стало гораздо труднее после испытательного периода отказать молодому человеку, потому что он потратил много лет на подготовку к трудному конкурсному экзамену.

По этим причинам лорд Ленсдаун в 1905 г. настоял на том, чтобы кандидаты держали обычный государственный экзамен плюс особый экзамен по французскому и немецкому языкам. Сократив количество языков и настояв на обычном государственном экзамене, он извлек молодых кандидатов из флорентийских семей и малагских пансионов для более полезных занятий в английских университетах. Это было несомненным шагом вперед.

Кому разрешается держать экзамен, остается вопросом до сих пор. Кандидат, желающий поступить на дипломатическую службу, перед тем как держать экзамен, все еще должен являться комиссии по отбору. Эта комиссия не состоит исключительно из членов дипломатической службы, а имеет в своем составе членов парламента от всех партий, представителя от комиссии по государственной службе и представителя от армии и флота. В своем выборе члены этой комиссии не руководятся общественным положением или личным обаянием кандидата; их единственная цель—выбрать молодых людей, обладающих, по мнению комиссии, такими качествами, которые могут быть полезны в современных дипломатических сношениях. Бесспорно, однако, что многие кандидаты, которые хотели бы пройти через комиссию, чтобы держать потом экзамен на дипломата, отказываются от этого благодаря легенде, что их будут судить только по их светскому лоску и происхождению. Пройдет много лет, прежде чем эта легенда исчезнет.

III

Какие, следовательно, практические шаги должен предпринять молодой человек, если он пожелает поступить на английскую дипломатическую службу?

Прежде всего он должен уяснить себе, что конкурс для поступления большой и что у него мало надежды на успех, если его знания не будут на уровне университетского диплома с отличием. Репетиторские заведения Англии и дансинги на континенте переполнены молодыми людьми, которые заявляют, что они готовятся поступить на дипломатическую службу. Родители этих молодых людей должны понять, что они имеют мало надежды на успех по сравнению с соперниками, окончившими с отличием Оксфорд и Кембридж. Они просто-напросто теряют драгоценное время.

Но если прилежный и способный юноша действительно решил попасть на дипломатическую службу, он первым делом должен

написать секретарю комиссии по государственной службе (Берлингтон-гарденс, Лондон) и попросить прислать ему правила, регулирующие прием заявлений и сдачу экзаменов. В ответ он получит пачку четких инструкций, объясняющих все, что надо делать. Его родители, не зная о произведенных переменах, наверное, будут думать, что, как только он покинет школу, он должен погрузиться в изучение иностранных языков. Но это—опасное заблуждение. Необходимые знания по французскому и немецкому языкам могут быть приобретены любым способом достаточно прилежным молодым человеком, если только он будет проводить во Франции и в Германии свои летние каникулы и около шести месяцев проживет там после окончания школы. Важно, чтобы его знания по предметам, которые он будет сдавать на экзамене, были на уровне знаний студента, окончившего университет с отличием. Ему трудно будет достичь этого уровня, не получив высшего образования, а кроме того, сомнительно, чтобы министерство иностранных дел и экзаминаторы одобрили молодого англичанина бульварного или итальянизированного типа.

Среди многих бумаг, которые получит желающий держать экзамен, будет бланк заявления о приеме. Этот бланк надо заполнить и отослать секретарю комиссии по гражданской службе не позже 1 марта того года, когда подающий заявление желает предстать перед комиссией по отбору. Послав это заявление, претендент должен просить допустить его на ближайшее заседание комиссии по отбору. От него потребуют обычные сведения относительно его возраста, национальности, образования и т. д. Он также должен представить две рекомендации, исходящие от лиц, не являющихся ни родственниками, ни лицами, связанными с его школой или его университетом.

Иногда эта процедура с рекомендациями причиняет неприятности претенденту и его родителям. Старая легенда о том, что рекомендация двух герцогов благосклонно настроит комиссию, сильно огорчала претендента, его родителей и обоих герцогов. Лучшей рекомендацией будет рекомендация мужчины или женщины, чье имя известно комиссии как имя здравомыслящего человека с политическим опытом. Для кандидата будет лучше, если рекомендация будет исходить от малоизвестного человека, который честно заявит, что он знает кандидата много лет, чем от человека, который скажет: «Этот молодой человек—сын одного из моих влиятельнейших приверженцев в избирательном округе», а рекомендации с громкими, сенсационными именами вообще не годятся.

После отсылки заявления кандидат будет (или не будет) уведомлен, что он должен явиться на заседание комиссии в такой-то час в первый вторник мая. Он во-время прибудет в Берлингтон-гарденс. Капли пота выступят у него на лбу. Он должен запомнить несколько несложных правил. Он должен понять, что комиссия

состоит из гуманных и опытных людей, которые прекрасно знают, что он проходит через серьезное испытание и что он чувствует себя неловко. Он должен всячески избегать жеманства, неискренности, претенциозности и пахучей головной помады. Он не избавится от волнения, а скромная застенчивость ему не помешает. Ему будут задавать не трудные, а легкие вопросы. Он должен отвечать на них как можно проще, избегая всяких эпиграмм и афоризмов. В особенности он должен иметь в виду, что цель этого свидания— установить, является ли он честным человеком с характером и со здравым смыслом. Если он будет держаться этих правил, он, вероятно, получит разрешение держать экзамен, или, как теперь говорят, он будет допущен к конкурсному экзамену для назначения в министерство иностранных дел и на дипломатическую службу.

Первым вопросом, который затем возникнет, будет вопрос о возрасте. Молодой человек может явиться перед комиссией в любой май после того как ему исполнилось 19 лет. Однако ему не разрешат держать экзамен, если он будет моложе 21 и старше 25 лет. Благоразумно явиться перед комиссией как можно раньше, так как в случае отказа необходимо возможно скорее избрать другую профессию. Люди, родившиеся неанглийскими подданными, или женатые, или с очень слабым здоровьем не могут надеяться на успех.

Обычно экзамены происходят ежегодно в августе, и будет лучше, если кандидат явится в первый август после того как ему исполнится 21 год. Если он провалится, у него будет возможность явиться еще два раза, прежде чем он станет непригоден по возрасту. Среди бумаг, которые он получит от комиссии по государственной службе, будет перечень экзаменов и отметок, которые можно получить по каждому предмету. Сдача некоторых предметов обязательна. Каждый кандидат должен экзаменоваться по французскому и немецкому языкам, по какому-нибудь периоду новой истории и по элементарной экономике. Он должен держать испытания по английской литературе и грамматике, ему придется также писать сочинение на какую-нибудь общую тему. Очень важной частью экзаменов является устный экзамен, за который ставится до 400 отметок. Это фактически то, что американцы называют «испытанием личности».

Кроме этих обязательных, кандидат имеет большой выбор других предметов. Он с самого начала должен понять, что эти испытания так составлены, что в общем совпадают с университетской программой. Он, несомненно, будет держать экзамены на дипломатическую службу по тем же предметам, что и в университете, будь то история, античные языки, математика или новые языки. Вследствие этого высшее образование, казалось бы, является почти необходимым условием успеха. Но это преувеличение. Очень способный и усидчивый молодой человек может добиться успеха на экзаменах, не побывав ни в одном университете Англии,

Шотландии и Уэльса, но ему придется соревноваться с другими кандидатами, имеющими все преимущества высшего образования, и ему будет тяжело. После того как кандидат успешно прошел по конкурсу, он должен перед окончательным принятием явиться на медицинский осмотр. Это испытание не окажется непреодолимым для любого юноши с неплохим здоровьем. Как только он получит медицинское свидетельство, он может считать себя на дипломатической службе. Личный секретарь министра иностранных дел сообщит ему, когда и куда он должен будет направиться.

Старая должность атташе, на которой начинающий сотрудник работал бесплатно в течение двух лет, теперь упразднена. Успешно выдержавший экзамены кандидат теперь поступает сразу третьим секретарем с соответствующим окладом. Работая на родине, он будет получать от 275 до 625 фунтов стерлингов в год. Служа за границей, он с самого начала будет получать 300 фунтов стерлингов плюс заграничное пособие, размер которого изменяется в зависимости от места жительства. Это пособие колеблется от 150 до 450 фунтов стерлингов для холостяка и от 300 до 650 фунтов стерлингов для женатого. Его квартира также будет оплачена, государство берет на себя также часть расходов по приобретению мундира.

После пяти лет третий секретарь производится во вторые секретари, но при этом его жалованье и пособие не повышаются. Далее в определенные сроки он будет переходить от должности к должности через ранги первого секретаря, советника, посланника или помощника министра, пока не станет послом. Уходя в отставку, он получит соответствующую своему рангу пенсию.

IV

Методы набора, приема и назначений не одинаковы во всех странах.

В Германии дипломатическая и консульская служба считается одним целым. Кандидаты принимаются на одинаковых условиях и держат одинаковые экзамены. Таким образом, человек проводит часть своей карьеры в дипломатических миссиях, а часть—как сотрудник консульства или генерального консульства. Кандидат на дипломатическую службу в Германии должен пройти несколько испытаний. Во-первых, он должен выдержать трудный экзамен по французскому и английскому языкам. Затем его берут на год для испытания в министерство иностранных дел. Через год ему устраивают еще один экзамен. Если он успешно выдержит и этот экзамен, его посылают (опять для испытания) в посольство или консульство за границу. Затем он возвращается в Берлин, и после напряженной трехмесячной подготовки его экзаменуют по международному праву, по экономике и по истории. И только тогда он получает звание атташе.

Во Франции—еще более сложная система, установленная в 1875 г. Там существует два типа экзаменов, которые известны как большой конкурс и малый конкурс.

Тот, кто из двух экзаменов выдержал более сложный, поступает на дипломатическую службу как атташе или становится заместителем консула. Выдержавший лишь более легкий экзамен становится атташе консульства. Разница между этими двумя типами консулов та, что первые сразу становятся консулами третьего класса, вторые должны прослужить определенное время на должности вице-консула.

Французская система отличается от английской тем, что разрыв между дипломатической и консульской службой не так велик. Единственная разница между ними в том, что продвижение происходит быстрее для тех, кто выдержал большой конкурс, чем для выдержавших малый конкурс, но все же талантливый человек, начавший свою карьеру как атташе консульства, может достичь вершины ее. Альфан, теперешний французский посол в Берне, например, начал свою карьеру, выдержав малый конкурс.

Большой конкурс—мучительное испытание. Он тянется два месяца и ведется по системе отсеивания. Первый экзамен, по английскому и немецкому языкам, имеет очень большое значение. На этом этапе кандидата экзаменует комиссия, состоящая из профессоров университетов под председательством какого-нибудь советника посольства или генерального консула.

Если кандидат успешно проходит этот первый этап, он вступает во второй, который называется профессиональным испытанием. Теперь он обязан явиться перед комиссией, состоящей из пяти членов французской дипломатической службы, написать сочинение и переложение и побеседовать с каждым членом комитета не менее десяти минут. Если он пройдет это испытание, он должен держать окончательный экзамен, который принимает комиссия из профессоров под председательством посла. На этот раз его экзаменуют по истории, географии и международному праву. Экзамен по этим предметам и устный и письменный. Обыкновенно конкурс очень велик: 50—60 кандидатов на пять-шесть мест.

Система, которой в настоящее время придерживаются в США, еще более интересна. В былые дни, перед тем как Америка стала мировой державой, было принято раздавать дипломатические посты в награду за политические услуги. На важнейшие посты всегда назначались знающие, солидные люди, но часто случалось, что какая-нибудь незначительная миссия доставалась политику, чье умственное развитие и поведение не соответствовали достоинству США. И это было не единственным недостатком системы «добыча—победителю»[3]. Считалось, что все политические назначения были лишь подарками президента, поэтому они должны быть возвращены при новом президенте. Это означало, что каждые

новые выборы приносили с собой полную перемену всего дипломатического аппарата. Таким образом получалось, что американская дипломатическая служба была наполнена любителями, которые при встрече с профессионалами попадали в неблагоприятное положение. Вопиющая негодность этой системы привела к тому, что американское общественное мнение потребовало реформы, с тем чтобы была создана профессиональная дипломатическая служба с постоянными чиновниками. Это требование было осуществлено в мае 1924 г., когда был проведен закон по реорганизации американской иностранной службы.

Этот закон сливал в одну организацию дипломатическую и консульскую службу с расчетом на то, что служба эта привлечет многих честолюбивых молодых людей. В настоящее время практикуются переходы чиновников из консульской в дипломатическую и наоборот, но на практике такие переходы случаются чаще всего на низших ступенях службы.

Количество политических назначений снизилось. Из существующих 17 американских посольств девять возглавляются дипломатами по карьере, которые прошли все стадии профессии, одно в настоящее время (сентябрь 1938 г.) пустует и семью руководят лица, назначенные в награду за политические услуги. Из 39 американских дипломатических миссий две пустуют, а из остальных 37 половина возглавляется дипломатами по карьере и половина—назначенными по политическим причинам.

Набор для американской дипломатической службы производится просто. Любой молодой человек имеет право подать заявление о приеме, но это совсем не значит, что он будет допущен к экзамену. Государственный департамент собирает о нем подробные сведения и рассматривает его школьные и университетские отметки. Если они оказываются неудовлетворительными, тогда разрешение держать экзамен не дается. В настоящее время требования на экзаменах очень высоки, и успех немыслим без высшего образования.

V

В Великобритании молодые люди, которые думают, что они не смогут попасть по конкурсу на дипломатическую службу или в министерство иностранных дел, но которые тем не менее желают заняться какой-нибудь работой за границей, могут попытаться поступить на консульскую службу или в департамент заморской торговли в качестве младших чиновников.

В таком случае они должны предпринять приблизительно те же шаги, как и поступающие на дипломатическую службу. Они должны послать заявление секретарю комиссии по государственной службе в Берлингтон-гарденс и внимательно изучить бумаги, которые он им пришлет. Затем им придется пройти три этапа: одобрение комиссией по отбору, конкурсный экзамен и медицин-

ский осмотр. Кандидатам на консульскую службу на экзамене предъявляются меньшие требования, но медицинский осмотр у них строже. Кроме того, условия работы, оклады и пособия там и тут не одинаковы.

Обязанности консульского чиновника не те, что дипломата. Его работа в основном носит коммерческий и правовой характер. Он обязан сообщать о событиях в торговом мире, а также оказывать помощь и давать сведения английским купцам. Бо́льшая часть его времени занята помощью английскому судоходству и английским морякам на основании закона о торговом мореплавании и закона о страховании. Ему приходится регистрировать рождения, смерти и браки и заниматься трудным и даже мучительным вопросом о возвращении на родину оказавшихся в тяжелом положении английских граждан.

Во время режима капитуляций консулам приходилось исполнять судебные обязанности. В настоящее время эти обязанности мало-помалу сокращаются. Но почет, который в восточных странах окружает имя консула, еще не исчез, и во многих случаях умный и энергичный консульский чиновник может доставить своим начальникам важные политические сведения.

Английская консульская служба—одна из самых лучших в мире. В прошлом были жалобы на то, что сотрудники наших консульств не оказывали своим соотечественникам такой же энергичной поддержки, как их американские и немецкие коллеги. Критики теперь стало меньше, главным образом потому, что департамент заморской торговли, действуя через коммерческих советников в посольствах и миссиях, значительно оживил работу консульств.

В Англии невозможен перевод чиновников из консульской на дипломатическую службу, и наоборот; в действительности между ними имеется большой разрыв. На мой взгляд, это—серьезная ошибка. Время от времени выдвигались проекты и схемы, по которым вся иностранная служба должна была бы стать одной большой организацией с одинаковыми правилами приема, экзаменов и повышения, но до сих пор ни одно из таких предложений не было проведено в жизнь. Существуют два основных препятствия для реформы: финансовый вопрос и заинтересованность определенных лиц в сохранении старой системы. Финансовый вопрос, в особенности урегулирование окладов, очень сложен, но он несомненно мог бы быть разрешен, если бы министерство финансов осознало необходимость слияния. Другой вопрос также имеет значение, но все же его сложность значительно преувеличена. Обычно заявляют, что несправедливо уравнивать человека, потратившего много времени и денег для того, чтобы пройти через дипломатический экзамен, с человеком, который не сделал подобных усилий и не потратил столько денег. Это—важный довод, но он не является решающим.

При настоящей английской системе консулы очень редко достигают дипломатического ранга. Правда, бывали случаи, когда исключительно способные люди консульской службы были назначены послами, но такие назначения редки и скорее являются исключением. Я уверен тем не менее, что для иностранной службы в целом это слияние принесет только пользу. И вот по каким причинам.

Основная слабость английской дипломатической службы, так же как и министерства иностранных дел, в том, что на высших постах скопились люди, которые, хотя они и не делали серьезных ошибок и отличались правильными суждениями и энергией, не подходят для ответственных постов. Конечно, трудно освободиться от этих людей, не причиняя неприятностей вполне достойным людям, но, с другой стороны, наличие большого количества старших чиновников закрывает все пути к повышению и побуждает более честолюбивых людей бросать службу, когда они еще молоды. Правда, эта тенденция часто преувеличивается посторонними наблюдателями, которые уверяют, что все самые способные люди уходят. Это неверно. Но все же остается фактом, что самые пассивные члены дипломатической профессии приобретают уверенность, что в конце концов они получат высокий пост, если только будут избегать ошибок. Также несомненно, что более активные люди приходят в уныние при виде длинного списка старших кандидатов на каждый из высших постов.

В то же время консульская служба слишком бесперспективна и не представляет достаточных возможностей для повышения. За последние 20 лет положение значительно улучшилось, и теория, что консульские чиновники во всех отношениях стоят ниже дипломатических чиновников, я рад думать, в основном исчезла. Но недостатки остаются. По моему мнению, эти недостатки могут быть полностью устранены, если обе службы будут слиты в одну.

С одной стороны, у нас будет большее количество должностей для удовлетворения почтенных бездарностей и в то же время больше постов для поощрения инициативы среди молодых. Вместо того чтобы вознаграждать какого-нибудь инертного советника постом посланника, станет возможным присвоить ему почетную должность генерального консула, а инициативные и энергичные вице-консулы не будут связаны исключительно консульской службой и смогут работать с надеждой стать послом в какой-нибудь большой стране. Такой обмен даже среди низших чинов приведет к улучшению работы. Если бы я провел два года вице-консулом в Адане [4], я несомненно изучил бы Турцию гораздо лучше, чем на должности третьего секретаря посольства в Константинополе, а если бы вице-консул в Адане прожил один год в Константинополе на положении члена посольства, он стал бы лучше разбираться в политических и общественных вопросах.

Никакие доводы не разуверят меня в том, что слияние двух служб принесет большую пользу для обеих. Но при этом я поста-

вил бы одно условие. Преимущество старой дипломатической службы было в том, что те, кто ведал назначениями, имели возможность (ввиду немногочисленности состава) близко ознакомиться с личными качествами каждого подчиненного. Ясно, что если аппарат будет увеличен слиянием, этот метод личной оценки будет менее надежным и более случайным. Станет необходим какой-то процесс отсеивания. С этой целью я предложил бы создать какое-нибудь учреждение вроде высшей школы. Тогда молодые чиновники слитой или объединенной иностранной службы после, например, восьми лет работы должны будут решить, хотят они поступить в эту школу или нет. Предполагается, что только лица, прослушавшие курс в этой школе, будут иметь возможность занимать высшие посты. Курс должен быть составлен так, чтобы увеличить политические и экономические знания слушателей. Таким образом выделится отборная часть всего аппарата, из которой совершенно беспристрастно будут выбираться люди на высшие должности. Но так как человечество несовершенно, возможно, пройдет много лет, прежде чем необходимые реформы будут осуществлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Оксфорд* и *Кембридж*—старейшие английские аристократические университеты.

[2] *Непотизм* (от итальянского nepote—племянник)—обозначение порядка, при котором многие папы римские давали своим родственникам и близким возможность занимать наиболее доходные места.

[3] О системе «*добыча—победителю*» см. прим. 3 к гл. VI, стр. 92.

[4] *Адана*—главный город одноименного округа в Турции, узловой пункт Багдадской железной дороги.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Выражение «дипломатический язык» предполагает сдержанность и осторожность.—Преимущества и недостатки дипломатического языка.—Латинский язык как первый общепринятый язык дипломатии.—Постепенное вытеснение его французским.—Более ограниченное пользование французским языком после войны.—Качества, сделавшие его подходящим для дипломатических разговоров.—Дипломатические выражения, которые становятся устарелыми.—Словарь наиболее употребительных дипломатических терминов.

I

Выражение «дипломатический язык» употребляется для обозначения трех различных понятий. Во-первых, оно означает самый язык (будь то латинский, французский или английский), который употребляется дипломатами в устных и письменных сношениях. Во-вторых, оно обозначает те технические фразы, которые в течение веков стали частью обычного дипломатического словаря. И в его третьем и самом обычном значении оно употребляется для обозначения тех сдержанных, осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в вежливом и мягком тоне.

Я намерен начать настоящую главу разбором последнего значения, а затем вкратце рассмотреть тот язык, который употребляется дипломатами.

«Дипломатия,—по определению Эрнеста Сатоу,—это приложение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами различных независимых государств». Необходимость разумности очевидна, но не меньшая необходимость такта сплошь и рядом забывается. Эта последняя необходимость заставила дипломатов ввести в обращение бумажные деньги условных фраз вместо звонкой монеты обычного человеческого разговора. Эти фразы, как бы мягки они ни казались, имеют определенную валютную ценность.

Так, если политический деятель или дипломат заявляет другому правительству, что его правительство «не может безразлично относиться» к какому-нибудь международному конфликту, он при этом совершенно ясно подразумевает, что его правительство непременно вмешается в этот конфликт. Если в ноте или в речи он употребляет такие слова, как «правительство его величества

смотрит с беспокойством» или «с глубоким беспокойством», тогда ясно, что речь идет о вопросе, по отношению к которому английское правительство намерено занять решительную позицию. Посредством таких осторожных выражений политические деятели имеют возможность без прямых угроз сделать серьезное предостережение иностранному государству. Если на эти предостережения не обратят внимания, он сможет подняться на следующую ступень, сохраняя все время вежливый и примирительный тон. Если он говорит: «В таком случае правительство его величества будет вынуждено пересмотреть свою позицию», он намекает на то, что дружба в любой момент может превратиться во вражду. Если он говорит: «Правительство его величества считает необходимым сохранить за собою право...», он в действительности заявляет, что «правительство его величества не позволит...» Выражение «в таком случае мое правительство будет вынуждено позаботиться о своих собственных интересах» или «оставляет за собой свободу действий» дает понять, что предполагается разрыв сношений. Если он предупреждает иностранное правительство, что определенные действия с его стороны будут рассматриваться как «недружелюбный акт», эти слова надо расшифровывать как угрозу войны. Если он говорит, что «он не может отвечать за последствия», это значит, что он готов вызвать инцидент, который приведет к войне. Если он потребует, даже в самых вежливых тонах, ответа до «шести часов вечера 25-го числа», тогда его слова надо рассматривать как ультиматум.

Преимущество такой условной формы переговоров в том, что она сохраняет атмосферу спокойствия и дает возможность политическим деятелям делать друг другу серьезные предупреждения, которые вместе с тем нельзя ошибочно истолковать. Ее недостаток в том, что народ, а иногда и сами политические деятели не знают точного смысла этих дипломатических выражений. С одной стороны, случайное или неосторожное употребление одной такой фразы может дать серьезный оборот какому-нибудь незначительному вопросу, а с другой—когда нарастает действительно опасный кризис, народ может подумать ввиду мягкости употребляемых слов, что положение вовсе не так серьезно, как воображают «распространители тревожных слухов».

Только в редких случаях эта сдержанность и это употребление дипломатических двусмысленностей приводит к настоящим недоразумениям. Я, помню, читал до войны письмо какого-то генерального консула, в котором он сообщал в министерство иностранных дел, что один из подчиненных ему вице-консулов, «к моему великому сожалению, не обращает должного внимания на советы лечащих его врачей». На самом деле несчастный человек находился в состоянии delirium tremens, т. е. допился до «белой горячки».

Такие преувеличения, конечно, необычны, и во всех важных международных спорах каждое слово этих условных фраз тща-

тельно обсуждается. Можно определенно сказать, что преимущества изложения посланий между правительствами и важных деклараций по вопросам внешней политики дипломатическим языком далеко превышают возможные недостатки этой системы.

II

До XVIII века всеобщим языком, или lingua franca [общий язык], дипломатии был латинский. Дипломаты не только переписывались, но и говорили по-латыни. Такие договоры, как Вестфальский 1648 г., англо-датский 1670 г. и англо-голландский договор 1674 г., все были написаны и подписаны по-латыни, и таков был общепринятый обычай. В течение XVIII века французы неоднократно пытались добиться принятия их языка в качестве языка дипломатии, другие державы упорно этому сопротивлялись. Так, хотя договор 1748 г. в Экс-ла-Шапель [Аахен] составлен по-французски, в него вставлен специальный параграф, гласящий, что это не должно было создать прецедента. Подобные оговорки, по настоянию остальных подписавшихся держав, были вставлены в Парижский договор 1763 г., в Версальский договор 1783 г. и даже в Заключительный акт Венского конгресса.

Несмотря на эти оговорки, к середине XVIII века французский язык прочно утвердился как официальный язык дипломатии. На Венском конгрессе 1815 г. и на Парижском конгрессе 1856 г. вся работа велась исключительно на французском языке. Только на Парижской конференции 1918/19 г. английский язык был приравнен к французскому: «Настоящий договор,—гласит статья о ратификации Версальского договора,—и французский и английский текст которого действителен...» Именно эта статья положила конец утверждениям французов, что их язык является официальным языком всех переговоров.

Пожалуй, это было неминуемо. Было ясно, что верховенство французского языка давало французским дипломатам превосходство над их коллегами. В прежнее время, когда дипломаты всех стран должны были быть почти двуязычными, это преимущество не было столь существенным, но с появлением демократической дипломатии, когда переговоры часто стали вестись выбранными представителями народа, стало практически невозможно в дипломатической практике говорить по-французски. Эдуард Грей, например, едва говорил по-французски, хотя заявлял, что он мог все понимать. Президент Вильсон и Ллойд Джордж не были лингвистами, и в результате стало возможным для представителя каждой страны, если он этого желал, говорить на родном языке, после чего его слова переводились. Этот обычай был не так неудобен, как многие думают. Квалифицированный переводчик может перевести заявление или речь с большой четкостью и быстротой; профессор Манту, который переводил на Париж-

ской конференции, был почти гениален в этом отношении. Возникающая при этом задержка только наруку участникам конференции, так как, уловив общий смысл предшествующих замечаний, они имеют возможность обдумать свой ответ.

Но французский язык был господствующим не только на конференциях и конгрессах. До Версальского договора обычные дипломатические сношения велись почти исключительно на этом языке. Только Дальний Восток, где господствовал английский язык, был исключением из этого правила. В Европе вся процедура с нотами, меморандумами и заявлениями, все разговоры, официальные и в обществе, велись на французском языке. На русской дипломатической службе в царские дни многие русские послы употребляли французский язык в переписке со своим правительством. И по сегодняшний день принято считать французский язык общепринятым средством дипломатических сношений в Европе [1].

Некоторым образом приходится сожалеть, что старый обычай постепенно исчезает. Несомненно удобно, чтобы существовал такой язык, на котором литовцы могли разговаривать с португальцами или греки с датчанами. Отсутствие такого общепринятого средства сношений приводит к затруднениям. Недавно посольство одной великой державы в Лондоне разослало приглашения на официальный прием на своем северном языке. Представитель одного ближневосточного правителя ответил на это приглашение по-арабски. Лишь с огромными трудностями посол смог разобрать, принял гость приглашение или нет.

Также несомненно, что французский язык обладает качествами, дающими ему право претендовать на первенство перед остальными во всех делах, касающихся дипломатии. Невозможно правильно пользоваться французским языком, не расставляя свои мысли в правильном порядке, не развивая их с логической последовательностью и не употребляя слова с почти геометрической точностью. Если точность—одно из важнейших качеств дипломатии, то надо сожалеть, что мы отбрасываем как средство переговоров один из самых точных языков, когда-либо изобретенных человеческим умом.

III

Теперь я перехожу к определению смысла некоторых технических фраз, употребляемых в современной дипломатии. Отметим между прочим, что многие из выражений, употреблявшихся в XIX веке, сейчас вышли из употребления. Никакой министр иностранных дел не называет своих коллег по кабинету слугами его величества. Выражение «европейская система» в настоящее время бессмысленно, и даже «европейское согласие» едва пережило европейскую войну. Дипломаты больше не говорят про немецкое или про советское правительство «северные дворы». Ноты из Кремля теперь не называют русского посла «нашим послом при

Сент-Джемском дворе». Министр вызовет всеобщее удивление, если он отзовется, как это однажды сделал Веллингтон, о резне, как о «вызвавшей жалобы операции». Путаница, происходящая теперь при употреблении титула «превосходительство», привела бы в уныние любого дипломата довоенной закваски.

Заслуживающая приветствия перемена заметна в постепенном исчезновении привычки (особенно иностранных корреспондентов английских газет) давать некоторым министерствам иностранных дел особые прозвища. Мы и теперь иногда называем французское министерство иностранных дел «Кэ д'Орсе»[2] и соответственное учреждение в Германии «Вильгельмштрассе»[3], но больше не употребляется выражение «Haus am Ballplatz»[4]. Выражение «Блистательная Порта» (которое всегда было ошибочным переводом слов «Bab Ali», или «Ворота величия»)[5] скоро будет понятно только изучающим историю дипломатии.

Теперь я перехожу к моему словарю. Основным источником моих определений является классическая работа Эрнеста Сатоу «Руководство по дипломатической практике», новое издание которой было выпущено в 1932 г. в добросовестной редакции Х. Ритчи.

Accession [присоединение]. В международные договоры часто принято включать «статью о присоединении». По этой статье державы, которые не участвовали в переговорах и которые первоначально не подписали договора, могут впоследствии присоединиться к нему. Хорошим примером является статья 22 международной конвенции относительно опиума (от 23 января 1912 г.), которая гласит, что «державы, которые не были представлены на этой конференции, могут подписать настоящую конвенцию».

Accord [соглашение]. Те вопросы международного значения, которые не столь важны, чтобы заключать из-за них договор или конвенцию, часто разрешаются путем соглашения. В числе этих вопросов такие, как авторские права, здравоохранение, фармакологические формулы и т. д.

Acte Final [заключительный акт]. Часто случается, что в конце какой-нибудь конвенции или конгресса находят нужным составить краткий перечень или изложение проделанных работ. Такие изложения перечисляют договоры, подписанные в результате конференции, и часто содержат согласованные со всеми рассуждения или комментарии по поводу обсужденных вопросов. Такой документ иногда называется «Acte», «Protocol» или «Procès Verbal Final», но выражение «Acte Final» более правильно.

Ad Referendum [до окончательного решения]. Участник переговоров иногда находит выгодным согласиться на какое-нибудь предложение со стороны тех, с кем он договаривается, не связывая своим согласием свое правительство, поэтому он принимает его «ad referendum», подразумевая под этим, что оно «подлежит одобрению моего правительства».

Agrément, Agréation [агреман]. Когда одно правительство желает аккредитировать посла или посланника при другом правительстве, необходимо, чтобы избранное лицо было одобрено правительством той страны, в которую его посылают. Во избежание личной обиды перед официальным запросом принято неофициально осведомиться, даст ли иностранное правительство свое согласие. Известный случай отказа в агремане имел место, когда русский император Николай I отказался принять сэра Стрэтфорд-Каннинга английским послом в Петербурге.

Asylum [убежище]. По общепринятому обычаю, политический беженец, нашедший пристанище в чужой стране, не должен быть отправлен обратно в ту страну, из которой он убежал. Более сложный вопрос возникает, когда

политический беженец ищет убежища не в чужой стране, а в иностранном посольстве или миссии в своей собственной столице. В некоторых восточных странах, в особенности в Персии, этой системой очень злоупотребляют, и целые толпы политиков вместе с семьями укрываются на территории миссии, чтобы спастись от мести своего владыки. Часто требуются долгие переговоры, пока удастся уговорить этих беженцев покинуть посольство.

Attaché [атташе]. Существуют три типа атташе. Во-первых, морские, военные, воздушные и коммерческие атташе, которые обычно являются старшими сотрудниками посольств и которые прикомандированы к миссии для специальной работы. Во-вторых, дипломатические атташе, которые являются секретарями низшего ранга. За последние годы во многих странах этот чин упразднен и должность атташе заменена третьим секретарем. В-третьих, это—почетные атташе, которые являются добровольцами, не получающими жалованья и не числящимися на постоянной дипломатической службе; в большинстве случаев это—молодые люди со средствами и превосходными связями, которые состоят при какой-нибудь миссии годы после окончания университета и до начала карьеры.

Bag [дипломатическая почта]. Посол или посланник держит связь со своим правительством посредством шифрованных телеграмм, телефона и письменных отчетов и сообщений. Эти последние кладутся в почтовые мешки, которые везут особые курьеры, «гонцы короля». Иногда перевозка этих мешков министерства иностранных дел поручается капитанам английских пароходов; за последнее время количество дипломатических курьеров сильно сократилось. «Гонцы короля», или курьеры, снабжаются специальными паспортами, и их багаж считается неприкосновенным. В прошлом членам заграничных миссий было разрешено посылать и получать дипломатической почтой не только личную переписку, но и значительное количество вещей. Теперь эта привилегия, по крайней мере на английской дипломатической службе, сильно ограничена. В день, когда приходит и уходит дипломатическая почта, всегда заметно большое оживление в заграничных миссиях.

Belligerent Rights [права воюющей стороны]. Это выражение относится скорее к международному праву, чем к дипломатии. По международному праву правительство, ведущее войну, имеет некоторые признанные права и обязанности. Самое важное то, что оно имеет право объявить блокаду побережья и портов своего противника. Инсургенты и революционеры не имеют такого права до тех пор, пока они не будут признаны воюющей стороной. Обычно право воюющей стороны принято давать инсургентам, когда становится ясным, что мятеж перерос в гражданскую войну. Но на этот случай нет какого-нибудь общепринятого правила.

Bilateral [двусторонний]. См. *Treaties*.

Capitulations (капитуляции). Великие державы смогли с течением веков заставить некоторые нехристианские страны подписать договоры, по которым их подданным, живущим в стране, давались особые льготы и привилегии. Среди этих привилегий были такие, как освобождение от налогов и от местного суда. Эти договоры называются капитуляциями, а вся бесконечно сложная система называется системой капитуляций. Державы, которые пользовались преимуществами этой системы, назывались капитуляционными державами в отличие от малых держав, которые находились вне этой системы. После войны Турция, Персия и Япония упразднили капитуляции с согласия великих держав.

Casus Belli [основание для войны]—такой поступок со стороны одной державы по отношению к другой, который является поводом к войне. Так, нападение иностранной державы на Египет рассматривалось бы Великобританией как casus belli.

Casus Foederis [обстоятельства, требующие исполнения договора] отличается от вышеуказанного. Он обозначает какой-нибудь поступок или происшествие, которые приводят в действие тот или иной договор о союзе и которые дали бы повод одной из сторон призвать на помощь другую сторону.

Занятие Германией Чехо-Словакии могло бы явиться casus foederis, если бы чехо-словацкое правительство призвало французское и русское правительства выполнить свои обязательства.

Chancelleries [канцлерства]. Часто смешивают слова «Chancellery» и «Chancery» [т. е. канцлерство и канцелярия]. Первоначально канцлерством называли секретариат канцлера. В настоящее время этим словом называют министров и чиновников, которые руководят внешней политикой или дают советы относительно этой политики. Выражение «канцлерства Европы» означает то же самое, что «министерства иностранных дел Европы». Слово «канцелярия» означает бюро при главе дипломатической миссии, куда входят первый, второй и третий секретари и другие служащие, ведущие переписку миссии. Под этим словом разумеется также помещение, в котором сотрудники канцелярии работают. Chancery servant [канцелярский служитель] соответствует посыльному в правительственных учреждениях.

Chargé d'Affaires [поверенный в делах]. Когда посол или посланник уходит в отпуск, он поручает управление миссией следующему по старшинству сотруднику: советнику или первому секретарю. Этот сотрудник на время становится главой миссии, ведет переговоры с иностранным правительством и отчитывается перед своим правительством. Иногда, когда желательно показать недовольство иностранному правительству, поверенного в делах оставляют на долгое время и не назначают преемника уехавшему послу или посланнику. Для назначения поверенного в делах агремана не требуется.

Compromis d'Arbitrage [компромисс об арбитраже]. Когда две страны соглашаются передать свой спор на решение третейского суда, бывает нужным составить соглашение об условиях арбитража. Это соглашение называется компромиссом об арбитраже или просто компромиссом.

Concordat [конкордат]. Когда папа заключает договор с главой государства, этот договор называется конкордатом. Эти договоры начинаются словами: «Во имя святейшей и неразделимой троицы». Один из наиболее известных конкордатов был заключен между папой и итальянским королем в Латеране 11 февраля 1929 г. Этот конкордат решил «римский вопрос».

Conference и *Congress* [конференция и конгресс]. Между этими двумя словами нет общепринятого различия. Иногда утверждают, что конгресс важнее конференции или что слово «конгресс» употребляется в тех случаях, когда перераспределяются территории после всеобщей войны или когда бывают представлены почти все великие державы. История нам показывает, что на практике такие разграничения не делались, и хотя в Вене в 1815 г. был конгресс, обсуждение, имевшее место в Париже после войны 1914—1918 гг., называлось конференцией. С большим основанием можно доказывать, что слово «конференция» скорее подходит к собраниям, на которых присутствуют только победители и непосредственно заинтересованные страны, а когда бывают допущены побежденные и нейтральные страны, тогда более правильно употреблять слово «конгресс». Но даже такое разграничение сторонники чистоты языка подвергают сомнению.

Convention [конвенция]. Конвенция представляет собою договор меньшего значения, а именно такой, который заключен не между главами государств, а между правительствами.

Corps diplomatique [дипломатический корпус]. Дипломатический корпус в каждой стране состоит из дипломатического персонала всех миссий, в том числе и атташе. Консулы и переводчики обычно не рассматриваются как члены дипкорпуса. Старший посол или посланник становится старшиной, или дуаеном, дипкорпуса и представляет дипломатов во всех спорах, касающихся их прав и интересов.

Counsellor [советник]. Старший секретарь посольства (а в исключительных случаях и миссии) имеет звание советника. В важных посольствах, вроде Парижа и Вашингтона, советнику дается ранг посланника. В отсутствие главы миссии он исполняет обязанности поверенного в делах.

Credentials [верительные грамоты]. Посол или посланник при назначении на новый пост снабжается верительными грамотами, подписанными монархом или главой государства. До тех пор, пока он не «вручил свои верительные грамоты», он официально не признается послом.

Démarche [демарш]. Слово «представление» ближе всего передает смысл выражения «демарш», но надо помнить, что французское слово «демарш» подразумевает всякие представления—от предложений до угроз.

Détente [ослабление напряжения]. Слово «détente» не является, как многие думают, противоположным «entente». Оно просто означает «ослабление напряжения».

Diplomatic Illness [дипломатическая болезнь]. Для политического деятеля или участника переговоров часто бывает желательно отсутствовать во время какой-нибудь церемонии или заседания. Чтобы не причинить обиды, он ссылается на болезнь. В случаях, когда эта болезнь—вымышленный предлог, она называется дипломатической болезнью.

Diplomatic Privilege [дипломатические привилегии]. Членам дипломатического корпуса предоставляют некоторые привилегии и льготы в странах, где они официально проживают. Эти привилегии предоставляются не только главе миссии, но и его сотрудникам, их женам и семьям, а также прислуге. Среди этих привилегий имеются и такие, как неприкосновенность личности и жилища, освобождение от местных налогов и от местной уголовной и гражданской юрисдикции. На дипломата нельзя подать в суд и заставить его давать показания. Его могут попросить «отказаться от своих дипломатических привилегий», но он не обязан подчиниться этой просьбе. В исключительных случаях (которые, к счастью, бывают редки, потому что большинство дипломатов из кроткой породы) правительство страны, где дипломат совершил уголовное преступление, может потребовать его отзыва и может даже арестовать его, когда он будет лишен своего привилегированного положения. Иногда дипломатические привилегии распространяются на лиц (вроде членов секретариата Лиги наций), формально не являющихся дипломатами.

En Claire [клерная—открытая—телеграмма]. Телеграммы бывают либо шифрованные, либо на обычном языке. Во втором случае они называются клерными телеграммами. Иногда они посылаются, когда нарочно хотят, чтобы иностранное правительство могло без труда прочесть телеграмму.

Entente [Антанта]. Это выражение возникло из фразы «entente cordiale», или «сердечное согласие». Оно подразумевает, так же как и новое слово «ось», сходство интересов между некоторыми странами и тождественность их политики по некоторым вопросам. Таким образом, оно находится на полпути между «alliance» и «хорошими отношениями». Во время войны и после нее это слово употреблялось для наименования тех держав, которые были связаны таким взаимным пониманием, например Тройственная антанта, Балканская антанта и т. д.

Excellency [превосходительство]. В Великобритании этот нелепый титул дается только послам, вице-королям и генерал-губернаторам. За границей он распространяется на министров и на всех лиц определенного возраста и положения, которым желают угодить.

Exterritoriality [экстерриториальность]. Это слово неточно употребляется для определения вышеуказанных дипломатических привилегий и льгот (см. также *Capitulations*).

Extradition [выдача преступников]. По действующим почти во всех странах мира договорам о выдаче преступников, убежавший в другую страну преступник возвращается в ту страну, где он совершил преступление. Эти договоры не относятся к политическим преступлениям. Политические беженцы, осуществившие побег, получают право убежища.

Extraordinary [чрезвычайный]. В прошлом существовала разница между «обыкновенными», или постоянно проживающими, послами и чрезвычайными, посланными с особыми поручениями. Это вносило раздражающие отличия, и теперь все послы называются чрезвычайными.

Fin De Non Recevoir [отказ принять]. Это выражение обозначает дипломатический прием отвергать официальную жалобу, не разбирая ее. Когда дипломат говорит, что его представления были встречены «fin de non recevoir», он хочет сказать, что «они решительно отказались рассмотреть это дело».

Full Powers [полномочия]. Перед подписанием международного договора участник переговоров получает полномочия с подписью и печатью монарха. Если он подписывает только конвенцию, его полномочия подписываются министром иностранных дел. В Великобритании королевские полномочия заверяют «всех и всякого, кто получит этот документ», что, «полностью доверяя и будучи глубоко уверены в мудрости, верности, прилежности и осмотрительности нашего верного, горячо любимого сэра X и т. д. и т. д., выбрали, определили и назначили его нашим поверенным, уполномоченным и представителем от Великобритании и Северной Ирландии».

General Act [генеральный договор]. Заключительный акт является либо кратким перечнем решений конференции, либо детальным изложением правил, проистекающих из принципов, заключенных в договоре.

Good Offices [добрые услуги]. В случае войны или возникшего между двумя странами спора часто бывает, что третья страна предлагает свои услуги для того, чтобы облегчить решение этого спора или наладить мирные переговоры. Услуги отличаются от посредничества только в количественном отношении. Правительство, которое предлагает свои услуги враждующим сторонам, является лишь средством связи. Посредничество представляет собой гораздо более официальный метод и подразумевает, что посредник будет участвовать в переговорах.

Guarantee, Treaties of [договоры о гарантии]. Некоторые договоры содержат статьи, в которых подписавшие страны ручаются за выполнение и соблюдение договоров. Так, по Лондонскому договору 1839 г. мы гарантировали неприкосновенность Бельгии, а в 1914 г. мы объявили войну, выполняя это обязательство. Существует огромная разница между «Collective Guarantee» [коллективной гарантией] и «Joint and Several Guarantee» [гарантия, объединяющая отдельные гарантии]. В первом случае (как в 1867 г., по договору о неприкосновенности Люксембурга) подписавший обязан действовать лишь при условии, если все остальные подписавшиеся поступят так же. Наоборот, гарантия, объединяющая отдельные гарантии (которая, считалось, была дана в 1839 г. Бельгии), обязывает каждого подписавшего выполнить свои обещания, даже если другие страны уклонятся от своих обязательств или даже нарушат их.

Laisser Passer [пропуск]. Когда чиновники путешествуют по делам, посольство той страны, которую они собираются посетить, снабжает их рекомендательными письмами таможенным властям. Это гарантирует, что их багаж не будет осматриваться на границе. Британским миссиям за границей рекомендуется давать laisser passer только действительным чиновникам, путешествующим по официальным делам. Другие страны более щедры в этом отношении.

Mémoire [памятная записка]. Кроме официальных нот (см. ниже *Notes*), адресованных главой миссии иностранному правительству, существуют всевозможные послания, которые отличаются от нот только тем, что они не имеют формального вступления и не обязательно должны быть подписаны. Эти документы называются по-разному: pro-memoria [для памяти], déduction [итоги], exposé de motifs [изложение мотивов]. Другая памятная записка, aide mémoire [вспомогательный меморандум], представляет собой краткий меморандум, который посол вручает министру иностранных дел по окончании беседы. В этом меморандуме дается в письменном виде краткий итог только что сделанных устных представлений.

Modus Vivendi [временное соглашение]. Так называется временное соглашение, которое в будущем намереваются заменить более официальной и детальной конвенцией.

Notes [ноты]. Обычная дипломатическая нота представляет собой официальное послание главы миссии иностранному правительству. Это послание

может быть написано в третьем или в первом лице. Вариантами обычной ноты бывают: а) *Collective Note* [коллективная нота]. Это—нота, направленная правительству представителями нескольких государств, касающаяся вопроса, в отношении которого им велено сделать совместные представления. Коллективная нота редко подписывается всеми послами на одном и том же листе; каждый посол вручает свою собственную ноту, но текст всюду одинаков. В очень редких случаях эти ноты посылаются одновременно всеми заинтересованными державами. б) *Identic Note* [одинаковая нота]. Похожа на коллективную ноту, но она гораздо менее внушительна. Текст в отличие от смысла не обязательно должен быть тождественным, и одинаковая нота не всегда вручается одновременно. в) *Note Verbale* [вербальная нота]. Это—послание, которое менее официально, чем подписанная нота, и более официально, чем меморандум. Она не подписывается, но принято заканчивать ее каким-нибудь традиционным выражением почтения. В действительности только прибавление вежливого окончания отличает ее от памятной записки.

Persona Grata [персона грата—приемлемая особа]. Когда посол (или посланник) становится неприемлемым правительству, при котором он аккредитован, говорят, что он перестал быть «персона грата». Это—не что иное, как требование его отзыва. Так, Сотомайер попросил Булвера, который попытался давать советы испанскому правительству относительно его внутренней политики, «как можно скорее уехать в отпуск, которым он намеревался воспользоваться». Булвер ответил, что он не намеревался «уезжать в отпуск». Тогда ему вручили его паспорт и велели покинуть страну. Пальмерстон ответил на это разрывом дипломатических сношений с Испанией и выслал испанского посланника из Лондона.

Placement [рассадка]. Хотя споры о старшинстве теперь значительно уменьшились, все же дипломаты придают большое значение порядку, в котором они сидят на обедах. Наука усаживания дипломатических гостей таким образом, чтобы никто из них не был обижен, называется «наукой о рассадке».

Prendre Acte [взять на заметку]. На дипломатическом языке означает: «Я отмечу это и в будущем воспользуюсь этим против вас».

Procès Verbal [протокол]. Протокол конференции. Если его подписывают участники конференции, он приобретает силу договора.

Protocol [протокол]. Вначале протоколом называлась запись соглашения и, как таковая, была гораздо менее официальной, чем договор или конвенция, но много очень важных международных соглашений было заключено в этой форме, как, например, соглашение, подписанное в 1920 г. в Женеве, о создании Постоянного международного суда.

Protocole [протокол]. Означает совокупность правил дипломатических церемоний и этикета. Заведующий протоколом за границей соответствует, с одной стороны, нашему лорду главному церемониймейстеру, а с другой—главе департамента договоров министерства иностранных дел. Прилагательное «протокольный» означает человека, ревностно защищающего старые, традиционные формы этикета.

Raison d'État [государственные соображения]—дипломатическая и политическая теория, по которой следует, что интересы государства стоят выше личной морали.

Rapporteur [докладчик]. Когда комиссия или подкомиссия назначается конференцией для того, чтобы разработать какой-нибудь специальный вопрос, она выделяет из своей среды одного докладчика, который должен доложить конференции о работе комиссии.

Recognition, De Facto [признание де факто]. Когда инсургенту удается установить свое правление на большей части страны, он признается иностранными державами «de facto», или фактическим правителем этих областей, в отличие от «de jure», или законного правителя. В равной мере во время войны государство, занявшее и управляющее большой частью территории неприятеля, рассматривается властью «de facto» на этой территории.

Safe-conduct [свободный проезд]—разрешение какому-нибудь лицу проехать без помех и препятствий через территорию врагов его страны. Так, граф Бернсторф в 1917 г. получил разрешение от союзников проехать в Германию из США.

Sanctions [санкции]—наказания, наложенные за нарушение закона или договора.

Status Quo [статус кво—прежнее положение]. Выражение «status quo» употребляется для обозначения положения в какой-нибудь определенный момент. В прошлом, когда на дипломатическом языке говорили о территории, принадлежащей монарху в какой-нибудь определенный период, употребляли выражение «uti possidetis». «Status quo ante bellum», или «status quo ante», означает положение, бывшее до войны.

Treaties [договоры]. Договоры бывают двусторонние, т. е. заключенные только между двумя странами, или многосторонние, т. е. заключенные между несколькими странами. Договоры взаимной гарантии являются такими международными соглашениями, которые, как Локарнский договор, стремятся гарантировать каждого подписавшего от нападения с чьей-либо стороны.

Ultimatum [ультиматум]. Иногда думают, что слово «ультиматум» означает «объявление войны». Это неверно. Оно часто является «последним словом» только перед прекращением переговоров. Обычно ультиматум принимает форму письменного сообщения о том, что если не будет получен удовлетворительный ответ в такой-то час такого-то числа, последуют такие-то действия. Эти действия не обязательно должны быть началом войны. Так, во время злополучного дела дона Пасифико Пальмерстон вручил ультиматум Греции, в котором сообщалось, что если она не примет его требования через 24 часа, он захватит греческие корабли и объявит блокаду греческих портов.

Under Flying Seal [под летучей печатью]. Часто бывает, что посол, посылая отчет своему правительству, считает полезным, чтобы заключенные в нем сведения были переданы его коллеге в другой столице. Тогда он посылает письмо «под летучей печатью»; это означает, что по дороге его прочитывает другой посол. Так, отчет английского посла в Петербурге, если он будет помечен «Under Flying Seal to Berlin» [«Под летучей печатью в Берлин»], будет распечатан и прочитан по пути в министерство иностранных дел английским послом в Берлине.

Unfriendly Act [недружелюбный акт]. Когда одно государство желает предупредить другое, что некоторые действия с его стороны могут привести к войне, принято заявлять, что такие действия будут рассматриваться как недружелюбный акт.

Unilateral Declaration [односторонняя декларация]. Иногда державы пытаются установить свои права или свою политику декларациями, которые вручаются другим державам для информации и для всяких соображений. Доктрина Монро была именно такой декларацией. Более свежим примером является циркулярная нота лорда Керзона от 15 марта 1922 г., в которой он предупреждает другие державы, что Великобритания «не допустит», чтобы особые отношения, существующие между ней и Египтом, стали предметом обсуждения, и будет рассматривать любую попытку вмешательства в дела Египта как недружелюбный акт.

Venue [место суда или район юрисдикции данного суда]. Опытные дипломаты не употребляют этого выражения, но оно в большом ходу среди журналистов. Оно означает место, где происходит конференция или свидание. Профессиональные дипломаты считают неприличным употреблять это избитое выражение.

Voeux [пожелания]. Бывает, что конференция желает приложить к договору некоторые пожелания относительно поведения в будущем. Так, Гаагская мирная конференция 1899 г. высказала шесть таких пожеланий. Они не имеют обязательной силы для подписавшихся под ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В настоящее время французский язык уже перестал быть языком дипломатических сношений. Во всяком случае на международных конференциях допускаются речи на разных языках, с тем чтобы был обеспечен перевод на французский или на английский язык. Дипломатические представители обычно пишут свои обращения в соответственные министерства иностранных дел на языке страны пребывания. Английский язык, на котором говорит больше людей, чем на французском, становится самым распространенным языком среди дипломатов.

[2] *Кэ д'Орсе*—см. прим. 12 к гл. V, стр. 78.

[3] *Вильгельмштрассе*—улица в Берлине, на которой находится германское министерство иностранных дел.

[4] *Балльплац*—площадь в Вене, на которой расположен дом, принадлежавший австро-венгерскому министерству иностранных дел.

[5] *Блистательная Порта*—обозначение Турецкой империи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август Октавий (63 до н. э.—14 н. э.)—император древнего Рима. Имя Августа ему было дано за выдающиеся заслуги. После него все императоры Рима носили это имя—*87*.

Александр (1876—1903)—сербский король из династии Обреновичей. Был убит вместе с женой Драгой 11 июня 1903 г. в результате заговора радикально настроенных офицеров—*111*.

Александр I (1777—1825). С 1801 г., после убийства с его согласия отца его, Павла I, стал русским императором. Он непрочь был высказывать идеи туманного либерализма. Эти идеи быстро испарились из страха перед тем подъемом, который охватил широкие круги русского народа в борьбе с нашествием Наполеона. Из «либерала» он превратился в одну из самых реакционных фигур своего времени, организатора Священного союза—*49*, *95*.

Александр II (1818—1881)—русский император. В 1875 г. вместе со своим канцлером (министром иностранных дел) Горчаковым отправился в Берлин, чтобы предотвратить новую войну между Германией и Францией, которую тогда намеревался вызвать Бисмарк—*47*.

Александр Македонский, прозванный Великим (356—323 до н. э.)—с 336 г. до н. э. царь Македонии, один из величайших в истории завоевателей, создатель обширной Восточной империи. Товарищ Сталин дал прекрасную характеристику царства Александра Македонского: «...Великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»—*34*.

Альфан (Alphand), Шарль (род. в 1879 г.)—французский дипломат; в 1933—1936 гг. был послом в Москве. После этого назначен послом в Берн. Любопытно, что Франция имеет в Швейцарии посла, а Швейцария во Франции—посланника—*124*.

Аристотель (384—322 до н. э.).—По оценке Маркса, «величайший мыслитель древности». Близко подходил к материализму и диалектике. Автор сочинений на самые разнообразные темы. Помимо философских книг оставил книгу о государственном устройстве Афин «Афинская полития». Был учителем Александра Македонского—*68*.

Архидам II—спартанский царь и полководец (с 469 по 427 г. до н. э.)—*33*.

Баррер (Barrère), Камилл (род. в 1851 г.)—французский дипломат, с 1897 по 1925 г. посол в Риме. Играл большую роль в деле вовлечения Италии в мировую войну на стороне союзников. Старался помешать установлению дипломатических отношений между СССР и Италией в 1924 г.—*90*.

Бернсторф (Bernstorff), Иоганн (род. в 1862 г.), граф—германский дипломат, посол в Вашингтоне в 1908—1917 гг., после этого—посол в Константинополе. Старался предотвратить вступление Америки в войну—*85*, *86*, *139*.

Бертело (Berthelot), Филипп (1866—1934)—французский дипломат. Всю службу провел в аппарате министерства иностранных дел. В 1920 г. был назначен генеральным секретарем министерства иностранных дел.

Вскоре был обвинен в том, что, пользуясь служебным положением, он оказывал содействие Промышленному банку в Китае, в котором его брат состоял директором. Дисциплинарный суд в 1922 г. под председательством Пуанкаре запретил ему в течение 10 лет быть на государственной службе. В 1925 г. Эррио настоял, чтобы к Бертело была применена амнистия, и назначил его снова генеральным секретарем министерства—*90*.

Бетман-Гольвег (Bethmann-Hollweg), Теобальд (1856—1921)—германский государственный деятель, с 1909 по 1917 г.—рейхсканцлер Германии. Во время разговора с английским послом Гошеном в августе 1914 г. назвал договор о нейтралитете Бельгии «клочком бумаги». Эта фраза получила большую известность—*53, 68*.

Бисмарк (Bismarck), Отто (1815—1898), князь—выдающийся немецкий государственный деятель и дипломат; его исторической заслугой является воссоединение Германии и создание в 1870—1871 гг. Германской империи, проведенное, по выражению Ленина, «контр-революционно, по-юнкерски». С 1862 г. занимал пост прусского министра-президента, а с образования Германской империи—ее рейхсканцлер до 1890 г.—*44, 47, 50, 51, 63, 89, 100*.

Боккаччо (Boccaccio), Джованни (1313—1375)—знаменитый итальянский писатель и поэт, вместе с Петраркой основоположник гуманизма, известен своим «Декамероном». В 1347 г. был послом Флорентийской республики в Равенне, в 1351 г.—в Падуе, Романье и Тироле, в 1353 г.—у папы Иннокентия VI, а затем Урбана V. В 1367 г. был послом у папы в Риме, причем речь его при вручении верительных грамот имела большой успех—*26*.

Болейн (Boleyn), Томас (1477—1539)—английский государственный деятель, несколько раз ездил в качестве посла Генриха VIII во Францию. Отец знаменитой Анны Болейн, жены Генриха VIII—*27*.

Борк (Burke), Эдмонд (1729—1797)—английский государственный деятель и известный публицист, один из самых непримиримых врагов французской буржуазной революции XVIII века—*26*.

Брайс (Bryce), Джемс (1838—1922), лорд—английский историк и государственный деятель, дипломат, автор книги «Священная Римская империя». В 1886 г.—помощник министра иностранных дел. В 1907—1913 гг. был послом в Вашингтоне, где приложил много стараний для урегулирования отношений между США и Канадой—*108*.

Бриан (Briand), Аристид (1862—1932)—крупный государственный деятель Франции. Бывший левый социалист. В качестве такового в 1902 г. был избран депутатом парламента. В 1906 г. стал министром народного просвещения, а в 1909 г.—премьер-министром. За вступление в буржуазное министерство был исключен из социалистической партии. На посту премьера расправился со стачкой железнодорожников в 1910 г. Был премьер-министром 11 раз. Особую известность приобрел в качестве министра иностранных дел Франции в 1915—1917, 1921—1922, 1925—1929 и 1931—1932 гг. Представлял Францию на Вашингтонской конференции 1921/22 г., на Локарнской конференции 1925 г. (он был одним из авторов Локарнского договора), в Лиге наций. Пытался договориться с Германией в лице ее министра иностранных дел Штреземана (см. прим. 3 на стр. *77*). Его переговоры с США привели в 1928 г. в Париже к заключению известного пакта Келлога—Бриана—*95*.

Булвер (Bulwer), Эдуард, лорд Литтон (1831—1891)—занимал много дипломатических постов. С 1887 по 1891 г. посол в Париже. Был также с 1875 по 1880 г. генерал-губернатором Индии. Боролся с Россией за влияние в Афганистане—*51, 111, 138*.

Бюлов (Bülow), Бернгард (1849—1929), князь—крупный германский государственный деятель и дипломат. В 1888 г. был назначен посланником в Румынии, в 1894 г.—послом в Риме. В 1897 г. стал министром иностранных

дел, а в 1900 г.—рейхсканцлером и оставался на этом посту до 1909 г. После начала мировой войны, с декабря 1914 г., был снова назначен послом в Италии, но удержать ее от вступления в войну на стороне Англии и Франции ему не удалось—*53, 68, 69, 75, 85, 86, 100.*

Васко да Гама (Vasko da Gama) (1469—1524)—великий португальский мореплаватель. В 1497 г. обогнул Африку с юга (мыс Доброй Надежды) и в 1498 г. достиг Индии. Этим он установил сообщение морем между Европой и Индией—*38.*

Веллингтон (Wellington), Артур-Уэллсли (1769—1852), герцог—английский полководец и государственный деятель. Особенно известен победой над Наполеоном при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Будучи крайним реакционером, не гнушался, несмотря на высокое положение, полицейскими функциями и возглавлял войска при подавлении народных чартистских выступлений—*133.*

Виктория (Victoria) (1819—1901)—английская королева, правившая в течение 64 лет (1837—1901). Была в родственных отношениях почти со всеми царствующими династиями Европы. Ее царствование совпало с огромным ростом британского капитализма и увеличением влияния Англии в международных делах. Добивалась усиления влияния королевской власти во внешней политике Англии—*47, 84, 107, 118.*

Вильгельм (William) *Завоеватель* (1027—1087)—герцог Нормандии, вторгшийся в 1066 г. в Англию и ставший первым королем Англии—*25.*

Вильгельм (Wilhelm) *II* (род. в 1859 г.)—с 1888 до 1918 г. германский император—*44, 46.*

Вильсон (Wilson), Вудро (1856—1924)—президент Соединенных штатов Америки с 1913 по 1921 г. При нем США в 1917 г. вступили в первую империалистическую войну, хотя на выборах 1916 г. он выступал с лозунгом неучастия в войне. Играл большую роль во время заключения Версальского договора и в организации Лиги наций, в которой он видел «свободный союз народов», призванный создать новый порядок в международных отношениях. Показной идеализм Вильсона был лишь оболочкой, прикрывавшей империалистические тенденции. «Новым евангелием» Вильсона пацифисты иногда называют «14 пунктов программы мира», которые Вильсон изложил в послании конгрессу США 8 января 1918 г.—*31, 33, 48, 56, 57, 101, 115, 131.*

Вордсворт (Wordsworth), Уильям (1770—1850)—известный английский поэт—*86.*

Гаррис (Harris), Джемс, лорд Малмсбери (1746—1820)—английский дипломат, занимавший много дипломатических постов. Был послом в Петербурге при Екатерине II—*45, 46, 51, 70.*

Гвиччардини (Guicciardini), Франческо (1483—1540)—известный итальянский историк и политический деятель во Флоренции и при папах. В 1512 г. ездил с дипломатической миссией к испанскому королю Фердинанду. В своем главном труде «История Италии» и других работах верно отразил особенности политического быта эпохи—*26.*

Гегель (Hegel), Фридрих (1770—1831)—великий немецкий философ-идеалист и диалектик. Создавая свое философское учение — диалектический материализм,—Маркс и Энгельс переработали гегелевскую диалектику, поставив ее с головы на ноги. Гегель считал, что германский народ осуществит полную свободу в результате диалектического развития от восточного деспотизма древности через свободу для немногих в средние века—*88.*

Гейне (Heine), Генрих (1797—1856)—знаменитый немецкий поэт, многим был обязан влиянию Маркса—*85.*

Гизо (Guizot) (1787—1874)—крупный французский буржуазный историк и государственный деятель. Начав свою политическую деятельность как либерал, он проявил себя впоследствии как крайний консерватор. В 1840 г. был послом в Лондоне. Был министром иностранных дел Франции с 1840 по 1848 г.—*71.*

Гитлер (Hitler), Адольф (род. в 1889 г.)—германский рейхсканцлер, лидер немецкого национал-социализма—*44*, *61*, *88*, *100*, *101*.

Гладстон (Gladstone), Уильям (1809—1898)—крупный государственный деятель и один из выдающихся ораторов Англии. Вступил в парламент в 1832 г. в качестве консерватора. В 1852 г. был членом коалиционного министерства Эбердина, затем перешел к либералам и в 1868 г. был премьером либерального правительства. Долгое время боролся против самоуправления для Ирландии, но с середины 80-х годов стал сторонником этого самоуправления. Гладстон умел приспособляться к меняющимся настроениям английских избирателей и видел в «либеральных» реформах способ сохранить целость Британской империи и успокоить народные массы. С 1876 г. до конца своей жизни был членом парламента от шотландского графства Мидлотиан. Его речи во время избирательной кампании 1879 г. в Шотландии сыграли большую роль в истории либеральной партии Англии. Эти речи Гладстона во время так называемой «мидлотианской кампании» и имеет в виду Никольсон—*47*, *50*, *84*.

Гольштейн (Holstein), Фридрих (1837—1909)—советник политического отдела германского министерства иностранных дел с 1878 по 1906 г., т. е. в течение 28 лет. Играл крупнейшую закулисную роль во внешней политике Германии. Был весьма близок к Бисмарку и имел на него значительное влияние. Считал, что главным врагом Германии является Англия. Он не допускал и возможности союза Франции с Россией и сближения между Францией и Англией, а также между Россией и Англией. Гольштейн при этих условиях не боялся войны Германии с Англией, но полагал, что Англия не решится воевать. По настоянию Гольштейна, Вильгельм появился в 1905 г. в Танжере и устроил там демонстрацию, произнеся речь (написанную Гольштейном) о том, что Марокко он рассматривает, как независимое государство, несмотря на то, что, по соглашению в 1904 г. между Англией и Францией, Марокко попадало в сферу влияния Франции—*89*.

Гранди (Grandi), Дино (род. в 1895 г.)—итальянский политический деятель, дипломат, был делегатом Италии на ряде международных конференций; в 1929—1931 гг.—министр иностранных дел; с 1932 г.—посол в Лондоне; в настоящее время—член правительства—*91*.

Грей (Grey), Эдуард, виконт Фаллодон (1862—1933)—крупный английский политический деятель. Член английского парламента с 1885 г. от либеральной партии. В 1905—1916 гг.—министр иностранных дел. На этом посту продолжал начатую консервативным министерством политику сердечного согласия с Францией. В 1907 г. заключил соглашение с Россией (см. прим. 3 на стр. 66). В 1912 г. путем обмена писем с французским послом Полем Камбоном обязался оказать военную помощь Франции в случае нападения на нее третьей державы или в случае угрозы миру. В 1914 г. пытался ограничить войну восточным фронтом, выдвинув даже в переговорах с германским послом Лихновским идею «показной» войны на западе. Поставил английский парламент перед необходимостью высказаться за войну против Германии—*57*, *79*, *118*, *131*.

Гренвиль (Grenville), Уильям (1759—1834), лорд—английский министр иностранных дел в кабинете Питта 1791—1801 гг. и премьер-министр в 1806—1807 гг.—*110*.

Гроций (Grotius), Гуго (1583—1645)—голландский юрист и государственный деятель. Один из основателей науки международного права. Его главной работой был трактат «О праве войны и мира». Он впервые выдвинул принцип деления войн на «справедливые» и «несправедливые», однако в обосновании этого принципа, разумеется, не смог подняться выше своего времени—*32*.

Гренвиль (Granville), Джордж (1815—1891), лорд—министр иностранных дел Англии в 1870—1874 и 1880—1885 гг.—*118*, *119*.

Гунарис, Деметриус (1867—1922)—греческий политический деятель. Был премьер-министром в 1915 и 1921—1922 гг. 28 ноября 1922 г. вместе

с пятью другими министрами и генералами был расстрелян по приговору военного суда после переворота, возглавленного венизелистом полковником Пластирасом—*111*.

Д'Абернон (D'Abernon), Эдгар (род. в 1857 г.), лорд—английский государственный деятель. Знаток финансовых вопросов. В 1920—1926 гг. был английским послом в Берлине, первым после войны 1914—1918 гг. Участвовал в проведении «плана Дауэса». Большую роль сыграл в подготовке Локарнской конференции 1925 г. Свои дневники, которые он вел во время пребывания в Берлине, издал под названием «Посол мира»—*108*.

Данте (Dante), Алигьери (1265—1321)—величайший итальянский поэт, автор знаменитой «Божественной комедии» и других произведений. Принимал активное участие в политической жизни. Являясь уроженцем Флоренции, был, однако, не ее послом, а послом Равенны (в Венеции в 1321 г.)—*26*.

Дауэс (Dawes), Чарльз (род. в 1865 г.)—банковский деятель США. В 1923 г.—председатель Комитета экспертов, составившего план германских платежей по репарациям наряду с балансированием бюджета и стабилизацией германской марки. В 1924 г. в качестве кандидата республиканской партии был избран вице-президентом. Гувер после своего избрания президентом назначил Дауэса послом в Англию, где последний и оставался до 1931 г.—*95*.

Дерби (Derby), Эдуард (род. в 1865 г.)—английский государственный деятель, в 1916 г.—военный министр в кабинете Ллойд Джорджа, в 1918—1920 гг.—английский посол в Париже, в 1922—1924 гг.—снова военный министр—*108*.

Драга Машин—сербская королева, жена короля Александра (см.); убита вместе с ним—*111*.

Екатерина II (1729—1796)—с 1762 г. русская императрица. Ее военная политика ознаменовалась рядом больших и успешных войн с Турцией (1768—1774, 1778—1791), Швецией (1788—1790), участием в разделах Польши, приобретением Крыма и Новороссии—*44—46*, *68*.

Жюссеран (Jusserand), Жан (1855—1932)—дипломат и писатель, автор многих исторических и историко-литературных трудов. Был французским послом в Вашингтоне с 1902 по 1925 г., т. е. 23 года. Его деятельность в Вашингтоне способствовала вступлению США в войну на стороне союзников—*90*.

Извольский, Александр Петрович (1856—1919)—министр иностранных дел царской России с 1906 по 1910 г. Оскандалился заключением в 1908 г. соглашения с министром иностранных дел Австро-Венгрии Эренталем в Бухлау (см. прим. 2 на стр. 77). С 1910 по 1917 г. состоял царским послом в Париже и активно подготовлял мировую войну—*53*.

Кавур (Cavour), Камилло-Бензо (1810—1861), граф—крупнейший итальянский политический деятель. Сыграл руководящую роль в деле воссоединения Италии и создания объединенного Итальянского королевства. С 1850 г. занимал ряд министерских постов. Отличался исключительной дипломатической ловкостью—*44*, *63*.

Кальер (Callieres), Франсуа (1645—1717)—французский дипломат. В 1716 г. издал книгу под заглавием «О способе ведения переговоров с государями» («De la manière de négocier avec les souverains»). Книга эта долгое время являлась руководством для дипломатов—*69*, *75—77*.

Камбон (Cambon), Жюль (1845—1935)—известный французский дипломат. С 1907 по 1914 г. был послом в Берлине. В 1925 г. опубликовал книгу о дипломатии под названием «Дипломат»—*43*, *44*, *53*, *69*, *73*, *90*.

Камбон (Cambon), Поль (1843—1924)—брат Жюля Камбона, французский дипломат. С 1898 до 1920 г. был в течение 22 лет послом в Лондоне и на этом посту сыграл большую роль в деле создания Антанты. Он способствовал сближению Англии и Франции, подписал в 1904 г. с министром иностранных дел Англии Ленсдауном известное англо-французское согла-

шение («сердечное согласие»). Способствовал заключению англо-русского соглашения в 1907 г.—*53, 73, 90.*

Каннинг (Canning), Джордж (1770—1827)—принадлежал к плеяде выдающихся государственных деятелей Англии XIX века. Консерватор. С 1796 г.—помощник министра иностранных дел, а в 1807—1809 и в 1822—1827 гг.—министр иностранных дел. В 1827 г.—глава правительства. Во время его управления министерством иностранных дел велась война с Наполеоном, причем Каннинг был инициатором военных действий против Наполеона в Испании. Был против вмешательства Священного союза в дела Испании и южноамериканских республик. В результате его переговоров с правительством США в 1823 г. в США была опубликована известная «доктрина Монро», выдвигавшая принцип невмешательства европейских держав в дела американского континента—*49, 50, 58, 63, 83, 100.*

Каннинг (Canning), Стрэтфорд, виконт де Редклиф (1786—1880)—английский дипломат, занимавший большое количество постов. Был посланником Англии в Берне и в Вашингтоне. Был послом в Константинополе в 1825—1829 гг. и снова в 1842—1858 гг. В 1832 г. предполагалось назначить его послом в Петербург, где он был ранее (в 1824 г.), но Николай I отказался дать ему агреман—*51, 117, 133.*

Канторович (Kantorovicz), Герман (род. в 1877 г.)—немецкий юрист, автор многих работ по истории права. Полное название его книги, упоминаемой Никольсоном,—«Дух британской политики и призрак окружения Германии» («Der Geist der englischen Politik und das Gespenst der Einkreisung Deutschlands»), 1929—*84, 85.*

Карл (Karl) *V* (1500—1558)—с 1519 г. император Священной Римско-Германской империи и с 1517 г.—король испанский—*27.*

Кауниц (Kaunitz), Венцель (1711—1794), князь—австрийский государственный деятель и дипломат. С 1753 г.—государственный канцлер и в течение 40 лет был одним из руководителей внешней политики Австрии. Подготовил союз Австрии с Россией и Францией против Пруссии, реализованный в Семилетней войне (1756—1763). Циркуляр Кауница, о котором говорит Никольсон, призывал к объединению сил европейских монархий для борьбы против революционной Франции—*49.*

Кемден (Camden), Джон (1759—1840), лорд—*70.*

Керзон (Curzon) (лорд Керзон, оф Кедлстон), Джордж-Натаниэль (1859—1925)—английский политический деятель, консерватор. Один из наиболее агрессивных представителей английского империализма. В парламенте—с 1886 г. Помощник министра иностранных дел с 1895 по 1899 г. Среди написанных им книг—«Россия в Центральной Азии» (1889), «Персия и персидский вопрос» (1892), «Проблемы Дальнего Востока» (1894). Его пребывание в должности генерал-губернатора Индии в 1899—1905 гг. ознаменовалось рядом репрессий против освободительного движения индийского народа. В 1915 г. был членом коалиционного кабинета Асквита, в 1916 г.—членом военного кабинета. После Парижской мирной конференции 1919 г. стал министром иностранных дел, но в вопросах внешней политики и дипломатии играл второстепенную роль при Ллойд Джордже, который, будучи премьером, занимался этими вопросами сам. После ухода Ллойд Джорджа в отставку в 1922 г. остался министром иностранных дел в консервативном кабинете Бонар Лоу до 1924 г. В 1923 г. предъявил известный ультиматум советскому правительству, обвиняя советских дипломатических представителей в антибританской деятельности в Персии и Афганистане. Благодаря умелой тактике советского правительства Керзон вынужден был изменить свою позицию и отказаться от ультиматума, удовлетворившись второстепенными уступками советского правительства. Осуждал оккупацию Рура франко-бельгийскими войсками, вследствие чего у него испортились отношения с Пуанкаре—*95, 112, 115, 139.*

Кидерлен-Вехтер (Kiderlen-Waechter), Альфред (1852—1912)—германский государственный деятель и дипломат. Министр иностранных дел Гер-

мании с 1910 по 1912 г. Вел переговоры с французским послом Жюлем Камбоном об урегулировании отношений между Германией и Францией, не давшие значительных результатов—*74*.

Кларендон (Clarendon), Джордж (1800—1870)—английский государственный деятель и дипломат. В 1853 г. получил пост министра иностранных дел в кабинете Эбердина и оставался на этом посту во время Крымской войны и Парижского конгресса 1856 г. В 1859 г. ушел в отставку. В 1865 г. снова стал министром иностранных дел и оставался им до самой смерти—*118, 119*.

Клемансо (Clemenceau), Жорж (1841—1929)—выдающийся французский политический деятель. В начале своей политической карьеры был левым радикалом. Будучи премьер-министром в 1906—1909 гг., посылал войска для расстрела бастовавших рабочих. Ярый сторонник идеи реванша, он до и во время империалистической войны занимал пост председателя Военной комиссии. Играл огромную роль во французском парламенте и не раз добивался отставки того или иного министерства, уделявшего, по его мнению, недостаточно внимания подготовке реванша, т. е. войны против Германии. Во время мировой войны сначала находился в оппозиции. 16 ноября 1917 г., когда война принимала тяжелый оборот для Франции, сделался премьером «министерства спасения». На этом посту проявил большую энергию. Версальский мирный договор был составлен под его непосредственным руководством. Клемансо был инициатором и вдохновителем интервенции в Советской России и поддерживал всех врагов Страны Советов—*48, 57, 115*.

Корсаков—один из малоизвестных фаворитов Екатерины II—*45*.

Криспи (Crispi), Франческо (1818—1901)—крупный итальянский государственный деятель. Принимал активное участие в борьбе за воссоединение Италии. От республиканизма 1848 г. совершил эволюцию к откровенному монархизму. В 1887—1891 и 1893—1896 гг.—премьер-министр Италии—*44*.

Кроу (Crowe), Эйр (1864—1925)—видный английский дипломат. Занимал разные посты в центральном аппарате министерства иностранных дел. Был постоянным помощником министра иностранных дел в 1920—1925 гг Автор известного меморандума об отношениях между Англией и Германией, написанного им в 1907 г.—*82, 112*.

Крю (Crewe), Роберт (род. в 1858 г.)—английский государственный деятель и писатель. Входил в состав либерального правительства в 1905 и 1908 гг. В 1922—1928 гг. был английским послом в Париже, где проявил большие дипломатические способности, для того чтобы сохранить дружественные отношения с Францией, стоявшие под угрозой из-за расхождений в вопросе об оккупации Рурской области—*108*.

Ла Брюйер (La Bruyère), Жан (1645—1696)—французский писатель, сатирик и моралист. Особенно прославился своими произведениями, в которых изображал современных ему деятелей, в том числе дипломатов—*52, 67*.

Ленсдаун (Lansdowne), Чарльз (1845—1907)—военный министр Англии в 1895—1900 гг. и министр иностранных дел в 1900—1906 гг. При нем в 1902 г. был заключен англо-японский союз и в 1904 г. договор о «сердечном согласии» с Францией—*118, 120*.

Лихновский (Lichnowsky), Карл-Макс (1860—1928), князь—германский дипломат. С 1904 по 1912 г. был в отставке, затем был назначен послом в Лондоне. Оставался там до начала войны 1914—1918 гг.—*89*.

Ллойд Джордж (Lloyd George), Давид (род. в 1863 г.)—один из крупнейших буржуазных политических деятелей Англии, либерал. Избран в палату общин в 1890 г. С 1905 г —министр торговли, с 1908 г.—канцлер казначейства. Проведя ряд социальных реформ, не в меру разрекламированных (легализация права забастовки, введение 8-часового рабочего дня для горняков, установление государственных пенсий для престарелых, государственное страхование рабочих и т. д.), Ллойд Джордж оказался весьма полезным для английской буржуазии. Став во время мировой войны в 1915 г. министром снаряжения, в 1916 г. военным министром, а затем и премьером, Ллойд Джордж проводил тактику наступления на права

рабочего класса во имя победы над Германией. Во время выработки Версальского мирного договора играл руководящую роль вместе с Вильсоном и Клемансо. Будучи сторонником антисоветской интервенции, Ллойд Джордж в результате широкого движения протеста в Англии изменил позицию—*57, 62, 99, 115, 131.*

Львов, Георгий Евгеньевич (1861—1925), бывший князь, крупный помещик—член I Государственной думы, кадет. Во время мировой войны—председатель Всероссийского союза земств. После февральской революции—председатель первого Временного правительства. После Великой Октябрьской социалистической революции—белоэмигрант—*99.*

Людовик (Louis) *XIV* (1638—1715)—с 1643 г. король Франции. Наиболее типичный абсолютный монарх, выразивший свой взгляд на королевскую власть известными словами: «Государство—это я»—*44, 60, 106.*

Людовик (Louis) *XVI* (1754—1793)—с 1774 г. король Франции, казненный во время Французской буржуазной революции конца XVIII века по приговору Конвента—*110.*

Маджи (Maggi), Оттавиано—венецианский политический деятель и писатель XVI века—*68.*

Макдональд (MacDonald), Рамзей (1866—1937)—бывший лидер рабочей (лейбористской) партии Англии, один из типичных представителей оппортунистических руководителей II Интернационала. В 1924 г. стал премьер-министром первого рабочего правительства. В 1929 г. сформировал второе рабочее правительство. Образовал в 1931 г. коалиционное национальное правительство с преобладанием консерваторов и был исключен из лейбористской партии. В 1935 г. прошел в парламент лишь на дополнительных выборах. В том же году под давлением консерваторов отказался от поста премьера. В 1937 г. Макдональд вышел из состава кабинета и вскоре умер—*95.*

Макдоннел (MacDonnel), Патрик (1844—1925)—английский колониальный деятель; долго служил в Индии. В 1902—1908 гг.—помощник министра по делам Ирландии. С 1908 г.—член палаты лордов. В 1912—1914 гг.—председатель Комиссии по гражданской службе—*118.*

Макиавелли (Machiavelli), Никколо (1469—1527)—итальянский писатель, политический мыслитель и деятель. Из его многочисленных дипломатических поручений наиболее значительны поручения ко двору Чезаре Борджиа, к папскому двору, ко двору французского короля Людовика XII. В своих произведениях «История Флоренции» и особенно в книге «Государь» Макиавелли обобщил политическую практику своего времени и создал своеобразную систему политики и дипломатии, не брезгающую никакими средствами и получившую название «макиавеллизма»—*26, 36, 70.*

Малмсбери (Malmsbury)—см. *Гаррис.*

Мантуа (Mantoux), Поль (род. в 1877 г.)—французский профессор истории и географии, автор известной книги «Промышленная революция XVIII в. в Англии» (русское издание 1925 г.). На Парижской мирной конференции 1919 г. был секретарем и переводчиком—*131.*

Маргариа (Margaria), Юзебио—протодиакон из Верчелли, савойский посланник у папы в XV веке—*27.*

Менсдорф (Mensdorff), Альберт (род. в 1861 г.)—австро-венгерский дипломат, был послом в Лондоне с 1904 по 1914 г. С 1920 г. был представителем Австрии в Лиге наций—*85.*

Меттерних (Metternich), Клеменс-Венцель-Лотарь (1773—1859), князь—выдающийся австрийский политический деятель. Вдохновитель европейской реакции и организатор Священного союза; играл крупную роль на Венском конгрессе 1815 г. На посту посланника в Берлине и Париже, министра иностранных дел (1809—1848) и канцлера (1821—1848) развернул свои способности искусного дипломата—*49, 50, 73, 95, 100.*

Милюков, Павел Николаевич (род. в 1859 г.)—историк, лидер кадетской партии, член III и IV Государственной думы. После февральской

революции—министр иностранных дел Временного правительства в марте—апреле 1917 г. Вынужден был уйти в отставку ввиду разоблачения его империалистической политики. После Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал—*99*.

Монро (Monroe), Джемс (1758—1831)—дипломат, президент США (1816—1824). С его именем связана «доктрина Монро», возвещенная им 2 декабря 1823 г. и устанавливавшая принцип невмешательства европейских государств в американские дела, недопустимость увеличения существующих владений европейских государств на американском континенте и передачи их от одного европейского государства другому—*139*.

Моуат (Mowat), Роберт-Бальмен (род. в 1883 г.)—английский профессор, автор книги «Дипломатия и мир»—*31*, *88*.

Муссолини (Mussolini), Бенито (род. в 1883 г.)—вождь итальянского фашизма. До первой империалистической войны был левым социалистом и редактором социалистической газеты «Avanti» в Милане. Во время войны стал горячим сторонником участия в войне на стороне союзников. После войны организовал фашистскую партию. В 1922 г., после похода на Рим, сделался премьер-министром и с тех пор стоит во главе итальянского правительства. После захвата Абиссинии, проведенного под руководством Муссолини в 1935—1936 гг., итальянский король получил титул императора Эфиопии—*44*, *101*, *110*.

Наполеон (Napoleon) *I* Бонапарт (1769—1821)—с 1804 г. французский император, выдающийся полководец. Задушив революцию, Наполеон сохранил «только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии» (*Сталин*). Опираясь на военную силу, созданную революцией, Наполеон одержал множество побед, но вместе с тем превратил освободительные войны Франции в завоевательные, которые в ответ вызвали национально-освободительные войны против владычества Наполеона—*49*, *73*.

Наш (Nash), Томас (1567—1601)—английский писатель, особенно известен памфлетами на политические темы—*36*.

Николай I (1796—1855)—с 1825 г. русский император; благодаря его реакционной внутренней и внешней политике Россия того времени получила кличку «жандарма Европы»—*133*.

Норманби (Normanby), Константин-Генри (1797—1863), лорд—английский дипломат. Был послом в Париже в 1846—1852 гг. и посланником во Флоренции в 1854—1857 гг.—*71*.

Орландо (Orlando), Витторио (род. в 1860 г.)—крупный итальянский политический деятель. Много раз был членом правительства. Во время первой империалистической войны был сторонником вступления Италии в войну на стороне Англии. В 1917 г. сделался главой правительства. В качестве такового участвовал на Парижской мирной конференции 1919 г., где вначале входил в состав руководящей «Четверки» вместе с Вильсоном, Клемансо и Ллойд Джорджем. В виде протеста против решения о Фиуме, которое отдавалось Сербии, Орландо демонстративно уехал с конференции. После возвращения на конференцию играл значительно меньшую роль—*101*, *115*.

Пальмерстон (Palmerston), Генри (1784—1865)—один из крупнейших государственных деятелей Англии XIX века. Неоднократно занимал пост министра иностранных дел; с 1855 г. до конца жизни (с перерывом в 1858 г.) был премьер-министром. При нем велись продолжительные войны с Китаем и Крымская война. Во время Крымской войны Маркс обвинял Пальмерстона в том, что он ведет «показную» войну в интересах реакционной России—*50*; *63*, *83*, *138*, *139*.

Панин, Никита Иванович (1718—1783)—дипломат. Был советником Екатерины II по вопросам внешней политики. Руководил иностранной коллегией. Занимал ряд дипломатических постов—*45*.

Пасифико (Pacifico), Давид, дон—гибралтарский еврей, английский подданный—*139*.

Петрарка (Petrarca), Франческо (1304—1347)—итальянский поэт, вместе с Боккаччо основоположник гуманизма; прославился своими сонетами. Сам флорентинец, он был послан в 1343 г. в качестве представителя папы с дипломатической миссией к неаполитанскому королю. Впоследствии, поселившись в Милане, выполнял разные дипломатические поручения правившего там дома Висконти—*26*.

Питт (Pitt), Уильям (Младший) (1759—1806)—в 1783—1801 и в 1804—1806 гг.—премьер-министр Англии. В 1793 г. порвал дипломатические отношения с революционной Францией. Мир, заключенный с Францией в 1802 г., был недолговечен. В 1803 г. Англия объявила войну наполеоновской Франции. После этого Питт вернулся к власти—*110*, *117*, *119*.

Пластирас—греческий военный и политический деятель—*111*.

Платон (ок. 428—ок. 348 до н. э.)—философ древней Греции, идеалист. Писал также на политические темы. Многие свои мысли излагал в виде диалогов—*68*.

Потемкин, Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791)—крупнейший деятель царствования Екатерины II. Был одно время ее фаворитом, но в отличие от большинства других фаворитов играл большую роль независимо от этой «должности». По его плану был завоеван Крым—*45*, *46*.

Пруст (Proust), Марсель (1871—1922)—французский писатель. Больше всего известна серия его романов «В поисках утраченного времени». Среди персонажей его произведений интересен тип французского дипломата—Норпуа. Это дипломат старой школы, ограниченный, но с представительной внешностью, «скучный, как дождь». Другие дипломатические фигуры (например, де Вогубер) в его произведениях изображены с еще бо́льшим количеством отрицательных черт—*52*.

Пуанкаре (Poincaré), Раймонд (1860—1933)—видный французский политический деятель, по профессии адвокат. В 1887 г. был впервые избран в палату депутатов. В 1893 г.—министр народного просвещения. С тех пор много раз бывал министром. В 1912 г.—глава правительства и министр иностранных дел. В 1913 г. был избран президентом Франции. На этом посту активно участвовал в руководстве французской внешней политикой. В июне 1914 г. посетил Петербург для укрепления франко-русского союза и подготовки к войне. Во время мировой войны делал все возможное для доведения войны до победного конца и получил прозвище «Пуанкаре-война». После окончания президентских полномочий стал фактическим главой «национального блока». В 1922 г.—снова премьер-министр. Занимал непримиримую позицию в отношении Германии. Провел в 1923 г. оккупацию Рура, чтобы заставить Германию платить репарации. Оставался премьером до победы левого блока во Франции в 1924 г. В 1926 г. сделался опять премьером для «спасения» французских финансов и оставался им до 1929 г. Был вдохновителем интервенции в Советской России—*95*.

Регул, Марк-Атилий—римский полководец, бывший в III веке до н. э. консулом (высшая государственная должность в древнем Риме). Согласно легенде во время войны с Карфагеном (торговый город на северном берегу Африки) он попал в плен и был отпущен в Рим с поручением склонить римлян к миру. Несмотря на то, что Регул уговаривал римский сенат продолжать борьбу, верный данному слову, он возвратился в Карфаген и подвергся там мучительной казни—*23*.

Ритчи (Ritchie), Хью (род. в 1864 г.)—крупный чиновник английского министерства иностранных дел, где работает с 1883 г., редактор изданий книги Сатоу «Руководство по дипломатической практике» в 1929 и 1932 гг.—*133*.

Россель (Russell), Джон (1792—1878)—английский политический деятель, автор проекта парламентской реформы 1832 г., занимал ряд министерских постов. Был премьер-министром в 1846—1852 и 1865—1866 гг. и министром иностранных дел в 1852—1853 и в 1860—1865 гг.—*83*.

Руссо (Rousseau), Жан-Жак (1712—1778)—французский писатель и философ-моралист, выдающийся идеолог революционной мелкой буржуазии XVIII века. Наибольшей известностью пользуются его «Общественный договор», «Исповедь» и «Эмиль»—*55*.

Савойский герцог, Людовик (1434—1465)—*27*.

Сатоу (Satow), Эрнест (1843—1929)—английский дипломат. С 1895 по 1900 г.—посланник в Токио, с 1900 по 1906 г.— посланник в Китае. Автор известной книги «Руководство по дипломатической практике»—*38*, *114*, *129*, *133*.

Свифт (Swift), Джонатан (1667—1745)—английский писатель, один из величайших сатириков (автор «Гулливера» и др.), талантливый публицист и политический деятель. Принадлежал к партии торнев, вел кампанию за Утрехтский мир (см. прим. 11 на стр. 66)—*63*.

Сен-Кантен (St. Quentin), Рене (род. в 1883 г.)—французский дипломат. В 1937 г. был назначен послом в Рим, после того как был получен агреман от итальянского правительства. Однако он не мог вручить свои верительные грамоты, потому что в них итальянский король не был назван императором Эфиопии. В результате Сен-Кантен был назначен послом в Вашингтон, где оставался до 1940 г.—*110*.

Сесиль (Cecil), Роберт (род. в 1864 г.), лорд—политический деятель Англии. Долгое время был членом парламента. Несколько раз заменял министра иностранных дел Англии, представительствуя в Лиге наций и на конференциях по разоружению—*118*.

Сибург (Sieburg), Фредерик (род. в 1893 г.)—немецкий писатель на политические темы. Автор книг «Будущее Германии», «Красная Арктика» (путешествие «Малыгина») и «Польша» (легенды и действительность). До современной войны—корреспондент немецкой газеты «Frankfurter Zeitung»—*87*, *88*.

Силасси (Szilassy), граф—автор книги «Договор» («Le traité»), весьма поверхностной и неинтересной—*68*, *69*.

Скуайерс (Squires)—автор книги о британской пропаганде во время первой мировой войны—*100*.

Смит (Smith), Чарльз-Юэн—английский дипломат—*73*.

Солсбери (Salisbury), Роберт (до получения звания лорда носил фамилию Сесиль) (1830—1903)—видный политический деятель Англии. В бытность министром иностранных дел участвовал вместе с Дизраэли-Биконсфильдом на Берлинском конгрессе 1878 г. Был и позже министром иностранных дел и премьер-министром. При нем урегулирован был конфликт с Францией из-за Египта (Фашода) в 1898 г. и разразилась англо-бурская война 1899—1902 гг. Солсбери ушел в отставку в 1902 г.—*112*.

Солтер (Salter), Артур (род. в 1881 г.)—профессор Оксфордского университета; крупный специалист по вопросам транспорта. Был экспертом на Парижской мирной конференции 1919 г. Работал в Лиге наций—*94*.

Соннино (Sonnino), Сидней (1847—1922), барон—итальянский государственный деятель и дипломат. В 1880—1919 гг.—член палаты депутатов. Был премьер-министром Италии в 1906 и в 1909 — 1910 гг. В 1914 г. стал министром иностранных дем и оставался им до окончания первой мировой империалистической войны. Участвовал на Парижской конференции в качестве второго итальянского делегата—*70*.

Сотомайер (Sotomayer), Камилло-Феликс (1816—1893)—испанский политический и военный деятель—*138*.

Стиннес (Stinnes), Гуго (1870—1924)—германский промышленный деятель, «король угля и стали». После первой мировой войны дешево скупил акции множества германских предприятий и сделался главой громаднейшего концерна, влиявшего на всю экономическую жизнь Германии (после его смерти концерн распался). Стиннес пользовался большим политическим влиянием. Никольсон имеет в виду решительное отклонение Стиннесом чрезмерных требований стран Антанты на конференции в Спа в 1920 г.—*73*.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1863—1911)—русский министр внутренних дел и затем председатель совета министров (с 1906 по 1911 г.). Реакционер, жестоко подавлявший революционное движение. Провел «столыпинскую реформу» расселения крестьянства по хуторам для создания широкого слоя кулачества. Не занимая поста министра иностранных дел, он не вел никаких переговоров с иностранными дипломатами, но играл большую роль в политике царского правительства. Очевидно, производил на иностранных дипломатов большое впечатление своей целеустремленностью—*53*.

Стрэтфорд-де-Редклиф—см. *Каннинг*, Стрэтфорд.

Стэббс (Stubbes), Филипп—английский пуританский писатель, памфлетист; биография его мало известна—*36*.

Сфорца (Sforza), Карло (род. в 1879 г.)—итальянский дипломат и публицист; был на многих дипломатических постах, в частности в 1911—1915 гг.—посланник в Китае, в 1915—1918 гг.—в Сербии, в 1920—1921 гг.—министр иностранных дел. После прихода фашистов к власти был одним из лидеров демократической оппозиции, затем эмигрировал; в эмиграции издал ряд книг—*91*.

Сфорца (Sforza), Франческо (1401—1466)—миланский герцог—*27*.

Талейран-Перигор (Talleyrand), Шарль-Морис (1754—1838)—один из самых выдающихся и вместе с тем самых продажных и коварных дипломатов Франции конца XVIII и первой трети XIX века. После французской революции в 1791 г. отказался от сана епископа, затем эмигрировал в Америку. Когда победила контрреволюция, вернулся в Париж и в 1797 г. был назначен министром иностранных дел Директории. Способствовал возвышению Наполеона и оставался министром иностранных дел при нем до 1807 г. Когда были восстановлены Бурбоны, служил им. После революции 1830 г. был на службе у Филиппа Орлеанского. Успешно защищал интересы Франции во время Венского конгресса—*45*, *73*.

Таттенбах (Tattenbach), Христиан-Фридрих (1846—1910)—немецкий дипломат, посланник в Танжере, представитель Германии на Алхесирасской конференции 1906 г.; в 1908—1910 гг.— посол в Мадриде—*73*.

Теофраст (372—287 до н. э.)—греческий писатель. Его книга «Этические характеристики» переведена французским писателем Ла Брюйером (в 1689 г.) с присоединением характеристик современных деятелей—*67*.

Тома (Thomas), Альбер (1878—1932)—правый французский социалист. Во время мировой войны поддерживал империалистическую политику Франции и входил в состав правительства сначала помощником министра снаряжения, потом министром снаряжения. После войны, с 1919 г., был директором Интернационального бюро труда при Лиге наций—*99*.

Уоттон (Wotton), Генри (1568—1639)—английский дипломат и поэт. Занимал дипломатические посты в разных странах. Около 20 лет был послом Англии в Венеции. В 1620 г. был специальным послом в Вене—*35*, *36*.

Уэст (West), Никольс (1461—1533)—английский епископ и дипломат, несколько раз был послом Генриха VIII во Франции—*27*.

Филлипс (Phillips), Алисон (род. в 1864 г.)—профессор Дублинского университета, автор статьи «Дипломатия» («Diplomacy») в «Британской энциклопедии»—*68*.

Фихте (Fichte), Иоганн (1762—1814)—немецкий философ идеалистической школы, педагог и общественный деятель. Много писал по общественно-политическим вопросам в духе немецкого национализма. Он сыграл большую роль своими «Речами к немецкой нации», с которыми выступил в 1807 г., во время владычества Наполеона над Пруссией—*88*.

Франциск (François) *I* (1494—1547)—с 1515 г. король Франции, один из выдающихся абсолютных монархов—*27*.

Фридрих (Friedrich) *II Великий* (1712—1786)—с 1740 г. прусский король, при котором Пруссия превратилась в великую европейскую державу. Наиболее типичный представитель так называемого «просвещенного абсолютизма», прикрывавший свою неограниченную власть показным либе-

ренизмом, покровительством наукам, искусству и т. д. Фридрих II был выдающимся государственным деятелем и полководцем — *44*, *68*, *69*, *83*.

Фукидид (род. между 460 и 455 гг., ум. ок. 396 г. до н. э.)—крупнейший историк древней Греции, называемый «отцом научной истории». Написанная им история Пелопоннесской войны до сих пор является основным источником по этому предмету—*22*, *23*.

Христиан (Christian) *IX* (1818—1906)—король Дании. Вступил на престол в 1863 г. Его дочь Александра была замужем за английским королем Эдуардом VII, другая дочь, Дагмара (Мария),—за русским царем Александром III, сын под именем Георга I был королем Греции—*47*.

Хэнки (Hankey), Морис (род. в 1877 г.)—занимал ряд видных постов в британской имперской службе. Участвовал на многих международных конференциях, в том числе на Парижской мирной конференции 1919 г. (где был британским секретарем), Вашингтонской 1921 г. и Генуэзской 1922 г.—*93*, *94*.

Чемберлен (Chamberlain), Хаустон-Стюарт (1855—1926)—сын английского адмирала, поселился в Германии и сделался идеологом расовой теории германского национализма и врагом Англии. Его написанная по-немецки книга «Основы XIX столетия» наделала в свое время много шума. Во время мировой войны демонстративно стал германским подданным—*88*.

Шовлен (Chauvelin), Бернар (1766—1832)—в 1792 г. посол Франции в Англии. После казни Людовика XVI в 1793 г. был выслан из Англии—*110*, *111*.

Штреземан (Stresemann), Густав (1878—1929)—государственный деятель Германии. До войны—национал-либерал, после войны—член германской народной партии. Во время мировой войны был за войну до победы. Стоял за отказ подписать Версальский мир. В 1923 г. сделался рейхсканцлером Германии и министром иностранных дел. В том же году оставил пост рейхсканцлера, сохранив портфель министра иностранных дел почти до самой смерти. При его участии был разработан план Дауэса платежей по репарациям. Представлял Германию на конференции в Локарно вместе с рейхсканцлером Лютером. При нем Германия вступила в 1926 г. в Лигу наций. Вел переговоры с Брианом в Туари (см. прим. 3 на стр. 77)—*95*.

Эдуард (Edward) *VII* (1841—1910)—английский король. Вступил на престол после смерти королевы Виктории в 1901 г. В отличие от других английских королей активно участвовал в дипломатической деятельности Англии. Способствовал сближению в 1904 г. Англии и Франции («сердечное согласие») и в 1907 г. Англии и России—*46*, *47*.

Эллиот (Elliot), он же лорд Минто (1751—1814),—был послом в Вене с 1799 по 1801 г. Больше всего известен как генерал-губернатор Индии с 1807 по 1813 г.—*51*.

Эренталь (Aerenthal), Алоис (1854—1912)—австро-венгерский государственный деятель и дипломат. Был послом в Петербурге с 1898 по 1906 г. Известен своим соглашением с русским министром иностранных дел Извольским в 1908 г. в Бухлау (см. прим. 2 на стр. 77)—*53*, *89*.

Эррио (Herriot), Эдуард (род. в 1872 г.)—известный французский политический деятель. Неоднократно был премьер-министром и министром иностранных дел. В 1924 г., когда он был премьер-министром и министром иностранных дел, восстановил дипломатические отношения с СССР. За последние годы был председателем палаты депутатов—*95*.

Юстиниан I (483—565)—в 527—565 гг. император Восточной Римской империи (см. также прим. 15 на стр. 79)—*24*.

Юстиниан II (669—711)—с 685 г. император Восточной Римской империи —*21*.

Яков (James) *I* (1566—1625)—с 1567 г. был шотландским королем (под именем Якова VI); с 1603 г.—король Великобритании и Ирландии—*36*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Происхождение организованной дипломатии	17
» II. Развитие теории дипломатии	31
» III. Переход от старой дипломатии к новой	43
» IV. Демократическая дипломатия	55
» V. Идеальный дипломат	67
» VI. Типы европейской дипломатии	79
» VII. Последние изменения в дипломатической практике	93
» VIII. Дипломатическая техника	105
» IX. Дипломатическая служба	117
» X. Дипломатический язык	129
Указатель имен	141

Подписано в печать 7/II 1941 г.
Печатных листов $9^3/_4$. Авторских листов 10,854.
46.256 зн.в печ. л. А33176. Тираж 50.000 экз.
Цена книги в переплете 4 руб.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва,
Трехпрудный, 9. Заказ № 2015.